А. Андріяновъ.

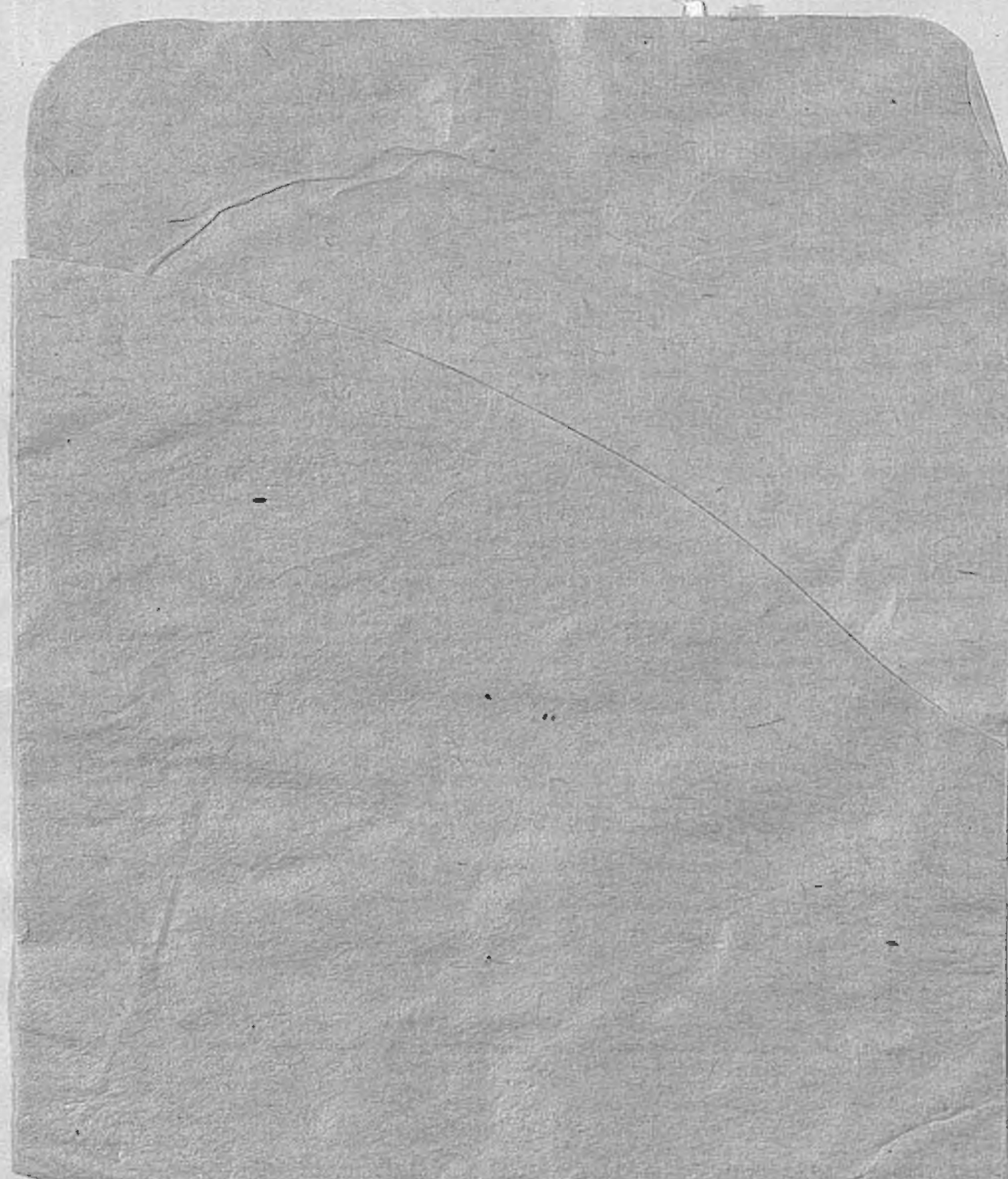
ИНКЕРМАНСКІЙ БОЙ

и

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ.

Наброски участника

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1903.

А. Андріяновъ.

ИНКЕРМАНСКІЙ БОЙ

и

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ.

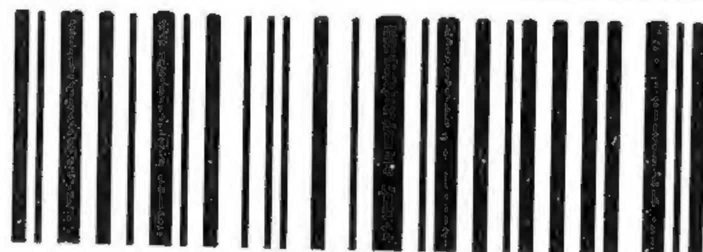
Наброски участника

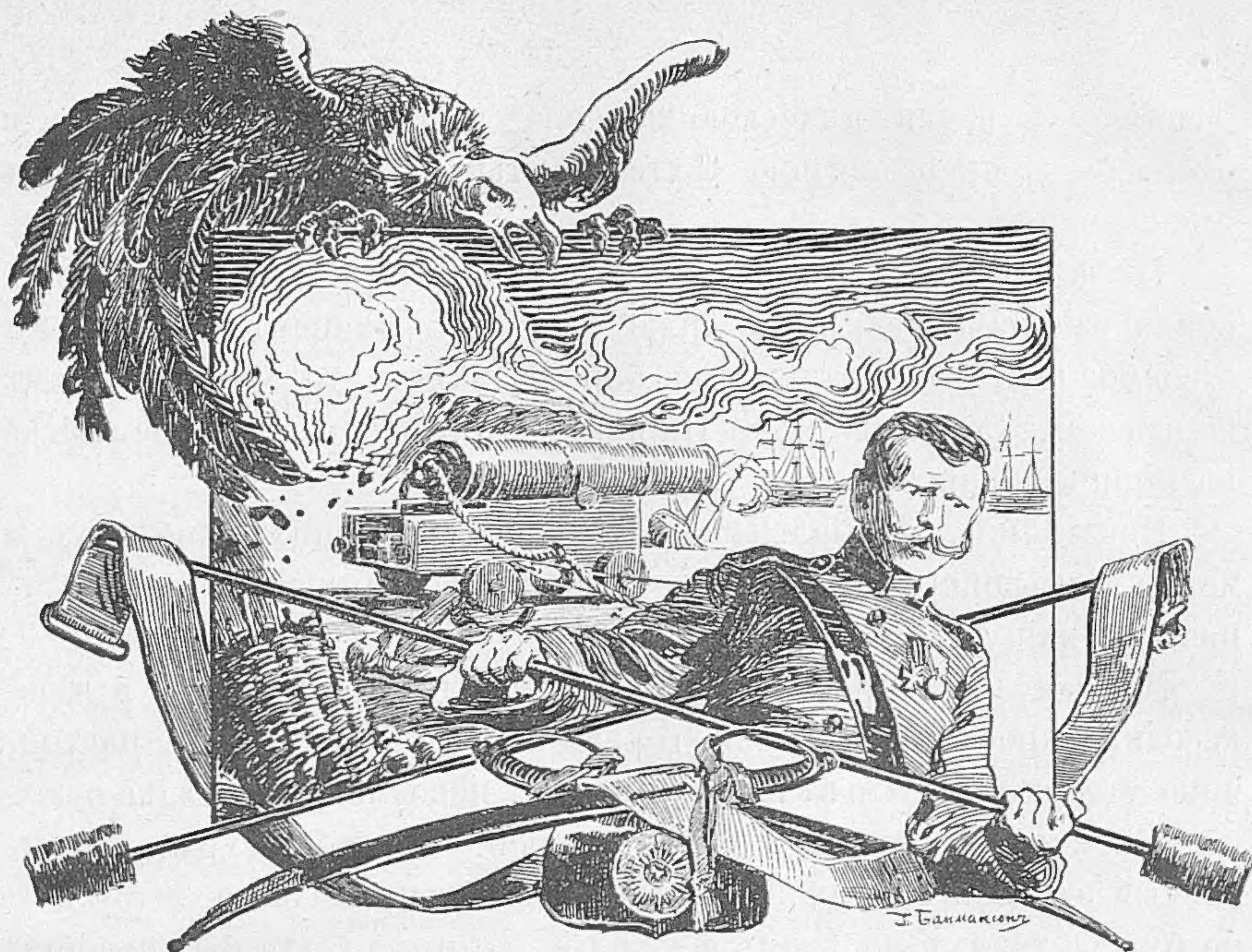

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 21-го Апрѣля 1903 года

ИНКЕРМАНСКІЙ БОЙ
и
ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ.

(Наброски участника).

Вступленіе.

Выпускной экзаменъ офицеровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба въ 1854 году.—Представленіе генералъ-адъютанту Жомини.

Въ годовщину начала обороны Севастополя, въ 1854 году, вмѣстѣ съ товарищами старшаго класса, я оканчивалъ курсъ военныхъ наукъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Время было полное ожиданій: помимо предстоящаго экзамена, долженствующаго опредѣлить нашу новую служебную карьеру, вниманіе къ наукамъ постоянно отвлекалось мечтаніями о боевыхъ подвигахъ нашихъ войскъ на берегахъ

Дуная, ихъ подвижническою жизнью, роскошью природы юга, и здоровою жизнерадостною дѣятельностью, полною неожиданныхъ приключеній.

Но всѣ эти мечты омрачались загадочными слухами изъ арміи: война уже началась, кровь лилась, а тѣмъ временемъ говорилось и о возможности окончанія этой борьбы какимъ-то миролюбивымъ конгресомъ, засѣдавшимъ въ Парижѣ, который переведетъ-де войска на мирное положеніе.

Печатались офиціальныя увѣдомленія о нашихъ побѣдахъ, а между тѣмъ войска почему-то оставляли завоеванныя мѣста и отступали на нашу сторону Дуная.

На каѳедрахъ професора хранили предвзятое молчаніе и только одинъ професоръ тактики, горячо вѣруя въ свою науку, настойчиво утверждалъ, что въ нынѣшній вѣкъ невозможна высадка союзныхъ войскъ на берегахъ нашихъ морей, что это абсурдъ, разбиваемый здравой критикой и историческими примѣрами: не было и не будетъ такихъ могучихъ флотилій, которыя были бы способны перевезти достаточную массу войскъ, а главное такихъ запасовъ для нихъ, которые потребуются для борьбы съ такою грозною державою, какъ Россія, и что превозносимая смертоносность дальнобойныхъ штуцеровъ есть не болѣе, какъ бредъ дилетантовъ военнаго дѣла, незнакомыхъ съ практикой войны: на такихъ дальнихъ дистанціяхъ, которыя отводятся для штуцера, очертаніе предметовъ настолько сокращается, что процентъ попаданія пуль дѣлается ничтожнымъ, а наоборотъ, что гладкоствольное ружье, при быстротѣ его заряжанія, есть единственное вѣрное оружіе для угощенія за дерзость непрошенныхъ гостей. При этомъ предлагалось не забывать всегда полезное изрѣченіе безсмертнаго Суворова, что «пуля дура, а штыкъ молодецъ».

Молчала и исторія: професоръ ея уже давно закончилъ свои лекціи; своимъ могучимъ плечомъ онъ приперъ ворота Вѣнскаго конгреса и не допускалъ возможности развитія исторической жизни внѣ путей, начертанныхъ священнымъ союзомъ.

Словомъ, голоса этихъ авторитетовъ науки свидѣтельствовали, что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. А внѣ академическихъ стѣнъ, въ увеселительныхъ садахъ и на базарныхъ площадяхъ, тогдашняя публика насмѣшливо распѣвала задорныя пѣсенки на счетъ неудачъ «воеводы Пальмерстона».

Между тѣмъ «отъ старости ветхій» Западъ коварно расширялъ предѣлы своихъ операцій на моряхъ и океанахъ, по всему міру

отыскивая уязвимыя границы Россіи: дѣлалъ промѣры береговъ чуть не у самыхъ жерлъ нашихъ крѣпостныхъ орудій и устраивалъ опорные пункты, чтобы неожиданно и одновременно напасть на насъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и разбить на голову.

Время, какъ продуктъ творчества, между тѣмъ текло непоколебимо-правильно для всего міра, почему, несмотря на наше нетерпѣніе, въ свое время приблизилось и начало экзаменовъ. Испытанія эти завершились благополучно. Хотя аудиторіи и были необыкновенно переполнены экзаменующимися офицерами, а именно 45 человѣкъ въ выпускномъ классѣ (противъ восьми въ предшествующемъ году), однако, экзамены окончились благополучно для всѣхъ; весь нашъ контингентъ зачисленъ былъ въ составъ генеральнаго штаба. Отпало не болѣе 2—3 офицеровъ еще задолго до начала экзаменовъ.

Наплывъ этотъ въ академію главнымъ образомъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что окончившимъ академію были даны Державною волею много новыхъ правъ и преимуществъ. Вступительный экзаменъ держало 75 офицеровъ, а принято изъ нихъ было только 48 человѣкъ. Вслѣдъ затѣмъ сдѣлано было въ главномъ штабѣ и самое распредѣленіе выпущенныхъ офицеровъ на различные пункты пространнаго театра войны, который своими предѣлами касался трехъ частей свѣта—Америки, Азіи и Европы.

Что касается меня лично, то вслѣдствіе дружескихъ связей я могъ быть зачисленъ въ финляндскія войска, поближе къ Петербургу, но я отклонилъ это предложеніе, и рѣшеніе этого важнаго вопроса—судьбу свою—отдалъ всецѣло на волю Провидѣнія. Я попалъ въ южную придунайскую армію, находившуюся подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Горчакова, и мнѣ не пришлось въ этомъ раскаиваться, потому что я удостоился великой чести, въ званіи дивизіоннаго квартирмейстера 10-й пѣхотной дивизіи войти въ составъ гарнизона города Севастополя и прослужить всю кампанію подъ непосредственнымъ начальствомъ лучшихъ военноначальниковъ того времени, лицъ отважныхъ, сердобольныхъ и, при всей строгости, справедливыхъ. Такими лицами были генералы: Соймоновъ, Семякинъ, князь Васильчиковъ, Хрулевъ и Сухозанетъ (впослѣдствіи бывшій военнымъ министромъ). Подъ ихъ начальствомъ въ разное время я провелъ на различныхъ мѣстахъ гарнизонной територіи Севастополя семь мѣсяцевъ и восемь дней (что засчитано было по Севастопольскому расчету за семь лѣтъ, восемь мѣсяцевъ и 24 дня), изъ коихъ два съ половиной мѣсяца про-

велъ при войскахъ, защищавшихъ 4-й бастіонъ и укрѣпленія съ нимъ связанныя въ началѣ обороны крѣпости, когда вся сила огня обращена была на этотъ многострадальный бастіонъ, а именно съ 24-го октября 1854 года по 10-е января 1855; 12 дней прослужилъ при войскахъ 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій подъ начальствомъ генерала Хрулева, а остальное время (за весь періодъ начальствованія штабомъ генерала Семякина) въ составѣ генералъ-квартирмейстерскаго главнаго управленія полевого штаба, исполняя въ единственномъ своемъ лицѣ всѣ тѣ должности, которыя положены по штатамъ для сего управленія, а впослѣдствіи и офицера по особымъ порученіямъ при начальникѣ штаба арміи. Изъ всѣхъ субалтернъ-офицеровъ бывшаго тогда генеральнаго штаба я первымъ вошелъ въ крѣпость и съ послѣдними войсками, если не всего гарнизона, то тѣми, которыя обороняли Корабельную слободку, вышелъ изъ него, хотя и обезсиленнымъ, но не раненымъ. Раньше меня прибылъ въ крѣпость только одинъ полковникъ Поповъ.

Гнетущимъ бременемъ легли послѣдствія Крымской кампаніи на всю Россію; тяжелымъ и гнетущимъ кошмаромъ были и для меня всѣ воспоминанія о дорогихъ моихъ товарищахъ и начальникахъ, павшихъ славною смертью при защитѣ Севастополя. Пребывая на бастіонахъ, я видѣлъ ежедневно рядъ смертей и страданій близкихъ и не близкихъ мнѣ лицъ, а попавъ въ управленіе генералъ-квартирмейстера пришлось мнѣ вести скорбные отчеты о числѣ героевъ-защитниковъ, ежедневно убывавшихъ изъ гарнизона. Вотъ та причина, почему я, несмотря на свѣжесть воспоминаній, не могъ заставить себя взяться за перо, чтобы описать тогдашнія кровавыя впечатлѣнія.

Прошло почти полъ-столѣтія со дня сдачи Севастополя. Не отличаясь даже въ молодости хорошею памятью, я думалъ, что за этотъ долгій періодъ времени изгладились изъ нея всѣ событія, но, къ удивленію моему, благодаря вѣроятно силѣ пережитыхъ впечатлѣній, по мѣрѣ напряженія моей памяти возстановлялись въ ней не только всѣ событія, но даже имена лицъ, участвовавшихъ въ нихъ, какъ начальствующихъ, такъ и небольшихъ чиновъ арміи. Къ сожалѣнію, просвѣтлѣніе памяти касалось только тѣхъ трагическихъ эпизодовъ, которые волновали душу; обыденное же служеніе, заурядно штабное, въ памяти сильно потускнѣло за истекшее 50-ти-лѣтіе.

По связи съ Военной Академіей, въ которой я окончилъ курсъ военныхъ наукъ, позволю себѣ внести сюда одинъ эпизодъ, хотя и

изъ семейной жизни, но тѣмъ не менѣе косвенно касающійся и академіи.

Наканунѣ отъѣзда на войну я получилъ запоздалое письмо отъ моей матушки, директриссы петербургскаго Маріинскаго института, съ приглашеніемъ пріѣхать къ ней на обѣдъ и съ обѣщаніемъ сдѣлать для меня пріятный сюрпризъ. Я исполнилъ ея желаніе—поѣхалъ.

Въ швейцарской висѣло генеральское пальто. На вопросъ: «кто? швейцаръ отвѣчалъ: «генералъ Жомини съ семействомъ». Вотъ когда и при какой обстановкѣ мнѣ пришлось увидѣть это свѣтило высшей военной науки, прославившее себя и государственною мудростью, и опытностью въ бояхъ! Менѣе всего я ожидалъ встрѣтить его именно теперь, потому что генералъ Жомини въ послѣднее время не покидалъ своей далекой родины—Швейцаріи.

При среднемъ ростѣ, крайней худобѣ и видимой старости, генералъ Жомини отличался кипучею подвижностью. Тонкія черты лица—характерный признакъ этой подвижности, были покрыты мелкими морщинами. Старческій румянецъ покрывалъ щеки и маскировалъ нѣсколько преклонность лѣтъ. Продолговатый носъ указывалъ на западную, французскую расу, а рѣзкій взглядъ и повелительный голосъ свидѣтельствовали о привычкѣ распоряжаться властно.

Начало встрѣчи повидимому не предвѣщало мнѣ удачи. Меня, недавно покинувшаго учебную скамью, угнетала его ученая извѣстность, почему мнѣ хотѣлось сидѣть вдали отъ генерала и ограничиться однимъ наблюденіемъ, но свободныя мѣста были только около него. Я, разумѣется, выбралъ дальнее. Генералъ, вѣроятно, понялъ мое намѣреніе и, указывая на ближайшій къ себѣ стулъ, рѣзко прибавилъ: «куда удаляетесь? садитесь ближе»! Я исполнилъ его приказаніе. Новая позиція оказалась для меня невыгодной: vis à vis сидѣла вся семья генерала, слѣдовательно, я долженъ былъ расчитывать, что разговоръ будетъ вестись на французскомъ языкѣ, и притомъ, судя по серьезности генерала, станетъ дѣловымъ, требующимъ техническихъ словъ, которыхъ я не имѣлъ въ запасѣ. Я пустился на хитрость: сталъ говорить тихо. «Говорите громче! я отъ старости плохо слышу», потребовалъ генералъ. Пришлось выкрикивать на весь залъ... Къ счастью, по своей живости онъ не давалъ мнѣ распространяться, сейчасъ же схватывалъ мою мысль и самъ старался развивать ее.

Разговоръ зашелъ объ академіи. Будучи ея почетнымъ членомъ,

генералъ поинтересовался узнать, какъ идутъ наши академическія занятія. Замѣтно было съ первыхъ словъ, что онъ полюбилъ нашу академію, слѣдилъ за всѣмъ строемъ ея жизни, а главное за преподаваніемъ военныхъ наукъ. Онъ остался недоволенъ теперешнимъ ея направленіемъ и къ концу обѣда изрекъ свое резюме.

Въ образованіи нашей академіи генеральнаго штаба онъ, по волѣ Государя, принималъ живое и непосредственное участіе. Его планъ не былъ принятъ, и оттого-то, по его мнѣнію, и явилось то нежелательное направленіе, въ которомъ онъ засталъ ее нынѣ. Большая масса знаній, пріобрѣтаемыхъ памятью, органомъ наименѣе почтеннымъ, и недостатокъ практическихъ занятій, развивающихъ мыслительныя способности и привычку къ рѣшительнымъ и быстрымъ комбинаціямъ, составляли существенный ея недостатокъ. Двухлѣтній курсъ былъ слишкомъ коротокъ для усвоенія той массы знаній, которая требуется современнымъ состояніемъ военныхъ наукъ. Директоръ академіи долженъ помимо дисциплинарной строгости, конечно, приличной для высшаго военнаго заведенія, внушать еще теплыя чувства сердечной привязанности и признательности за свои заботы, попеченіе и вниманіе, чтобы тѣмъ смягчалась самая суровость дисциплины и рѣзкость ея формъ и пр. и пр...

Словомъ, знаменитый стратегъ былъ видимо нервозенъ, ничѣмъ недоволенъ и все подвергалъ своей неумолимой критикѣ.

Противъ ожиданія, представленіе мое генералу Жомини окончилось благополучно. Онъ объявилъ, что все мною сообщенное его очень заинтересовало, и въ знакъ выраженія своей благодарности даритъ мнѣ книгу своего послѣдняго произведенія, подъ заглавіемъ «Appendice au précis de l'art de la guerre», которая въ настоящее время, сказалъ онъ, есть для Россіи «unica» въ томъ смыслѣ, что хотя сочиненіе это и было уже напечатано въ Парижѣ, но въ продажу еще не поступало, а онъ съ собою привезъ всего одинъ экземпляръ. Обрадованный, я не находилъ словъ, чтобы выразить ему свою глубокую признательность. Къ сожалѣнію, лестный для моего самолюбія его отзывъ былъ испорченъ краткой вставкой: «книгу эту въ настоящее время вы не оцѣните, но современемъ, въ чинѣ напр. полковника, когда сдѣлаетесь болѣе опытны, поймете ея полезныя стороны.» Слова эти укололи мое молодое самолюбіе. Окончилъ, думаю себѣ, академію, а упрекъ въ неопытности по прежнему преслѣдуетъ меня. Но, дѣйствительно, очень скоро въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ война, пришлось сознаться, что я былъ неопытенъ. Сердечность почтеннаго генерала проявилась при прощаніи; вы-

димо отъ души онъ пожелалъ мнѣ здоровья, боевыхъ отличій и громкой репутаціи. Его задушевное напутствіе разогнало мои тяжелыя думы о будущемъ и на всю жизнь оставило пріятныя воспоминанія.

Жомини—родомъ швейцарецъ, въ молодости поступилъ въ одинъ изъ швейцарскихъ полковъ, состоявшихъ до 1792 года на французской службѣ. Занимаясь потомъ въ одной изъ парижскихъ комерческихъ конторъ, онъ изучилъ хорошо военныя науки и издалъ въ 1804 году извѣстное сочиненіе, заключавшее въ себѣ сравнительное изображеніе кампаній Фридриха Великаго и Бонапарта. Въ томъ же году онъ былъ принятъ во французскую армію и уже въ 1808 году въ качествѣ начальника штаба былъ отправленъ съ маршаломъ Неемъ въ Испанію, но вскорѣ былъ удаленъ оттуда по навѣтамъ недоброжелателей, успѣвшихъ возстановить противъ него маршала. Въ кампанію 1812 года Жомини занималъ должность губернатора Вильны, потомъ—Смоленска. Въ слѣдующемъ году онъ, состоя опять начальникомъ штаба при Неѣ, много содѣйствовалъ побѣдѣ при Бауценѣ; но производство его въ дивизіонные генералы было отклонено вслѣдствіе недоброжелательства Бертье. Оскорбленный этимъ, Жомини, какъ свободный гражданинъ Швейцаріи, въ день истеченія перемирія перешелъ на службу къ русскимъ и явился для нихъ въ качествѣ совѣтника далеко не безполезнаго. При Императорѣ Николаѣ I онъ участвовалъ въ разработкѣ разныхъ военныхъ проектовъ и, между прочимъ, проекта объ учрежденіи высшаго военно-учебнаго заведенія—академіи генеральнаго штаба. Въ 1837 году онъ былъ назначенъ преподавателемъ стратегіи къ Наслѣднику Цесаревичу и для этой цѣли написалъ свой спеціальный вышеупомянутый курсъ. Помимо указанныхъ произведеній онъ издалъ много другихъ, хорошо извѣстныхъ въ военномъ мірѣ.

Связь между семьей Жомини и моими родственниками зародилась еще издавна.

Отецъ моей матери, Юрій Θеодоровичъ Лисянскій, извѣстный русскій мореплаватель [1]), женился на дочери Дебрюнольда, одного изъ тѣхъ офицеровъ-инженеровъ путей сообщенія, которые были посланы въ Россію Наполеономъ I по просьбѣ Александра I для

[1]) Юрій Θедоровичъ Лисянскій, первый нашъ кругосвѣтный мореплаватель, вмѣстѣ съ Крузенштерномъ и Лазаревымъ воспитывался въ Англіи, служилъ подъ начальствомъ Нельсона и, кажется, подъ его начальствомъ участвовалъ въ Трафальгарскомъ бою.

образованія у насъ института путей сообщенія. Группа этихъ офицеровъ (знаменитые математики Базенъ, Беданкуръ, Дебрюнольдъ) вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими соотечественниками, отличаясь и даровитостью, и высокимъ образованіемъ, легко вошла въ высшее петербургское общество и пользовалась съ его стороны большимъ вниманіемъ. Къ этой же блестящей плеядѣ примкнулъ и генералъ Жомини. Отсюда началась та добрая связь между членами семей Жомини и Лисянскаго, которая поддерживалась двумя поколѣніями, а затѣмъ коснулась и меня лично, хотя косвенно, тѣмъ не менѣе вещественно.

ГЛАВА I.

Прибытіе въ Дунайскую армію.—Отступленіе арміи въ Бессарабію.—Походъ въ Севастополь.

Въ штабъ главной квартиры я прибылъ 1 іюля 1854 года. Она стояла въ виду города Журжи, на лѣвомъ возвышенномъ берегу Дуная, въ румынской деревнѣ Фратешти-де-Жосъ. Вдали блестѣла широкая полоса рѣки, а за ней виднѣлась крѣпость Рущукъ. Бѣлые ея минареты ярко выдѣлялись изъ темныхъ пятенъ садовъ. Штабъ имѣлъ видъ табора. Въ безпорядкѣ, среди деревни раскиданы были бѣлыя палатки, виднѣлись коновязи конныхъ частей; улицы переполнены были разнымъ военнымъ людомъ, сновавшимъ въ разныя стороны, какъ муравьи въ своемъ гнѣздѣ. Порою скакали всадники и казаки съ наклоненными пиками. Журжа выдѣлялась ярко, а въ недалекомъ отъ нея разстояніи слабо обозначалась линія казачьихъ пикетовъ и землянка ихъ полковаго командира. Словомъ, картина полная жизни. На третій же день по прибытіи я былъ назначенъ состоять при казачьихъ аванпостахъ, входившихъ въ составъ отряда изъ цѣлой 10-й пѣхотной дивизіи генерала Соймонова. Генералъ этотъ составлялъ украшеніе русской арміи. Всѣми любимый и уважаемый, онъ напоминалъ собою типъ русскихъ бояръ-воеводъ стараго добраго времени. Помѣстья его находились въ Тульской губерніи. Суровый съ виду, онъ въ то же время отличался добродушіемъ. Своеобразная его власть стягивала полки дивизіи въ одну, покорную его волѣ, единицу. Командовалъ онъ не словами, а полунамеками. Одного его взгляда было довольно, чтобы направить подчиненнаго на то или другое дѣло. Говорилъ онъ мало, но саркастическая улыбка и твердый взглядъ его

сѣрыхъ глазъ заставляли подтягиваться строптивыхъ и апатичныхъ. Онъ былъ большой хлѣбосолъ, славолюбивый начальникъ и строгій исполнитель всѣхъ боевыхъ мѣропріятій. Незадолго до моего пріѣзда имъ истребленъ былъ большой отрядъ турецкой пѣхоты, который, опираясь на крѣпость, задумалъ было овладѣть лѣснымъ островомъ Чарторой. Ему подчинены были два бригадныхъ генерала: Баумгартенъ, герой Четати, офицеръ генеральнаго штаба, энергичный и очень развитой начальникъ, къ сожалѣнію, уже въ то время съ сильно разстроеннымъ здоровьемъ: страдалъ аневризмомъ и расширеніемъ венъ на ногахъ; другой, генералъ Вильбуа, истощенный, худой и блѣдный, но полный самоотверженія и великаго подъема духа, какъ это оказалось впослѣдствіи.

Подъ Журжей войска простояли недолго. Дѣйствія свои они вынуждены были согласовать съ ходомъ дѣлъ на конгресѣ въ Парижѣ, въ которомъ, наконецъ, приняла участіе и Австрія. Россія въ правѣ была ожидать отъ нея, что она, выступивъ на немъ доброжелательнымъ посредникомъ, отплатитъ наконецъ за великую помощь, оказанную ей въ Венгерскую кампанію. Но и здѣсь пришлось разочароваться въ ней.

Безшумно начала она спускать съ Трансильванскихъ горъ (въ Румынію) въ тылъ нашей арміи большія массы войскъ, въ то время, когда французы занимали уже Добруджу. Мы могли попасть между двухъ огней, а потому рѣшили возвратиться въ Россію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безотлагательно приступить къ приготовленіямъ для новой войны съ союзниками уже въ предѣлахъ нашего отечества, ожидая ихъ высадки на берегахъ морей или при устьяхъ впадающихъ въ нихъ рѣкъ. Словомъ, открывалась новая борьба, которую по характеру можно было уподобить борьбѣ слона со стаей акулъ, причемъ мы выступили въ роли слона: наша армія не могла состязаться въ подвижности съ быстрымъ ходомъ паровыхъ судовъ союзниковъ, которыя неслись къ нашимъ дальнимъ предѣламъ.

Не сбылись такимъ образомъ предрѣшенія академическаго професора тактики: при тогдашнемъ развитіи мореходства нашлось достаточное количество судовъ военнаго и торговаго флотовъ для перевозки грозной арміи и припасовъ для питанія ея.

Войска же наши медленно и осмотрительно двигались вдоль береговъ Чернаго моря, временами призадерживаясь на своемъ пути, чтобы не пропустить мѣста высадки непріятеля: иначе, какъ въ Венгерскую кампанію, пришлось бы всю громадную армію

повернуть обратно и устраивать новую базу для ея продовольствія. Несмотря на всю трудность дѣла, моментъ и мѣсто высадки были уловлены и Россія спасена отъ могущихъ произойти болѣе тяжелыхъ послѣдствій Крымской войны. Заслуга въ этомъ важномъ историческомъ подвигѣ принадлежала тремъ командующимъ арміями: князьямъ Горчакову и Меншикову и генералу Хомутову.

Подъ Одессою полки 10-й дивизіи простояли нѣсколько дней, потомъ быстро поднялись и двинулись въ форсированный походъ, дѣлая длинные переходы, къ сторонѣ Херсона. Такъ дошли до этого города. Оказалось, что непріятель появился въ Крыму, противъ Евпаторіи.

Въ Херсонѣ генералъ Соймоновъ пропустилъ полки 10-й дивизіи церемоніальнымъ маршемъ. Люди шли бодро, щеголевато и красиво отбивая тактъ. По всему было замѣтно, что незатруднительный походъ при хорошемъ и обильномъ довольствіи укрѣпилъ ихъ мускулы, а вмѣстѣ съ этимъ и душевныя силы для предстоящей борьбы. Начальникъ дивизіи видимо остался доволенъ смотромъ. Онъ не предчувствовалъ, что этотъ смотръ будетъ послѣднимъ въ его жизни, и что самыя, такъ бодро проходящія передъ нимъ части скоро потеряютъ убитыми и ранеными такое количество борцовъ, сколько положено имъ имѣть въ полкахъ по штатамъ военнаго времени; словомъ, полный составъ дивизіи.

Изъ Херсона мы углубились въ широкія степи походными колоннами. Колонны эти приняли какой-то фантастическій, непривычный для нашего европейскаго глаза, видъ: въ составъ ихъ введены были русскія телѣги, колонистскіе фургоны и татарскія арбы, на которыхъ перевозилась пѣхота; на послѣднихъ, по ихъ конструкціи, не только сидѣли, но и стояли солдаты. Запряжены онѣ были лошадьми, буйволами и верблюдами. Съ боковъ этихъ колоннъ порою двигались стройныя и однообразныя линіи полковыхъ обозовъ, частей кавалеріи и артиллерійскихъ орудій. Все спѣшило черезъ Перекопъ къ Севастополю.

До Симферополя я доѣхалъ съ генераломъ Соймоновымъ въ его покойномъ экипажѣ, а дальше слѣдовалъ при полкахъ 2-й бригады. Переходъ отъ Симферополя до Севастополя (73 версты) совершенъ былъ въ двое сутокъ. Поздно вечеромъ отрядъ закончилъ свой путь, выйдя изъ горжи Чоргунскаго ущелья на широкую болотную долину, окружающую устье Черной рѣчки. Направо, на широкомъ, нижнемъ горномъ отрогѣ, стоялъ высокій мужчина, окруженный своимъ штабомъ. Это былъ командиръ 6-го армейскаго корпуса—

князь Горчаковъ. Части подтянулись, но привѣтствія не удостоились, изъ чего мы заключили, что это не нашъ начальникъ. Чьему голосу на походѣ мы подчинялись, я не знаю, но подошли мы во время къ Севастополю, хотя и расположились въ его окрестностяхъ въ разныхъ мѣстахъ: первая бригада на рѣкѣ Бельбекѣ, а вторая у подошвы Федюхиныхъ горъ, подъ командою генерала Вильбуа.

На другой день, кажется 20-го октября, 2-я бригада была переведена на боевую позицію на Федюхиныхъ горахъ, лежащую за рѣчкой Черной. Вправо отъ насъ виднѣлся развернутый фронтъ какого-то коннаго полка. Непріятеля не было видно: вѣроятно онъ былъ прикрытъ гребнемъ восточнаго крутаго ската Сапунъ-горы, спускавшейся постепенно за нашимъ правымъ флангомъ. Откуда-то издалека, со стороны непріятеля, взвилась тяжелая ракета. Она упала передъ коннымъ полкомъ, и съ момента ея полета началась для полковъ нашей дивизіи Крымская война. За нею слѣдомъ посыпалось много другихъ все въ тотъ же полкъ; лошади фыркали, взвивались на дыбы, но ракеты ихъ не задѣвали, хотя и разрывались, казалось, надъ головами всадниковъ. Пѣхоту непріятель не безпокоилъ. Такимъ образомъ первый день прошелъ безъ жертвъ и крови. Непріятель, видимо, пристрѣливался, пробуя полетъ ракетъ.

Въ ночь на 21-е октября полки 2-й бригады—Томскій и Колыванскій, двинулись на сѣверную сторону Севастополя. Собираясь, передъ отъѣздомъ въ крѣпость, осмотрѣть окрестности Балаклавы, я встрѣтилъ на пути командира нашего корпуса генерала Данненберга. Его сопровождали 2—3 офицера, вѣроятно, его адъютанты. Представившись, я просилъ разрѣшенія сопровождать его. Генералъ охотно согласился. Видъ его произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе. Это былъ высокій, сильный мужчина, бодрый и разговорчивый, далеко не старый. Онъ всегда относился къ офицерамъ генеральнаго штаба ласково и съ большимъ довѣріемъ.

Осмотръ мѣстности начался съ сѣверо-восточнаго угла Сапунъ-горы, противулежащей Федюхинымъ горамъ. Осмотрѣвъ часть восточнаго спуска горы, почти вплоть до Воронцовской дороги, которая подымается со средины восточнаго склона круто на гору, генералъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— «Нѣтъ, на эту гору не взойдешь: она слишкомъ обрывиста. Мы придумаемъ что-либо получше этого».

Слова эти многознаменательны. Какъ будетъ сказано ниже, они протянулись кровавою нитью черезъ всѣ военныя событія, совер-

шившіяся послѣ этой рекогносцировки, и вліяли на участь самой обороны.

ГЛАВА II.

Прибытіе въ Севастополь 23-го октября 1854 года. — Возведеніе баррикадъ.— Вечернее посѣщеніе гвардейскаго генеральнаго штаба полковникомъ Поповымъ.— Конфиденціальные его переговоры съ генераломъ Соймоновымъ. — Ночной походъ 10-й дивизіи на Инкерманскія высоты.—Бой на нихъ.—Смерть Соймонова.— Отступленіе войскъ въ Севастополь.

По прибытіи въ Севастополь, меня немедля командировали на работы по возведенію внутреннихъ городскихъ укрѣпленій.

Вся система внутреннихъ городскихъ укрѣпленій начертана была мастеромъ этого дѣла. Начиналась она сзади 4-го бастіона и оттуда распространялась по всему городу. При этомъ на мою долю выпало возведеніе баррикадъ вдоль длинной поперечной улицы, пересѣкающей сообщенія 4-го бастіона съ Графской пристанью, для обороны двухъ путей, связывающихъ эти важные пункты, а именно по улицамъ Екатерининской и Морской.

Ввѣренная мнѣ линія начиналась почти у 6-го бастіона и вела въ прямомъ направленіи къ пловучему мосту, что на Южной бухтѣ. Матеріалъ былъ готовый—стѣны домовъ и дворовъ частныхъ владѣльцевъ, отчасти уже разрушенныя предшествующимъ генеральнымъ бомбардированіемъ. Баррикады устраивались изъ камня на сухой кладкѣ, а для ружейнаго огня пробивались бойницы въ стѣнахъ самыхъ зданій. Наши работы шли очень успѣшно, благодаря тому, что производились вдоль одной почти прямой улицы.

Тяжело было приниматься за разрушеніе домовъ и другихъ съ ними связанныхъ построекъ. Большею частью они принадлежали семействамъ морскихъ офицеровъ; строились на деньги, нажитыя честнымъ и притомъ опаснымъ трудомъ, плаваніемъ въ дальнихъ моряхъ и океанахъ, и скопленныя строгой экономіей впродолженіе многихъ лѣтъ службы. Печать тонкаго вкуса, развитаго въ плаваніяхъ по всему міру, проявлялась здѣсь и въ цѣломъ, и въ деталяхъ. Особенно были красивы и уютны дворы и дворики. Каждый такой владѣлецъ выводилъ балконы и веранды. Дворы оттѣнялись цвѣтущими кустарниками, кипарисами, душистыми акаціями, ползущими по стѣнамъ розами и виноградомъ, а у иныхъ они были украшены еще фонтанами. Однимъ словомъ, все было устроено съ соблюденіемъ изящной гармоніи и въ то же время проявляло заботу, бе-

режливость и высокую культуру владѣльцевъ. Почти весь городъ тонулъ въ такихъ надворныхъ садикахъ.

Съ этихъ же высотъ видиѣлись другія, еще болѣе дорогія и священныя для насъ мѣста: развалины древняго Херсонеса, колыбели нашего христіанства, на территоріи котораго воздвигся и нынѣшній стражъ Черноморья—Севастополь. На окраинѣ городского горнаго мыса, заканчивающагося площадью у Графской пристани, построены были два красивѣйшихъ общественныхъ зданія: Библіотека Черноморскаго флота, на горѣ, въ греческомъ стилѣ, и Дворянское Собраніе внизу, на площади, — обсаженныя со всѣхъ сторонъ деревьями и кустарниками. Эта часть города составляла его лучшее украшеніе, его Акрополисъ съ Пароенономъ, и служила приманкой для всей интеллигенціи. Особенно красивъ былъ видъ съ этихъ мѣстъ на море и на Большой рейдъ, оживленные массою величавыхъ военныхъ кораблей, а также судовъ другихъ наименованій, между которыми быстро скользили военные катера, шлюпки и ялики перевозчиковъ. Всѣ свѣтила небесныя—солнце, луна и звѣзды поочередно обливали его своимъ южнымъ поэтическимъ блескомъ, какъ бы благословляя своего юнаго борца на бой и вѣчную разлуку.

Вечеромъ, наканунѣ Инкерманскаго сраженія, я пришелъ на квартиру генерала Соймонова и засталъ тамъ личнаго адъютанта командира 4-го корпуса Георгія Чаплинскаго, съ которымъ онъ бесѣдовалъ оживленно, весело. Съ уходомъ адъютанта, настроеніе духа генерала Соймонова перемѣнилось. Онъ впалъ въ мечтательное, далеко не радостное. Можно было догадаться близко съ нимъ знакомому, что онъ раздумывалъ въ это время о любимой имъ, прекрасной и радушной своей семьѣ, съ которой еще такъ недавно разстался въ Херсонѣ, а въ связи съ ней и о завтрашнемъ днѣ, который могъ дать ему или славу, или смерть. Зная его пылкость души, самоотверженіе и славолюбіе, можно было навѣрно предсказать, что съ инымъ условіемъ исхода борьбы онъ бы не примирился.

Генералъ молчалъ. Стемнѣло. Въ это позднее время отворилась дверь и въ комнату вошелъ гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ Поповъ, который пользовался большимъ довѣріемъ Императора Николая I—извѣстенъ былъ ему за человѣка ученаго, выдающагося ума и дара слова. Государь послалъ его въ Крымскую армію съ высокой миссіей—быть начальникомъ главнаго штаба у главнокомандующаго войсками, но князь Меншиковъ поговорилъ

съ нимъ и, кажется, въ тотъ же день переправилъ въ Севастополь съ назначеніемъ состоять также начальникомъ штаба, но только Севастопольскаго гарнизона. На первыхъ порахъ, кажется, ему повредило его ученое, самоувѣренное многорѣчіе. Такимъ образомъ въ этой комнатѣ находилось только три лица—Соймоновъ, Поповъ и я, почему нынѣ, за смертью двухъ вышеупомянутыхъ лицъ, одинъ я остался свидѣтелемъ какъ разговоровъ, между ними веденныхъ, такъ и событій отъ нихъ происшедшихъ.

Было, приблизительно, 9½ часовъ вечера. Развалистыми шагами, нѣсколько дѣланно, Поповъ близко подошелъ къ генералу Соймонову, отчетливо поклонился и своимъ глухимъ голосомъ, ровнымъ и спокойнымъ, проговорилъ:

«Позвольте мнѣ поздравить ваше превосходительство. На вашу долю выпала завидная участь: вамъ главнокомандующій приказываетъ: пользуясь темнотою, съ отрядомъ вамъ ввѣряемымъ и состоящимъ изъ трехъ полковъ вашей дивизіи и четырехъ полковъ другихъ пѣхотныхъ дивизій, подъ начальствомъ генерала Жабокрицкаго, выйдя изъ Севастополя, перейти на правый берегъ Киленъ-Балки, напасть врасплохъ на стоящія на Сапунъ-горѣ англійскія войска, отбросить ихъ, овладѣть построенными ими укрѣпленіями и такимъ образомъ открыть путь къ побѣдамъ войскамъ, слѣдующимъ за вашимъ отрядомъ, а именно: 11-й пѣхотной дивизіи съ прикомандированными къ ней частями, которыя подымутся вслѣдъ за вами со стороны Инкерманскихъ высотъ по другому, сѣверному рукаву, Саперной дорогѣ. Таковы приказанія князя Меншикова, которыя я уполномоченъ вамъ передать».

Генералъ Соймоновъ подошелъ къ полковнику Попову, крѣпко обнялъ его и поблагодарилъ за передачу оказываемой ему великой чести. Затѣмъ начались между ними переговоры, какъ выполнить это порученіе. Генералъ Соймоновъ предложилъ тотъ же часъ составить диспозицію, которую Поповъ долженъ былъ, прослушавъ, провѣрить, согласна ли она во всемъ съ приказаніями князя Меншикова. Диспозиція эта мною была тутъ же при нихъ написана и исправлена на основаніи тѣхъ указаній, которыя они мнѣ дѣлали. Диспозиція эта помѣщена въ концѣ настоящихъ записокъ, при заключительномъ разборѣ Инкерманскаго сраженія.

Затѣмъ рѣчь перешла къ назначенію часа подъема и выхода съ мѣстъ квартированія. Полки дивизіи были расположены въ это время на Графской пристани и въ дворахъ къ ней прилегающихъ. Генералъ мнѣ сказалъ:

— «Я назначилъ полкамъ выходить въ 3 часа утра. Теперь я отмѣняю это распоряженіе. Идите сей же часъ, будите ихъ и двигайтесь съ Богомъ на позицію».

Было приблизительно $2^1/_2$ часа ночи. Я обратился къ Попову съ просьбой облегчить мое положеніе.

— «Мѣстность, говорю, мнѣ незнакома: неизвѣстны мнѣ ни ея конфигурація, ни расположеніе городскихъ построекъ. Часть, поручаемая мнѣ, велика—цѣлый корпусъ. Разстояніе до мѣста боя большое. Прошу по крайней мѣрѣ дать мнѣ планъ мѣстности».

— «Вамъ вѣрно не безызвѣстно, что мы не имѣемъ здѣсь никакого плана ни города, ни окрестностей, а руководствуемся морской картой съ одними промѣрами глубины водъ и обозначенными линіями одного лишь общаго направленія балокъ для оріентированія мѣстъ положенія судна. Вамъ такая карта непригодна».

— «Попрошу васъ начертить на клочкѣ бумаги хотя абрисъ мѣстности—ея схему».

— «И это лишнее,—отвѣчалъ любезный руководитель дѣла,—схема такъ проста, что вы поймете общее ея значеніе, топографическій характеръ мѣстности, съ двухъ словъ. Вотъ, смотрите».

Полковникъ подвелъ меня къ столу, покрытому пылью, усмотрѣнному имъ въ сторонѣ неубранной комнаты. Помочивъ во рту палецъ, онъ провелъ имъ на столѣ одну общую изогнутую линію.

— «Вотъ это, положимъ, Сѣверная бухта. Вотъ эта линія—Южная. Черезъ нее вотъ на этомъ мѣстѣ переброшенъ мостъ. За нимъ будетъ Корабельная, а тамъ въ углу начало Киленъ-Балки».

— «Извините, полковникъ,—возражаю я ему,—дѣло настолько серьезное, что я у васъ буду просить по крайней мѣрѣ проводника».

Полковникъ разсердился не на шутку.

— «Я долженъ вамъ напомнить, молодой человѣкъ, что я старый офицеръ генеральнаго штаба, а вы только начинающій. Поэтому не должны и сомнѣваться, что я не выполнилъ всего, что подобаетъ. Вы на пути движенія, въ своемъ мѣстѣ получите проводника, а также на пути примкнутъ части, къ вашей дивизіи прикомандированныя. Затѣмъ до свиданья. Желаю вамъ блестящихъ успѣховъ».

Съ этими словами полковникъ вышелъ изъ комнаты, а я, перекрестившись, отправился будить полки.

Въ послѣдніе три дня стояла ненастная погода, шелъ постоянный дождь, образовавшій по дорогамъ толстый слой липкой грязи.

Теперь дождь перешелъ въ непроглядный туманъ, который съ всѣхъ сторонъ охватывалъ человѣка: онъ такъ сгустился, что не пропускалъ сквозь себя ни малѣйшаго луча свѣта изъ оконъ домовъ, по которымъ можно было бы оріентироваться. Сырость пронизывала члены до костей. Командиръ головного полка въ скоромъ времени поднялъ и устроилъ часть и мы двинулись впередъ по улицамъ.

Дошли благополучно до короткой, поперечной улицы, круто спускавшейся къ построенному черезъ Южную бухту мосту. Здѣсь почва уже настолько размѣсилась и грязь усилилась, что стала засасывать солдатскіе сапоги. Пришлись переступать удерживая сапоги на ногахъ руками. Отъ этихъ упражненій истома стала одолѣвать людей, не спавшихъ двѣ предыдущія ночи, проведя ихъ въ передвиженіяхъ. Думалось, что не только въ бою — въ аду будетъ легче.

Какъ бы то ни было, мостъ былъ перейденъ и люди полѣзли на берегъ Корабельной стороны. Тутъ предстала новая забота. Такъ называемая Корабельная слобода была вся сплошь застроена громадными казенными сооруженіями, но безъ всякой связи и плана. При размѣщеніи ихъ, видимо, принимались въ разсчетъ не интересы города въ смыслѣ правильной разбивки улицъ, а свойства и цѣли тѣхъ построекъ. Припоравливались онѣ къ спеціальнымъ своимъ назначеніямъ, сообразуясь съ характеромъ мѣстности, поэтому стояли безъ всякаго порядка. Такъ, напримѣръ, докъ самъ по себѣ, арсеналъ подъ угломъ къ нему въ другомъ направленіи, слѣдующія постройки опять въ совершенно иномъ, чрезъ что представлялась раскиданность и загроможденность, какъ въ лавкѣ гостинодворскаго старьевщика, и это еще больше сбивало войска съ пути и толку. Куда идти и у кого спросить? Проживающій здѣсь военный людъ былъ или на ночной работѣ, или спалъ сномъ мертвеца. Проводникъ не появлялся. Пошли на авось.

Три дороги вели къ устью Киленъ-Балки: верхняя между линіями укрѣпленій, нижняя (тропа) вдоль берега бухты и средняя между ними. Наконецъ, зашли въ какіе-то пустыри съ цѣлинной почвой. Идемъ свободно, хотя не знаемъ куда. Вдругъ среди тумана стала выдѣляться какая-то масса войскъ, которая моментально смѣшалась среди густой мглы съ людьми нашей колонны и пріостановила ея движеніе. Раздались всюду оклики. Каждый офицеръ сдержанно, не возвышая голоса, собиралъ своихъ людей, но въ темнотѣ еще болѣе перепутывалъ части.

Въ это время быстро подлетѣлъ небольшого роста всадникъ,

одѣтый въ военную форму. Это былъ давно желанный проводникъ, посланный полковникомъ Поповымъ. Начинаю его разспрашивать—съ трудомъ понимаетъ русскій языкъ. Оказывается, что онъ прирожденный грекъ Балаклавскаго батальона, который въ то время по русски не говорилъ.

Сталъ допытываться у него, гдѣ Киленъ-Балка. Отвѣчаетъ, что такой здѣсь нѣтъ, а есть Крымъ-Балка... далеко, далеко! Въ раздумьи поворачиваю голову на востокъ и къ ужасу своему замѣчаю, что показалась на небѣ слабая свѣтовая полоса и очертила верхній контуръ горы. Несомнѣнно, что сталъ приближаться часъ восхода солнца, а мы еще не вышли изъ укрѣпленій и даже не опредѣлилось мѣсто, гдѣ стоимъ. На мое счастье выдѣлился въ это время изъ колонны товарищъ мой по академіи, Преображенскаго полка поручикъ Ракѣевъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ посовѣтывалъ мнѣ отправиться на 2-ой бастіонъ, который, по его соображеніямъ былъ вблизи, и узнать, что намъ было нужно [1]).

Мы оба отправились туда бѣгомъ. По пути наткнулись на звено солдатъ, которые, стоя на банкетѣ бастіона и въ темнотѣ, высоко выдѣлялись надъ нашими головами. Пароля мы не знали, поэтому потребовали офицера. На вопросъ, произнесенный мною шепотомъ, гдѣ находится Киленъ-Балка?—онъ мнѣ отвѣтилъ:—«тутъ же, сейчасъ внизу».

Предупредивъ, что сейчасъ приведу войска, я стремглавъ побѣжалъ къ отряду и повелъ ихъ за собою. По всей вѣроятности мы наткнулись на рогатку, которая была устроена между 2-мъ и Корниловскимъ бастіонами и зіяла какъ провалъ. Выйдя въ поле, войска начали быстро спускаться къ оврагу.

Наклонъ мѣстности былъ очень ощутительный. Слабое освѣщеніе стало медленно разливаться по горизонту, но солнце еще не всходило. Туманъ кружился и поднимался на вершину горы. Нужно полагать, было начало шестого часа. Въ это время снизу раздался пушечный выстрѣлъ съ фрегата-стаціонера, поставленнаго при устьи Киленъ-Балки. Гулкій звукъ медленно пронесся по балкѣ.

Войска наши перешли мостъ и такимъ образомъ, согласно словесно переданной Поповымъ диспозиціи, очутились на правой сторонѣ Киленъ-Балки. Мы шли по Саперной дорогѣ, недавно проло-

---

[1]) Было бы полезнѣе, если бы полковникъ Поповъ нарядилъ въ проводники двухъ старослуживыхъ матросовъ вмѣсто одного косноязычнаго грека. Они имѣли свои хутора въ той сторонѣ, почему безъ ошибки выполнили бы это порученіе.

женной по распоряженію князя Меншикова. Дорога была грязная. Къ великой нашей радости мы увидѣли на заворотѣ дороги хвостъ колонны Томскаго полка. Солдаты шли вразсыпную, порой бѣгомъ, и спѣшно подтягиваясь къ головѣ колонны.

Натыкаемся на пѣшую батарею солиднаго калибра. Уставшія за походъ лошади, вслѣдствіе крутизны поворотовъ дороги, возвышенной мѣстности, и липкой грязи, не могли подняться на гору. Батарея не двигалась, а мимо ея вразсыпную быстро проходили полки солдатъ, стараясь нагнать голову части. Наконецъ, послѣ энергическихъ усилій всѣхъ офицеровъ батареи, мы вкатили на гору лѣвофланговое орудіе. Въ это время подъѣхалъ посланный ко мнѣ адъютантъ генерала Соймонова и отъ имени его потребовалъ скорѣе эту батарею. Передавъ ее для постановки на позицію, я поторопился къ начальнику дивизіи, чтобы донести ему о положеніи отряда. Еще издали, на возвышенности я увидѣлъ въ застрѣльщичьей цѣпи группу всадниковъ.

Силуетъ генерала Соймонова, сидѣвшаго на высокой англизированной лошади, виднѣлся впереди этой группы. Вдругъ я сталъ замѣчать, что генералъ Соймоновъ, грузно опустившись, закачался въ сѣдлѣ. Окружавшіе его офицеры быстро соскочили на землю и, снявъ съ лошади, бережно посадили на носилки, по счастью недалеко отъ него находившіяся. Я оторопѣлъ при видѣ этого великаго несчастья. Судьба большого отряда находилась въ его рукахъ. Приблизившись, я сумѣлъ только произнести слова:

— «Что теперь прикажете дѣлать»?

Съ печальною улыбкой онъ тихо отвѣтилъ:

— «Поѣзжайте къ старшему по мнѣ генералу Жабокрицкому и скажите, чтобы онъ принялъ подъ свое начальство весь отрядъ. Его вы найдете у моста».

Разговоръ нашъ прервался. Отъ охватившей меня печали я не нашелся что сказать.

На обратномъ пути я узналъ, что переднія войска отряда отважно напали на англичанъ, сбили ихъ съ позицій, понахватали одѣялъ и мяса изъ котловъ и будто бы завладѣли укрѣпленіемъ, но дальше идти не могли за потерею начальниковъ и почти половины рядовыхъ, а главное за неимѣніемъ подкрѣпленій, и потому вынуждены были отступить на ту позицію, на которой я ихъ теперь засталъ.

Но разузнать мнѣ и впослѣдствіи не пришлось — по какому слу-

чаю разорвался нашъ отрядъ; по какой дорогѣ двигались переднія части и почему Соймоновъ въ послѣднемъ разговорѣ упомянулъ, гдѣ именно находится генералъ Жабокрицкій. Вѣроятно, они свидѣлись въ походѣ. Генерала Жабокрицкаго я засталъ на указанномъ мѣстѣ. Его боевой видъ дѣйствовалъ внушительно. Онъ мнѣ приказалъ проводить его и указать, гдѣ расположены наши части, но объѣхавъ резервы, обратившись ко мнѣ, сообщилъ, что впереди показались части 11-ой пѣхотной дивизіи, что тамъ находится лицо старше его, а потому онъ не считаетъ себя въ правѣ брать командованіе полками Соймонова.

Тогда я отправился искать старшаго по немъ начальника въ 10-й дивизіи, командира 2-ой бригады генерала Вильбуа. Этотъ не импонировалъ своимъ бравымъ видомъ, былъ малъ ростомъ, тщедушенъ, съ поблеклымъ лицомъ. Его нашелъ я сзади войскъ. Раненый, истекая кровью, онъ сидѣлъ на носилкахъ, но приказывалъ носить себя между группами нижнихъ чиновъ, которые собирались около раненыхъ въ излишнемъ числѣ, чтобы подъ этимъ предлогомъ избѣжать опасности отъ непріятельскихъ снарядовъ. Кротко, именемъ Бога, Царя и родины онъ увѣщевалъ ихъ вернуться въ строй къ своимъ полкамъ. Таково было величіе души въ этомъ слабомъ организмѣ. Послѣднія истекающія капли своей крови онъ жертвовалъ на благо отечества.

Пришлось отыскивать новаго начальника. Третьимъ по старшинству въ нашемъ отрядѣ считался командиръ 10-й артилерійской бригады Загоскинъ. Его нашелъ я въ первой линіи огня. Высокій и широкоплечій, какъ монументъ, вылитый изъ чугуна, стоялъ онъ на бугрѣ, одинокій, съ повязанной чернымъ шейнымъ платкомъ головою. Крупныя капли крови, просачиваясь изъ-подъ платка, падали на лицо; стоялъ онъ, пока, хотя и твердо, но повидимому боролся съ одолѣвающею его слабостью. По приказанію его и съ разрѣшенія генерала Даненберга, который въ это время поднимался на Сапунъ-гору, ведя за собою остальныя части своего корпуса, я взялъ вторую батарею, шедшую во главѣ колонны, также запряженную конями вороной масти и повелъ на позицію, указанную мнѣ полковникомъ Загоскинымъ. Его уже не было на этомъ мѣстѣ. По всей вѣроятности, онъ также удалился на перевязочный пунктъ. Старшій, второй бригадный генералъ Баумгартенъ оставался съ Тобольскимъ полкомъ въ Севастополѣ для защиты 4-го бастіона.

Въ это время прибыли на позицію Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи вмѣстѣ

съ главнокомандующимъ морскими и сухопутными силами свѣтлѣйшимъ княземъ Меншиковымъ.

Описаннымъ путемъ порядокъ старшинства въ нашей дивизіи коснулся наконецъ полковыхъ командировъ. Два изъ нихъ уже были выбиты изъ строя. Простоявъ долго въ свитѣ начальника 11-й дивизіи генерала Павлова и усмотрѣвъ, что онъ не обращаетъ никакого вниманія на войска нашего отряда [1]), я рѣшился отправиться на поискъ за начальникомъ штаба нашего корпуса, генераломъ Мартинау, чтобы доложить ему о грустномъ положеніи нашихъ дѣлъ.

Слабая моя лошаденка, съ большимъ трудомъ добытая, какъ излишняя, у гусарскаго офицера, отъ безкормицы и усиленныхъ переходовъ едва переступала. Стали попадаться разсѣянные на большомъ протяженіи трупы нижнихъ чиновъ. Изъ нихъ особенно рѣзко выдѣлялись тѣла распухшія, съ почернѣвшими лицами.

Генералу Мартинау въ это время было поручено Данненбергомъ командованіе очень крупной, сборной батареей изъ сведенныхъ 2—3 пѣшихъ и одной казачьей.

Батареи эти были обращены тыломъ къ краю крутого обрыва, въ ложбинѣ котораго воды не замѣчалось, изъ чего я заключилъ, что онъ былъ не болѣе, какъ поперечный оррагъ, впадавшій въ Сѣверную бухту. Генералъ Мартинау сказалъ мнѣ, что пока я ему лишній.

— «Вы мнѣ теперь не нужны. Впереди батарей находится также крутой обрывъ и здѣсь боя не будетъ, а потрудитесь отправиться къ генералу Данненбергу, у котораго теперь, по моимъ соображеніямъ, нѣтъ никого».

Я поѣхалъ далѣе къ генералу Данненбергу. Пришлось проѣзжать по довольно узкой полосѣ вдоль балки, сзади батареи, на которую сосредоточенъ былъ, казалось, огонь всѣхъ родовъ непріятельскихъ орудій: рвались картечныя гранаты, быстро и почти беззвучно пролетали ядра и рикошетировали штуцерныя пули, производя какое-то зловѣщее мяуканье. А лошадь моя, какъ на зло, шла флегматично, видимо выбиваясь изъ послѣднихъ силъ. Не приведи Боже, невольно подумалъ я, быть на этомъ мѣстѣ раненымъ, ибо за батареями никакого прикрытія не было, а казака-

---

[1]) Вслѣдствіе 2-го пункта посланной войскамъ диспозиціи, онъ не имѣлъ права распоряжаться, потому что прибылъ въ сраженіе генералъ Данненбергъ, и дивизіи соединились.

провожатаго я съ собой не взялъ. Не успѣлъ я это подумать, какъ почувствовалъ будто кто-то меня ударилъ наотмашь по правому боку, со стороны непріятельской, короткимъ бичемъ, и вслѣдъ затѣмъ острая боль прошла по внутренности живота. Осмотрѣвшись, я убѣдился, что не только я не былъ раненъ, но даже моя солдатская шинель не была пробита: задѣвшая меня пуля была совсѣмъ на излетѣ. Горячо поблагодарилъ я Господа Бога за свое спасеніе

Передо мною, наконецъ, расширилась ровная площадь, никѣмъ не занятая, но сплошь устланная мертвыми тѣлами, какъ плодородная нива, послѣ жатвы, тяжелыми снопами. Видно было, что здѣсь происходилъ упорный и кровавый бой. Показался быстро скакавшій офицеръ конной артиллеріи, который поровнявшись со мною, остановился и прокричалъ:

«Mettez une batterie sur ce mamelon» и затѣмъ ускакалъ. Это былъ другой мой товарищъ по академіи и по кадетскому корпусу, капитанъ Лавровъ, присланный изъ арміи князя Горчакова. Любовь къ французскому языку у него зародилась въ одно время съ любовью къ одной француженкѣ; длилась она около семи лѣтъ и погасла въ день смерти его въ Севастополѣ, гдѣ онъ былъ убитъ, исполняя должность траншей-маіора. Указанный имъ продолговатый бугоръ замѣтно выдѣлялся на равнинѣ, а сзади его стояла въ бездѣйствіи третья, вороная батарея. Я поднялся на этотъ бугоръ и передо мной развернулась восхитительная картина: внизу, на громадномъ протяженіи, простиралась слабо всхолмленная долина Балаклавская, а на ней безмолвно, въ грозномъ порядкѣ стояли наши полки и пушки. Все было ярко освѣщено солнцемъ. Радость моя была безгранична. Это были войска князя Горчакова; поднимись только эта рать на Сапунъ-гору и побѣда была бы вполнѣ обезпечена... Но это былъ только обманъ зрѣнія—войска Горчакова стояли отъ насъ верстахъ въ 2-хъ—3-хъ на Федюхиныхъ горахъ. Разстояніе же это сокращалось для глазъ вслѣдствіе необыкновенной чистоты и разрѣженности горнаго воздуха.

Было близко къ полдню. Генералъ Данненбергъ находился невдалекѣ отъ этой батареи и дѣйствительно одинокимъ. Подъѣхавъ къ нему, я отрапортовалъ, что видѣлъ, и онъ приказалъ мнѣ поставить эту вороную батарею на бугоръ.

По занятіи этой возвышенной позиціи, хотя безъ всякаго прикрытія, за недостаткомъ войскъ въ резервѣ, образовался сильный перекрестный огонь совмѣстно съ другой сосѣдней нашей батареей, которая стояла также на бугрѣ и вела горячую перестрѣлку съ про-

тивостоящей непріятельской. Казалось, сейчасъ наступитъ минута, когда она будетъ сбита, и непріятель отступитъ послѣ дружнаго удара нашего резерва. Но эта радужная мечта смѣнилась горькимъ разочарованіемъ: подъѣхалъ ко мнѣ батарейный командиръ и предупредилъ, что огонь долженъ скоро прекратиться, потому что всѣ снаряды израсходованы. Батарея эта была уже въ дѣлѣ, гдѣ и потратила свои снаряды. Я немедленно отправился къ Данненбергу и доложилъ ему объ этомъ прискорбномъ обстоятельствѣ, особенно прискорбномъ потому, что недостатокъ снарядовъ сталъ замѣчаться вдоль всей боевой линіи, и не только въ артиллеріи, но и въ пѣхотѣ; также выпущены были въ боевыя линіи всѣ баталіоны изъ резервовъ.

Командиръ корпуса приказалъ мнѣ немедленно привести вторые ящики. Задача простая, тѣмъ не менѣе съ трудомъ исполнимая: ящики стояли далеко назади, при выходѣ съ моста, наведеннаго черезъ Черную рѣчку, т. е. приблизительно въ 2-хъ—3-хъ верстахъ отъ мѣста побоища.

Я отправился за ящиками и болѣе уже генерала Данненберга не видѣлъ. Въ то время, какъ я, ведя за собой ящики, на возвратномъ пути проѣзжалъ мимо свиты князя Меншикова, я замѣтилъ среди нея какое-то смятеніе, скажу болѣе... родъ испуга. Подъѣхавъ къ свитѣ, я узналъ, что командиръ корпуса прислалъ извѣщеніе, что онъ приказалъ всѣмъ войскамъ отступать.

Къ этому эпизоду, Георгій Чаплинскій, участникъ боя, личный адъютантъ генерала Данненберга, въ своихъ запискахъ прибавляетъ, будто князь Меншиковъ, встрѣтившись съ Данненбергомъ, упрекнулъ его за отступленіе и приказалъ вновь вести войска въ бой, но выслушавъ его отвѣтъ, что «не имѣя въ своихъ рукахъ ни войскъ, ни снарядовъ, нельзя непріятеля побѣдить, а можно только оставшіяся войска погубить», — князь измѣнилъ свое рѣшеніе... позволилъ отступать.

И поступилъ онъ правильно. Въ слѣдующей главѣ я разовью причины неудачъ нашихъ въ этомъ сраженіи, а также и въ другихъ схваткахъ съ непріятельскими силами. Теперь же буду доканчивать повѣствованіе горестнаго для насъ сраженія, которое названо Инкерманскимъ боемъ, по собирательному имени всей групы горъ: Сапунъ-горы, Федюхиныхъ и др., входившихъ въ составъ этой групы.

Убѣдившись въ правдивости извѣстія относительно отступле-

нія, а также познакомившись съ саперною дорогою, по которой должна была проходить вся масса орудій, состоявшихъ подъ начальствомъ генерала Мартинау, и другихъ батарей, я безъ промедленія приказалъ всѣмъ орудійнымъ ящикамъ повернуть назадъ, во избѣжаніе загроможденія узкаго пути отступленія, а самъ вновь примкнулъ къ свитѣ главнокомандующаго и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, чтобы уяснить себѣ, что мнѣ предстоитъ дѣлать дальше.

Въ это время я замѣтилъ, что, не такъ еще давно совершенно безопасную отъ выстрѣловъ, площадку, гдѣ стояли означенныя лица свиты, начали осыпать непріятельскія пули и гранаты, которыя летѣли уже съ фланга, что явно указывало на обходное движеніе, совершаемое непріятелемъ въ тылъ нашихъ войскъ, чтобы отрѣзать имъ отступленіе. Не будучи уполномоченъ, я осмѣлился, тѣмъ не менѣе, обратить вниманіе князя Меншикова на вышеизложенное обстоятельство, въ виду той опасности, которая неминуемо угрожала Ихъ Высочествамъ... Снисходительно принявъ мое заявленіе и поблагодаривъ наклоненіемъ головы, его свѣтлость не счелъ однако умѣстнымъ сдѣлать какія-либо распоряженія. Тогда я отправился къ полкамъ 10-й дивизіи, чтобы посодѣйствовать благополучному уходу ихъ съ позиціи въ Севастополь, по тому же самому пути, по которому они шли отъ города на позицію, во избѣжаніе того скопленія войскъ, которое могло произойти при отступленіи. Я засталъ на этомъ пути задній полкъ—Екатеринбургскій, который передвигался въ городъ въ сомкнутыхъ баталіонныхъ колоннахъ.

Замѣтно было, что полкъ вошелъ уже въ свою обыденную колею; маршируя, онъ уже началъ исправно отбивать тактъ, какъ на парадѣ, при прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ. Ведущій эту часть, кажется поручикъ Яковлевъ, сильный и ловкій мужчина, съ румянцемъ во всю щеку, мой бывшій пріятель, изъ фронта крикнулъ по моему адресу: «Капитанъ, вы наканунѣ гадали мнѣ, что я не скоро попаду въ ротные командиры... а вотъ смотрите: я уже командую баталіономъ...» И затѣмъ громко повторилъ требованіе: идти въ ногу и равняться въ затылокъ. Я взглянулъ на этотъ баталіонъ и ужаснулся: вмѣсто баталіона бравыхъ солдатъ—тамъ едва набралась одна рота... остальные всѣ были выбиты изъ строя. Это были заднія части нашей дивизіи, въ то же время первый ея полкъ по нумеру, красотѣ и исправности, особенно сильно пострадавшій во время боя на правомъ флангѣ общей линіи, куда онъ

былъ посланъ для прикрытія этого фланга. Въ числѣ всего двухъ баталіоновъ онъ имѣлъ дѣло съ цѣлымъ французскимъ пѣхотнымъ полкомъ за вершиной Килень-Балки, который сначала издали перестрѣлялъ у насъ много людей, а затѣмъ, остатокъ заставилъ отступить. На обратномъ пути въ Севастополь я хотѣлъ заѣхать опять на ту площадку, гдѣ услышалъ въ первый разъ объ отступленіи нашей арміи. Съ того бугра отбыли уже и Ихъ Высочества, къ тому мѣсту, гдѣ прижаты были къ обрыву наши 30 отступавшихъ орудій, которыя по всѣмъ расчетамъ должны были сдѣлаться добычей непріятеля...

Царское «спасибо», переданное Ихъ Высочествами на самомъ полѣ битвы войскамъ за подвижническое ихъ служеніе, и выраженное Ими войскамъ теплое чувство состраданія къ настоящему ихъ положенію, воодушевили новымъ рвеніемъ вернувшіяся съ пути отступленія наши войска — часть Угличскаго и Бутырскій, за нимъ Владимірскій полки и четыре орудія Розенталя, которыя, вторично занявъ боевую позицію по указанію генерала Тотлебена, спасли отъ плѣна наши пушки: орудія эти были спущены на рукахъ съ кручъ Сапунъ-горы прибѣжавшими изъ Севастополя моряками вмѣстѣ съ саперами близъ стоящаго саперпаго баталіона, кажется 6-го; подъ прикрытіемъ вышеупомянутыхъ частей всѣ орудія были благополучно доставлены въ городъ.

Отсюда Ихъ Высочества сочли нужнымъ отправиться по Севастопольскимъ укрѣпленіямъ.

Это была третья упитанная кровью арена, которую въ тотъ день добровольно посѣтили Ихъ Императорскія Высочества. Бой шелъ оживленный, чисто артилерійскій; снаряды падали по всему пути слѣдованія Августѣйшихъ Севастопольцевъ. Гарнизонъ въ тотъ день потерялъ свыше ста человѣкъ. Ихъ Высочества на всемъ пути передавали встрѣчавшимся войскамъ благодарность Государя Императора за ихъ самоотверженную, вѣрную службу. Государь счелъ справедливымъ ознаменовать тотъ день за мужественные подвиги Ихъ Императорскихъ Высочествъ награжденіемъ Ихъ орденами св. Георгія 4-й степени.

Такъ окончилась кровавая битва при Инкерманскихъ высотахъ, въ которой получили боевое крещеніе два Царскихъ Сына — будущіе побѣдоносные Августѣйшіе Фельдмаршалы русской арміи, и послѣ которой вновь уже началась эпопея геройскаго «Севастопольскаго сидѣнія».

ГЛАВА III.

Встрѣча въ Севастополѣ съ атаманомъ казачьихъ полковъ генераломъ Красновымъ 2-мъ.—Его мнѣніе о причинахъ неудачъ Инкерманскаго боя.—Намѣреніе посѣтить Соймонова.—Почему оно не удалось.

Здравымъ и невредимымъ вернулся я въ крѣпость съ кроваваго боя, не пострадавъ отъ града пуль и артилерійскихъ снарядовъ, которыми угощалъ насъ гостепріимный союзникъ съ восхода солнца и почти до самаго вечера. Полки и мелкія части уже давно разошлись по своимъ квартирамъ.

Я ѣхалъ по пустынной, скучной мѣстности, которая называлась, кажется, Ушаковой балкой. Вдали, у берега небольшого морского залива уединенно колыхался щеголеватый катеръ съ матросами, чисто, по парадному разодѣтыми, а въ сторонѣ стояла небольшая кучка казаковъ съ красивой осѣдланной казачьей лошадью между ними. Полный контрастъ съ дневной боевой суетой: ни гула, ни шума! Съ удовольствіемъ потянулъ я въ себя морской живительный воздухъ и расправилъ уставшую грудь...

Однако, и здѣсь кто-то властно притягиваетъ почтительное вниманіе нижнихъ чиновъ. Кто бы это могъ быть? Не успѣлъ я это подумать, какъ раздался густой, нѣсколько сиплый голосъ: «эй, академикъ!» Думаю себѣ: кто это такъ безцеремонно меня кличетъ, а голосъ знакомый. Оборачиваюсь назадъ и вижу стараго боевого товарища моего отца по службѣ въ турецкой и персидской кампаніяхъ 1827, 1828 и 1829 годовъ, къ тому же дальняго родственника—походнаго атамана Ивана Никифоровича Краснова 2-го, знавшаго меня съ дѣтства. Не встрѣчалъ я его съ венгерской кампаніи. Остался онъ такимъ же здоровымъ, увѣсистымъ и краснымъ по цвѣту лица, но куда дѣлись его добродушная улыбка и ласковый взглядъ!

— «Здорово, здорово»,—привѣтствуетъ онъ меня.

— «А что нообломали васъ изрядно. Небось стыдно теперь?»

— «Иванъ Никифоровичъ! За что такое суровое, незаслуженное обращеніе. Войска дрались какъ львы, гибли безропотно, и вотъ за свои страданія получаютъ въ возмездіе насмѣшку» [1].

---

[1]) Долженъ предупредить, что въ разговорахъ, помѣщенныхъ въ этихъ запискахъ, приводятся не подлинныя слова, а только ихъ смыслъ и самый тонъ разговора.

— «Не тараторь, пожалуйста!.. Много знаешь. Можетъ быть раньше тебя стряхнулъ съ усовъ не одну слезу, пролитую по убіеннымъ. Къ тебѣ, къ тебѣ, а не къ войскамъ обращаюсь съ этимъ привѣтствіемъ».

— «За что»,—спрашиваю я,—«такая немилость?»

— «А хоть бы и за то, что ты академикъ. Вы прежде другихъ должны отвѣчать за пролитую въ такомъ обиліи кровь».

— «При чемъ же мы тутъ! Мы учениками провели два года въ академіи».

— «А уставы строевые кто настрочилъ, а штуцера кто проморгалъ? Небось мы, фронтовики. Вы же писали и учили... Вы уставщики и прожектеры! Въ професора изъ вашей же среды выходятъ! Хотя я не академикъ, учился у дьячка, но отлично знаю, отчего мертвецы лежатъ кучами. Уже въ 12-мъ году получилъ первый офицерскій чинъ за отличіе; въ Закавказьѣ вмѣстѣ съ отцомъ твоимъ стоялъ не разъ подъ пушечными выстрѣлами, да не только стоялъ, но и отбивалъ у нихъ пушки, за что награжденъ былъ Георгіемъ, словомъ, побывалъ на многихъ поляхъ битвъ и въ Россіи, и заграницей... Небось слыхалъ объ этомъ?... Чтожъ, по твоему мертвые-то сами собрались въ кучи, чтобы веселѣе было... Нѣтъ братъ, по нимъ прошлась шрапнель или можетъ быть самая картечь, пока они со штыками въ сомкнутыхъ колоннахъ гонялись по вертепамъ за союзникомъ. Если такъ будете губить людей, то хоть съ цѣлой Россіи сгони, ихъ не станетъ и на половину кампаніи. Стоятъ себѣ, горемычные, сплошной колонной, а ихъ еще равняютъ по шеренгамъ и въ затылокъ. Да хоть разсыпьтесь или укройтесь за пригоркомъ. Положите ихъ, наконецъ»,—говоритъ князь батальонерамъ. Куда!... не понимаютъ.—«Этого уставомъ не положено»,—отвѣчаютъ они.

— «Ну что, не упали они духомъ?»

Я разсказалъ атаману какъ стройно и бодро отступалъ Екатеринбургскій полкъ прямо съ позиціи послѣ боя.

— «Вотъ за этотъ разсказъ спасибо тебѣ, обрадовалъ, наконецъ, доброй вѣстью, а она на войнѣ главное. Слушай меня и вѣрь: въ 12-мъ году мнѣ было уже 15 лѣтъ. Напали тогда на насъ не три союзника, а почти цѣлая Европа, и командовалъ-то ими не племянникъ Наполеона, а самъ настоящій геній — дядя его, а всетаки кончилось тѣмъ, что армію его по косточкамъ разнесли по всей Европѣ, а самого генія лишили короны и затѣмъ отправили въ ссылку на необитаемые острова. То же случится и съ непризнаннымъ геніемъ. Ну, давай теперь облобызаемся... А скажи, не

нужно ли тебѣ какой помощи, пока устроишься. Я стою здѣсь по сосѣдству, на рѣкѣ Бельбекѣ... Можетъ быть денегъ? Потомъ я съ твоимъ отцомъ разочтусь: не даромъ считаемся сосѣдями».

— «Не денегъ мнѣ теперь нужно, а кой-чего поважнѣе: видѣться съ генераломъ Соймоновымъ. Онъ гдѣ-то тутъ по близости, за Сѣверной бухтой, на перевязочномъ пунктѣ».

— «Похвальное дѣло! Достойный былъ воинъ. Пошли ему Господь выздоровленіе!»—Атаманъ снялъ шапку и набожно перекрестился.

— «Въ этомъ я могу тебѣ помочь. Тутъ недалеко стоитъ катеръ князя Меншикова. Мнѣ урядникъ донесъ, что онъ сейчасъ будетъ переправляться на другой берегъ. Князь ко мнѣ милостивъ и, надѣюсь, пойметъ и уважитъ просьбу желающаго видѣть умирающаго начальника. Перевезутъ насъ обоихъ. Въ князѣ намъ Богъ послалъ лицо просвѣщенное и сострадательное. Подожди, я устрою».

Урядникъ, по приказанію генерала Краснова, стоялъ невдалекѣ отъ насъ на удобномъ для наблюденія мѣстѣ и слѣдилъ за движеніями князя на этой пустынной балкѣ самаго безотраднаго вида: ни домика, ни камня, ни кустика... все было голо и по осеннему безжизненно.

— «Князь идетъ!» — предупредилъ, наконецъ, насъ урядникъ.

Мы осторожно придвинулись къ краю балки и остолбенѣли при видѣ представившейся намъ картины, полной трагизма.

Одинокій, безъ кровинки въ лицѣ какого-то темно-сѣраго цвѣта, въ тяжеломъ раздумьи, невѣрными шагами подвигался въ нашу сторону свѣтлѣйшій князь, чтобы пройти, вѣроятно, на бастіоны. Голова его была наклонена, глаза безъ жизни и желанія. Одно тяжелое безотрадное страданіе отпечатлѣвалось на лицѣ. Временами онъ останавливался, а затѣмъ поворачивался назадъ,—словомъ, безъ воли онъ передвигался то къ переправѣ, то обратно.

Такой картины душевныхъ терзаній и притомъ въ такой безотрадной обстановкѣ, я увѣренъ, не снилось даже Данте для иллюстрацій его «Чистилища» или же самаго «Ада». Да и кто можетъ понять и вполнѣ выразить весь ужасъ и отчаяніе человѣка въ его положеніи. Оно было исключительнымъ... понятнымъ только тому, кто могъ быть въ это роковое время на его мѣстѣ. т. е. всевластнымъ главнокомандующимъ, всецѣло отвѣтственнымъ предъ Царемъ и родиной за сотни тысячъ жизней молодыхъ и цвѣтущихъ

воиновъ и, по особой безграничной довѣренности Государя, оберегателемъ не только южныхъ предѣловъ Россіи, но и всего царства съ ними связаннаго, т. е. его благосостоянія и развитія. А что предстояло въ будущемъ этому горячему патріоту, принесшему въ жертву на благо Россіи самого себя со всѣмъ своимъ цвѣтущимъ благосостояніемъ?

— «Разстанемся!» — сказалъ мнѣ почтенный генералъ шепотомъ изъ уваженія къ чужому горю, хотя мы и стояли въ отдаленіи. По этому призыву я отправился въ Севастополь, не посѣтивъ умирающаго.

ГЛАВА IV.

Причины, побудившія насъ дать Инкерманское сраженіе. — Наши потери въ Инкерманскомъ бою.

Вчинаніе боя на Инкерманѣ всецѣло принадлежало намъ и оправдывалось весьма важными причинами. Послѣ бомбардированія Севастополя, произведеннаго союзниками 5-го октября 1854 года и продолжавшагося за малыми перерывами съ недѣлю, они должны были признать, что это событіе не принесло существеннаго вреда не только городу, но и самой крѣпости. Севастополь изъ дыма и пламени вышелъ цѣлымъ, потому что исправленіе его обваловъ производилось во время самаго бомбардированія. Конечно, огонь этотъ вывелъ изъ строя много жертвъ, но отнюдь не подготовилъ его верки къ успѣшному штурму, почему непріятелю пришлось увеличить число своихъ батарей и укрѣпленій, чтобы по числу вновь поставленныхъ на нихъ орудій вмѣстѣ съ прежними получить наибольшій надъ нами перевѣсъ въ артилерійскомъ огнѣ, въ особенности противъ лѣваго фаса 4-го бастіона. Для уравновѣшенія артилерійскаго огня мы въ свою очередь вынуждены были не только построить новыя батареи, прорѣзать новыя амбразуры, но и перерѣзать старыя, снабдивъ къ тому же нѣкоторыя укрѣпленія орудіями большого калибра, т. е. занимающими больше мѣста. Отъ этого линія ружейнаго огня сильно сократилась и самые бастіоны сдѣлались настолько тѣсны, что пришлось главныя силы резервовъ нашей пѣхоты вывести изъ укрѣпленій и помѣстить ихъ въ двухъ верстахъ отъ бастіона, близъ Графской пристани; слѣдовательно, въ такомъ отдаленіи, что непріятель могъ ими завладѣть раньше,

чѣмъ наши резервы могли бы прибыть на бастіонъ, чтобы отразить ихъ нападеніе.

Непріятель въ то же время велъ свои осадныя работы столь искусно и энергично, что приблизилъ въ короткій срокъ свои ложементы на 60 саженъ отъ исходящаго угла 4-го бастіона, слѣдовательно, самый бастіонъ могъ быть захваченъ неожиданно, прежде, чѣмъ подоспѣютъ подкрѣпленія. Если бы даже не удалось непріятелю въ день штурма овладѣть всѣмъ городомъ, то и одного 4-го бастіона было бы для него достаточно, чтобы современемъ исподволь распространить свои завоеванія надъ цѣлымъ городомъ; для этого было бы достаточно возвести новыя укрѣпленія въ горжѣ бастіона и обстрѣливать продольно всѣ улицы, ведущія къ Графской пристани, а также съ тыла всѣ укрѣпленія вдоль оборонительной линіи не только города, но и части Корабельной слободки, словомъ, отрѣзать гарнизонъ отъ пути отступленія. Къ тому же ежедневно перебѣгающіе къ намъ дезертиры предупреждали, что къ штурму уже все было приготовлено, и всѣ мѣры были приняты. Наступалъ роковой часъ, который при описанной обстановкѣ нужно было во чтобы то не стало устранить.

Для этого пришлось прибѣгнуть къ двумъ мѣрамъ: возвести укрѣпленія, батареи и баррикады внутри города и дать непріятелю большое сраженіе, пользуясь перевѣсомъ численности нашихъ силъ противъ непріятельскихъ, достигнутымъ съ прибытіемъ войскъ 4-го корпуса—10. 11 и 12 пѣхотныхъ дивизій съ ихъ артилеріей. Дѣйствительно, въ ту пору въ нашихъ рядахъ стояло около 100 тысячъ войска, а у непріятеля насчитывалось только 73 тысячи.

Этого рокового сраженія жаждала вся Россія, начиная съ военнаго министерства, чтобы смыть тѣнь, наброшенную на наши войска Альминскимъ сраженіемъ: неудержимо рвались въ бой всѣ молодыя силы русской арміи, всегда готовыя помѣриться съ врагомъ тамъ, гдѣ требуются отважные подвиги, а главное жаждалъ этого боя князь Меншиковъ вмѣстѣ съ Тотлебеномъ и вся союзная армія,—послѣдняя изъ опасенія, чтобы осада не затянулась на всю русскую зиму, чтобы не пришлось сидѣть въ траншеяхъ по горло въ снѣгу или по поясъ въ грязи, набравшейся въ нихъ отъ холодныхъ осеннихъ дождей, съ которыми они успѣли достаточно ознакомиться. Изъ всѣхъ этихъ элементовъ, жаждавшихъ боя, особенно было сильно желаніе нашего главнокомандующаго: характеръ же

его былъ таковъ, что исполненіе имъ не оттягивалось и шло вслѣдъ за желаніемъ, какъ громъ вслѣдъ за молніей.

Во исполненіе всего вышеизложеннаго, 2 бригада нашей дивизіи въ ночь на 22 октября переведена была въ городъ, гдѣ и расположилась частью по домамъ, а больше на бивакахъ по дворамъ, окружающимъ графскую пристань. Съ нею прибылъ и я, и на другой же день получилъ приказаніе возводить баррикады поперекъ всего города, какъ было сказано выше.

Представимъ теперь перечень потерь, понесенныхъ нами при Инкерманскихъ высотахъ 24-го октября 1854 года.

Для боя съ нашей стороны было назначено 61,309 человѣкъ, раздѣленныхъ на 5 отрядовъ, а именно:

въ отрядѣ генерала Соймонова	состояло	18,929 ч.	при 38	орудіяхъ
» генерала Павлова	»	15,806 »	» 96	»
	а всего.	34,735 ч.	при 134	орудіяхъ.

Они находились подъ общимъ начальствомъ генерала Данненберга, командира 4-го пѣхотнаго корпуса. Въ отрядѣ командира 6-го пѣхотнаго корпуса, князя Горчакова, было 22,444 ч. при 88-ми орудіяхъ.

Первые два отряда предназначались для выполненія основной задачи боя — рѣшительной атаки союзниковъ, и дѣйствовали противу ихъ праваго фланга на Киленбалкскомъ плато, а третій — князя Горчакова—для демонстративныхъ дѣйствій въ тылу со стороны Балаклавской долины.

Потери этихъ войскъ впродолженіе боя, убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими были слѣдующія:

Въ колоннѣ г. Данненберга

нижнихъ чиновъ	10.467 ч.
офицеровъ	256 »
генераловъ	6 »
Всего. . . .	10.729 ч.

Въ колоннѣ князя Горчакова (Балаклавской) всего 15 чел.

Кромѣ того выдѣленъ былъ изъ войскового гарнизона отрядъ подъ начальствомъ генерала Тимофѣева для демонстративныхъ дѣйствій противъ лѣваго фланга союзниковъ, чтобы отвлечь ихъ силы отъ главнаго поля сраженія. Въ него входило 3,862 человѣка при 36 орудіяхъ; численность офицеровъ неизвѣстна.

Отрядъ этотъ потерялъ	1,071 нижнихъ чиновъ
	23 офицера
Всего . .	1,094 человѣка.

Пятый же отрядъ, генерала Миттона, стоялъ вдали отъ поля сраженія для обороны дороги, идущей изъ Бахчисарая. Въ дѣлѣ не участвовалъ.

Всѣхъ бывшихъ въ бою внѣ Севастопольской крѣпости считалось 55,041 человѣкъ при 254 орудіяхъ.

Вся же наша потеря въ бою 24-го октября слѣдующая:

	Генераловъ.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.
Убитыхъ	—	51	3,237
Раненыхъ	6	223	6,689
Пропавшихъ безъ вѣсти	—	5	1,738
Итого выбыло изъ строя . .	6	289	11,664
А всего			11,959 чел. [1]

Изъ сего слѣдуетъ, что въ тотъ день потеря нашихъ войскъ выразилась утратою одного человѣка изъ 4,6 борцовъ, то есть примѣрно выбыло изъ строя около 25% изъ числа принимавшихъ въ бою участіе. Но этотъ выводъ не дастъ намъ наглядной цифры истинныхъ потерь, потому что въ этотъ общій итогъ вошли такія части, которыя стояли совсѣмъ въ сторонѣ отъ мѣста сраженія, какъ напримѣръ цѣлый отрядъ князя Горчакова съ 12 дивизіей генерала Липранди, не принимавшій въ сраженіи никакого участія. Если его исключить изъ общаго итога сражающихся, что будетъ совершенно раціонально, то убыль значительно повысится; почти до 1 изъ 2.5 человѣкъ, что уже составитъ почти 50% потерянныхъ нами въ одномъ сраженіи. Потеря ужасная, поражающая своими размѣрами.

Какъ ни поразительны эти цифры, но онѣ не даютъ еще полнаго представленія относительно смертности боя. Слѣдуетъ еще разобрать другіе вопросы, дополняющіе первый: какъ велика была численность [2]) тѣхъ отрядовъ, которые нанесли намъ этотъ уронъ, сколько они потеряли и въ какой промежутокъ времени понесли мы эти потери?

Уронъ произошелъ въ срокъ изумительно короткій. Коснемся пока однихъ главныхъ начальниковъ 10-й пѣхотной дивизіи.

Почти одновременно выбиты были изъ строя начальникъ ея и всего отряда—генералъ Соймоновъ, два бригадныхъ и изъ трехъ

---

[1]) Тотлебенъ. Описаніе обороны г. Сев. I т. стр. 459.

[2]) Этихъ данныхъ я не могъ добыть.

два полковыхъ командира. Трудно, конечно, добиться точнаго указанія, въ какіе часы утра они были ранены.

Во время сраженія, вслѣдствіе исключительнаго настроенія всѣмъ фибръ человѣческаго организма, обращенныхъ главнымъ образомъ на усвоеніе трагическихъ моментовъ боя, никому не приходитъ въ голову слѣдить съ часами въ рукахъ за всѣми измѣненіями въ положеніи борющихся сторонъ, а тѣмъ болѣе отмѣчать по часамъ когда что случилось. Каждый болѣе или менѣе занятъ своею собственною участью. Къ тому же кругозоръ каждаго изъ стоящихъ въ строю слишкомъ тѣсенъ.

Тѣмъ не менѣе есть возможность хоть приблизительно отмѣтить въ данномъ случаѣ сроки пораженія. Соймоновъ, напримѣръ, былъ раненъ первымъ—задолго до полнаго разсвѣта: въ это время вся его дивизія уже была разстроена. Подъѣзжая къ нему, я видѣлъ, какъ лежавшіе въ то время около него стрѣлки первой боевой линіи совсѣмъ пропадали въ туманѣ и предразсвѣтной полутьмѣ, и только дымки, внезапно вырывавшіеся изъ ихъ ружей, намѣчали ихъ расположеніе и указывали, что эта цѣпь была очень рѣдка. Бригадные—Вильбуа и Загоскинъ были ранены одновременно, передъ тѣмъ какъ я водилъ генерала Жабокрицкаго для осмотра общаго резерва боевыхъ линій, послѣ полученія смертельной раны Соймоновымъ. Очень хорошо помню, что тогда всѣ баталіоны резерва пребывали въ такой полутьмѣ, что въ рядахъ ихъ замѣтенъ былъ только слабый блескъ метала, а обликъ лицъ и цвѣта суконъ на нихъ за темнотою почти исчезали. Когда показался на позиціи недалеко отъ резерва командиръ корпуса Данненбергъ, тьма и туманъ не были еще побѣждены свѣтомъ.

ГЛАВА V.

Изслѣдованіе причинъ нашихъ потерь въ Инкерманскомъ сраженіи.—Боевыя качества начальниковъ.—Неимѣніе военно-топографическихъ плановъ и картъ.—Неполнота рекогносцировокъ.

Наконецъ, когда отбитые непріятелемъ тарутинцы и бородинцы, посланные Павловымъ на усиленіе лѣваго фланга 10-й дивизіи, стали отступать на полки 11-й дивизіи, то вслѣдствіе тумана и слабости освѣщенія мѣстныхъ предметовъ, были ею приняты за французовъ и подверглись сильному истребленію [1]). Полки эти были

[1]) Матеріалы, выпускъ IV, стр. 181.

одѣты въ суконныя шапки, напоминавшія своимъ фасономъ французскія кепи; эти шапки были построены по приказанію атамана Хомутова. Слѣдовательно, даже при повтореніи атаки изъ нашихъ боевыхъ линій, непріятельскій строй былъ еще такъ слабо освѣщенъ, что войска не могли отличить своихъ отъ чужихъ. Словомъ, кромѣ 10-й дивизіи, еще два полка 17-й дивизіи, входившіе въ другой отрядъ, были разгромлены рано утромъ, задолго до появленія полнаго солнечнаго освѣщенія [1]).

Признавая подобное пораженіе и грознымъ, и скоротечнымъ, постараемся по мѣрѣ силъ выяснить причины такого прискорбнаго факта.

За наши потери въ Крыму прежде всего подверглись обвиненію въ неспособности севастопольскіе генералы. По заключеніи мира, обвиненія эти перешли въ преслѣдованіе ихъ насмѣшками. Но эти обвиненія были неосновательны и несправедливы. Обвиняемыя лица были тѣ самыя, на которыхъ почти всецѣло лежала защита Севастополя во второй половинѣ осады, за выбытіемъ прославившихся своими самоотверженными дѣяніями моряковъ. Въ этотъ послѣдній періодъ осада отличалась особою лютостью огнестрѣльнаго боя, такъ какъ убыль изъ строя доходила до своего maximum'а—въ среднемъ 2,000 человѣкъ въ сутки, и отличалась еще необычайною сложностью и опасностью крѣпостныхъ работъ въ осажденномъ городѣ, сопровождавшихся отчаянными атаками крупныхъ массъ непріятеля, почему требовалась кромѣ отваги еще большая предусмотрительность и способность воодушевлять борцовъ, направлять ихъ умѣючи на важнѣйшіе пункты крѣпости и связывать всѣ дѣйствія на пространныхъ линіяхъ укрѣпленій въ ту совокупность, которая могла дать перевѣсъ въ бою нашимъ силамъ.

Не слѣдуетъ забывать этихъ искусныхъ и отважныхъ дѣяній въ данномъ случаѣ потому, что масса безъ головы инертна, а этими головами были обвиненные генералы. Этимъ осмѣяннымъ защитникамъ Севастополя Россія обязана тѣмъ, что упорная оборона продлилась на срокъ, по крайней мѣрѣ удвоенный, и отбила у союзниковъ охоту къ безуспѣшной борьбѣ настолько, что они, далеко не доведя ее до конца, прибѣгли къ миру. Имена всѣхъ этихъ лицъ

---

[1]) Не слѣдуетъ забывать ради полнаго освѣщенія дѣла, что въ то утро вліялъ на затемнѣніе предметовъ расстилавшійся по балкамъ туманъ, что не мало затрудняло составленіе вѣрнаго понятія относительно времени.

отнынѣ принадлежатъ исторіи. Они суть: графъ Остенъ-Сакенъ, его начальникъ штаба князь Васильчиковъ; а затѣмъ идутъ послѣдовательно начальники всѣхъ отдѣленій, бастіоновъ и батарей въ перемѣшку съ флотскими чинами. Наиболѣе извѣстными изъ нихъ были: Соймоновъ, Павловъ, Хрущовъ, Семякинъ, Хрулевъ, Липранди, Шульцъ, князь Урусовъ, Баумгартенъ, Вильбуа и многіе другіе, а за этими главарями непосредственно шли не менѣе отважные и опытные, хотя по служебному положенію своему менѣе извѣстные, какъ напримѣръ, Собашинскій, Скюдери, баронъ Дельвигъ, Мартинау, Оглобжіо, Тимофѣевъ, Феодоровъ, Лидовъ, Сорочинскій, князь Дмитрій Святополкъ-Мирскій, графъ Адлербергъ, Веревкинъ, Зеленый, баронъ Вревскій, Реадъ, Веймарнъ, Лысенко, Юферовъ, Загоскинъ, Ганъ и многіе другіе. Наконецъ, всѣ многотомныя воспоминанія о ходѣ Крымской кампаніи, написанныя участвовавшими въ ней офицерами, суть ни что иное, какъ мартирологи, прославляющіе этихъ самыхъ начальствующихъ лицъ. Дай Богъ, чтобы и на будущее время наши крѣпости защищались такими же самоотверженными и знающими свое дѣло борцами.

Было время, довольно скоро послѣ войны, когда эти самые начальники подверглись обвиненію [1]) въ уклоненіи отъ принятія отвѣтственныхъ постовъ, но въ этомъ кажущемся равнодушіи къ интересамъ службы нужно скорѣе обвинять самого главнокомандующаго, потому что онъ не заботился о поддержаніи ихъ силъ, забывая, что всѣ эти лица находились на постахъ старшихъ начальниковъ въ преклонномъ возрастѣ, угнетаемые страхомъ неудачъ и отвѣтственности, расшатывавшимъ ихъ духъ и тѣло; а что такое старость—можетъ вѣдать только тотъ, кто уже несетъ на себѣ это бремя. Пусть попробуетъ самодовольный обличитель стать въ положеніе этихъ старыхъ людей и хоть мѣсяцъ пробыть въ ихъ невозможной обстановкѣ! въ сырости темныхъ, подземныхъ склеповъ, такъ называемыхъ блиндажей, уснащенныхъ разными паразитами, безъ сна, солнца, воздуха, какихъ либо удобствъ и постоянно угнетаемыхъ заботами и болѣзнями, которыя свойственны войнѣ: лихорадочнымъ состояніемъ, слабостью питательныхъ органовъ, ревматизмами и проч., при постоянномъ громѣ выстрѣловъ изъ орудій и ружей, отъ которыхъ земля стонала и тряслась, тогда, я увѣренъ, обличитель перешелъ бы на роль защитника и посовѣ-

---

[1]) Дубровинъ. «Исторія Крымской войны». III т., стр. 233.

товалъ бы главнокомандующему хоть въ интересахъ службы давать нуждающимся кратковременные отдыхи, чтобы они спокойно могли выспаться и умыться. Но будучи самъ человѣкомъ, князь Горчаковъ не понималъ этихъ потребностей хорошихъ своихъ подчиненныхъ, а чѣмъ больше кто работалъ, на того больше и возлагалъ отвѣтственныхъ обязанностей безъ всякаго поощренія за ихъ непосильные труды и лишенія. Такъ служили напримѣръ Семякинъ и Хрущовъ, да и всѣ тѣ, кому онъ довѣрялъ и кого высоко цѣнилъ.

Понятно, что они изнемогали отъ непосильныхъ трудовъ и ждали случая добыть себѣ отдыха, хоть кратковременнаго. Вѣдь осада длилась не недѣлями, а безъ малаго годъ, а ей предшествовали походы и полевые бои. Такіе отдыхи не требовали много времени; 4—5 дней было весьма достаточно закаленному воину для передышки, почему можно было сочетать службу съ отдыхомъ безъ ущерба дѣлу. Знаю, что такъ тяготились изнуреніемъ и искали отдыха даже самъ князь Васильчиковъ и Семякинъ, контуженый въ голову. Послѣдній получилъ этотъ отпускъ очень поздно и съ любезной оговоркой главнокомандующаго, что, увольняя его по болѣзни въ отпускъ, онъ надѣется, что по первому призыву тотъ явится куда надобность укажетъ и приметъ начальствованіе надъ ввѣренной ему частью. По правдѣ сказать, эти предувѣдомленія были для нихъ излишни: я не помню ни одного отпускного начальника, который бы не явился даже раньше окончанія срока даннаго отпуска. (Хрулевъ, князь Васильчиковъ. Семякинъ, Лысенко и др.). Семякинъ на расходъ для переѣзда своей жены и дѣтей изъ Одессы, по случаю готовящагося вторичнаго бомбардированія этого города, занялъ 300 рублей у своего сослуживца въ счетъ своего будущаго жалованья.

Великодушный Монархъ не могъ знать такихъ потребностей каждаго изъ своихъ вѣрноподданныхъ, но князю Горчакову не мѣшало бы, какъ непосредственному начальнику, позаботиться о нуждахъ своего ближайшаго и лучшаго помощника. Царскіе дары получались иногда, но случайно, чрезъ посредство приближенныхъ къ Государю лицъ свиты, которыя безбоязненно докладывали о томъ Его Величеству, какъ напримѣръ Воейковъ, но отнюдь не князь Горчаковъ. Знала ли почтенная публика, что въ то время, когда семья Семякина изъ-за безденежья затруднялась выѣздомъ изъ Одессы, онъ самъ блистательно отражалъ приступы непрія-

теля на верки ввѣреннаго ему 1-го отдѣленія, страдалъ головными болями и глухотой отъ полученной имъ контузіи, а два старшихъ его сына, только что окончившіе свое обученіе въ Одесскомъ лицеѣ, добровольно поступили на службу въ армію и участвовали въ ночныхъ вылазкахъ съ 5-го бастіона вмѣстѣ съ охотниками, гдѣ старшій былъ раненъ штыкомъ въ бокъ во время рукопашной схватки? Такихъ страстотерпцевъ генераловъ было немало. Баумгартенъ, напримѣръ, продолжалъ командованіе 10-й дивизіей, стоявшей на 4-мъ бастіонѣ, хотя отъ аневризма его ноги распухали такъ сильно, что казались издали подушками. Хрулевъ, съ отбитымъ большимъ пальцемъ на лѣвой рукѣ, продолжалъ свою службу въ рядахъ арміи, и много другихъ, бывшихъ въ такомъ же положеніи, какъ напримѣръ тяжко раненый генералъ Лысенко и одинъ только Жабокрицкій, не знаю по какимъ своимъ личнымъ побужденіямъ, вызвалъ осужденіе всего гарнизона за то, что разстроилъ организованную Хрулевымъ оборону корабельной слободки, которая ему была ввѣрена, по уходѣ послѣдняго для командованія другимъ, еще болѣе опаснымъ, постомъ.

Въ эту критическую пору генералъ Жабокрицкій сократилъ численный составъ пѣхоты, расположенной вдоль оборонительной линіи, а резервы отодвинулъ въ самыя отдаленныя отъ передней линіи лощины и другія закрытія, почему непріятель и захватилъ передовые редуты: Селенгинскій, Волынскій и Камчатскій. Въ этотъ злополучный день (25-го мая 1855 г.) наши потери равнялись 5,000 человѣкъ. У непріятеля потеря была такая же; участвовало же у него въ бою 5 дивизій, т. е. до 40 тысячъ человѣкъ. Какъ не велика была убыль людей, но еще больше пострадала отъ этого оборона всего города, особенно Корабельной слободки, потому что взятые редуты составляли опорные пункты, огнемъ своимъ отдалявшіе нашихъ противниковъ, и стоили намъ при возведеніи ихъ большихъ потерь во времени и въ людяхъ.

Устроивъ, такимъ образомъ, всѣ шансы для нашего пораженія, Жабокрицкій наканунѣ самаго штурма подалъ рапортъ о болѣзни, и вслѣдъ за тѣмъ выѣхалъ изъ города [1]). Призванный вновь для командованія войсками Корабельной слободки Хрулевъ, хотя немедленно, по осмотрѣ войскъ и позицій, измѣнилъ всѣ распоряженія своего предмѣстника, потребовалъ помощь изъ города и сѣвер-

---

[1]) Тотлебенъ, I отд. II часть, 293—295 стр.

ной его стороны, но не успѣли эти войска прибыть, какъ штурмъ многочисленныхъ и притомъ лучшихъ непріятельскихъ войскъ воспослѣдовалъ и редуты пали.

Подобный случай гибели людей и укрѣпленій есть единственный и исключительный, за который не можетъ нести отвѣтственность весь комплектъ генераловъ. Тѣмъ не менѣе, я долженъ прибавить, что все доброе и хорошее, мною здѣсь о генералахъ высказанное, касается исключительно обороны крѣпости, но отнюдь не полевыхъ дѣлъ: первая славна и безупречна, а послѣднія вызываютъ потребность въ изслѣдованіи и оправданіи въ неповинности, къ которымъ мы и приступимъ.

Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ дѣйствій нашихъ войскъ въ сраженіи при Инкерманѣ 24-го октября 1854 года и начнемъ для полноты впечатлѣній съ ознакомленія съ тѣми трудами и усиліями, которые употреблялъ, напримѣръ, геніальный завоеватель Наполеонъ I для выработки военныхъ плановъ въ періоды его отдыха между двумя войнами. Наполеонъ писалъ: «Quant je fais un plan militaire il n'y a pas d'homme plus pusillanime que moi. Je me grossis tous les dangers et les maux possibles dans les circonstances».

Этотъ ясный, короткій очеркъ тѣхъ усилій и трудовъ, которые имъ предпринимались для выработки плана кампаній, можно приложить и къ составленію плана сраженія: процессы мышленія и подготовки однородны. Изъ этого наполеоновскаго очерка усматривается прежде всего, что хотя онъ и былъ геніемъ войны, тѣмъ не менѣе и при этомъ дарѣ неба, имъ руководило не мимолетное вдохновеніе, а практическій тяжелый трудъ и цыфровые расчеты. Такъ, напримѣръ, во время своего пребыванія въ лагерѣ подъ Булонью въ 1804 году, онъ составлялъ планъ для кампаніи 1805 года противъ австрійцевъ. Планъ для первой своей Итальянской кампаніи былъ имъ составленъ за три года до ея открытія, и вообще, говорятъ, что онъ настолько цѣнилъ значеніе плановъ и картъ, что они всегда у него были подъ рукою для соображеній и руководства. Отсюда слѣдуетъ: если такой геній войны какъ Наполеонъ I придавалъ такое огромное значеніе картамъ и планамъ, то тѣмъ съ большимъ вниманіемъ должны были отнестись къ нимъ заурядные труженики.

Шатобріанъ въ своемъ сочиненіи «Génie du christianisme» идетъ еще далѣе и признаетъ, что «геній есть трудъ».

---

[1]) Слоонъ. «Новое жизнеописаніе Наполеона, I ч., 201 стр.

Посмотримъ теперь, какъ мы воспользовались этимъ наставленіемъ великаго учителя при составленіи плана Инкерманскаго сраженія.

Осторожная, основательная работа по созданію плана кампаніи требуетъ, чтобы взвѣшивались всѣ факторы, дающіе побѣду. На первомъ планѣ, какъ матеріалы, стоятъ: описаніе страны, карты и планы мѣстности. Казалось бы, что эти данныя были для насъ благопріятны. Мы имѣли въ то время военно-статистическое описаніе Крымскаго полуострова полковника Герсеванова, того самаго, который составлялъ и планы сраженій при Меншиковѣ, причемъ онъ, какъ военный писатель, долженъ былъ досконально ознакомиться съ окрестностями такихъ городовъ, которые признаются за операціонные объекты, потому что рано или поздно должны разыграться бои за владѣніе ими, какъ напримѣръ Севастополь, Керчь и т. д.

Имѣли мы прекрасно выполненныя съемки окрестностей Севастополя и еще незамѣнимаго живого руководителя для оцѣнки поля сраженія въ лицѣ генерала Даненберга, бывшаго начальникомъ штаба корпуса, квартировавшаго передъ войной въ Севастополѣ, и командовавшаго войсками, собранными на Киленъ-балочномъ плато. Но всѣми этими преимуществами мы не могли воспользоваться.

Допускаю, что полковникъ Герсевановъ могъ признать слишкомъ кропотливымъ и недостигающимъ цѣли детальное изученіе мѣстности по топографическому плану крупнаго масштаба при составленіи военно-статистическаго описанія полуострова, но при составленіи диспозиціи для боя, онъ былъ ему крайне нуженъ. Вѣроятно, по его настоянію, князь Меншиковъ потребовалъ эти планы изъ Петербурга [1]), но получилъ отказъ въ ихъ высылкѣ. Военный министръ на это представленіе увѣдомилъ его такъ: «вѣроятно, вамъ небезъизвѣстно, что военные планы составляютъ важную государственную тайну, и что пользоваться ими можно только съ Высочайшаго разрѣшенія», почему предлагалось ходатайство о присылкѣ плана повергнуть на Высочайшее благоусмотрѣніе; иными словами предлагалось ему послать такую просьбу на имя Государя Императора съ нарочнымъ на перекладныхъ въ столь отдаленный пунктъ, какъ Петербургъ (2,000 в.), то есть съ большею

---

[1]) Вроченскій. Севастопольскій разгромъ, 93 стр.

потерею времени, тогда какъ военный министръ могъ лично доложить объ этомъ Императору, что, конечно, ускорило бы высылку. За неимѣніемъ этихъ топографически снятыхъ военнымъ министерствомъ картъ и плановъ, кажется, можно съ достовѣрностью сказать, что въ рукахъ войскъ Крымской арміи и ихъ штабовъ, за исключеніемъ морскихъ картъ, не имѣлось ни военныхъ, ни гражданскихъ картъ, плановъ или чертежей, которыми можно было бы пользоваться для военныхъ операцій на сушѣ. Коё-кому случайно попадалась карта полуострова Крыма, приложенная къ статистическому описанію ученаго изслѣдователя этой страны Кеппена, которое и мнѣ удалось подержать въ рукахъ, но, чтобы только убѣдиться, что масштабъ ея слишкомъ малъ и для руководства, при изученіи окрестностей Севастополя, не пригоденъ.

За неимѣніемъ вышеупомянутыхъ плановъ приходилось свѣдѣнія эти добывать путемъ рекогносцировокъ. Эти рекогносцировки, хотя и производились на разныхъ пунктахъ театра войны, но не дали желательныхъ результатовъ или по неудачамъ этихъ дѣйствій, или потому, что названіе «рекогносцировка» неподлежаще придавалось тѣмъ предпріятіямъ, которыя съ нашей стороны оканчивались неудачей, въ достиженіи какихъ-либо задуманныхъ боевыхъ цѣлей. Такъ, напримѣръ, отраженіе начатаго генераломъ Хрулевымъ штурма Евпаторійскихъ укрѣпленій съ потерею 800 человѣкъ названо было рекогносцировкой. Безцѣльныя, хотя и славныя дѣла Семякина, 10-го октября, и Липранди 13-го октября 1854 года, были названы также рекогносцировками. Одна только воистину спеціальная рекогносцировка предпринята была по распоряженію прозорливаго князя Меншикова. Она предназначалась для разузнанія характера той мѣстности, на которой впослѣдствіи мы дрались въ Инкерманскомъ сраженіи, и могла быть для насъ очень полезной. Велась она блистательно полковникомъ Федоровымъ, командиромъ Бутырскаго полка, который заставилъ непріятеля очистить рекогносцируемыя имъ мѣста [1]). Къ сожалѣнію онъ былъ убитъ, а замѣститель его утерялъ всѣ плоды его побѣдъ, то есть не только завоеванную мѣстность, но и добытыя свѣдѣнія.

---

[1]) Рекогносцировка производилась 14-го октября 1854 г. большимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 6 батальоновъ и 4 орудій.

Изъ рекогносцировокъ, единолично предпринятыхъ свѣдущими людьми безъ участія войскъ, слѣдуетъ упомянуть рекогносцировку командира 4-го корпуса генерала Данненберга, о которой я писалъ выше. Судя по словамъ Данненберга, она, по крайней мѣрѣ, спасла отъ рискованнаго предпріятія—штурма неприступныхъ скатовъ Сапунъ-горы, которые представляли изъ себя настоящія природныя укрѣпленія, то есть скаты съ такими же крутыми уклонами, какъ и эскарпы возведенныхъ нами оборонительныхъ линій вокругъ Севастополя, но только выше нами насыпанныхъ примѣрно въ 50, если не болѣе разъ, потому что устраивала ихъ сама разбушевавшаяся природа въ порывахъ міроваго творчества, когда изъ нѣдръ земли воздымались непроходимыя горы, а долины и низменности другихъ наименованій заливались цѣлыми морями и озерами воды. Жаль только, что въ тотъ день Данненбергъ ограничился въ своей рекогносцировкѣ небольшимъ пространствомъ земли, непосредственно прилегавшимъ къ подножію Сапунъ-горы, а не распространилъ ее на всѣ горы, окружавшія Балаклавскую долину, которая, можетъ быть, дала бы намъ въ руки козыри и породила бы такіе боевые эпизоды, которые содѣйствовали бы удачному окончанію Инкерманскаго сраженія. Но подобная рекогносцировка, нужно сознаться, была неудобна для корпуснаго командира. Она могла быть произведена человѣкомъ въ періодъ шалой, мечтательной молодости, по «воровскимъ тропамъ», бокъ о бокъ съ непріятельскими траншеями. Онъ увидѣлъ бы, какъ на ладони, всю западную продольную половину Балаклавской бухты съ безконечно длинными укрѣпленіями кремальернаго очертанія, которыя въ сторонѣ Балаклавы пропадали въ дымчатой дали, а съ восточной—подходили подъ кручи западнаго лѣсистаго ската Комаровскихъ горъ (названы мною по имени деревни «Комары»).

Мнѣ случайно пришлось увидѣть эту многознаменательную картину, поразившую мое воображеніе неожиданностью своего появленія, и не лишенную въ то же время боевого значенія. Все это я видѣлъ, созерцалъ, и тѣмъ не менѣе не могъ этимъ воспользоваться. Эту именно неудачу я и рѣшилъ здѣсь описать какъ тему для обсужденія: какъ слѣдуетъ дѣйствовать молодымъ неопытнымъ силамъ въ исключительно важныя минуты, выбивающія ихъ изъ колеи обыденной жизни?

Для этого приходится вернуться назадъ—къ неудачамъ, мною испытаннымъ со дня прибытія въ Симферополь, которыя начались

съ пустого недоразумѣнія и окончились лишеніемъ меня душевнаго спокойствія.

Въ Симферополѣ, на пути въ крѣпость, намъ не дали времени отстояться и привести свои дѣла въ порядокъ: безъ промедленія приказано было всѣмъ двигаться подъ Севастополь и пройти раздѣлявшее разстояніе—73 версты—въ двое сутокъ. Хотя переходъ былъ не особенно великъ, но принимая во вниманіе, что полки порядочно устали, пройдя разстояніе изъ подъ Рущука, имъ было приказано подняться съ бивака рано утромъ, почему и я, чтобы не отстать отъ войскъ, двинулся въ походъ также рано утромъ и пристроился къ той части, при которой шелъ вмѣстѣ съ дивизіоннымъ штабомъ, начиная съ западной государственной границы,—къ Томскому полку, безмятежно уповая, что онъ приведетъ меня на указанное мѣсто. Велико было мое удивленіе и безпокойство, когда я впродолженіе двухъ дней не встрѣчалъ моего начальника дивизіи. Кончилось это недоразумѣніе тѣмъ, что среди войскъ, столпившихся вокругъ Севастополя, исчезъ всякій слухъ, не только объ остальныхъ полкахъ дивизіи, но и о самомъ начальникѣ ея. Великъ былъ переполохъ тѣхъ, кому нужны были эти свѣдѣнія, потому что никто не могъ знать, куда уклонилась другая бригада, такъ какъ передвиженіе крупныхъ частей составляло предъ днемъ боя секретъ, да и не было кого послать за этимъ въ развѣдку, потому что при дивизіи не было конной части. Вотъ почему болѣе двухъ сутокъ терся я около полковъ 2-й бригады, къ которой не былъ непосредственно прикомандированъ и участвовалъ даже съ нею въ безкровномъ бою: своего же начальника, генерала Соймонова, я совсѣмъ потерялъ изъ вида. Въ неразрѣшимомъ томленіи, безъ дѣла, провелъ я два дня и кончилъ тѣмъ, что рѣшился на рискованное предпріятіе: произвести на свой страхъ единоличную рекогносцировку всей развернувшейся предъ нами мѣстности, во-первыхъ, чтобы ознакомиться съ нею для будущихъ дѣйствій и, во-вторыхъ, открыть самого непріятеля. Приступы любопытства шалой молодости овладѣли моею волею до такой степени, что я ринулся съ горы нашей позиціи (Федюхиной) очертя голову, безъ всякаго провожатаго, въ растилавшуюся предо мною смутную даль. День былъ сѣренькій.

У старшаго лица въ бригадѣ, генерала Вильбуа, разрѣшенія на эту рекогносцировку я не просилъ, ибо зналъ, что никакого разрѣшенія по этой просьбѣ *не послѣдовало бы*, да къ тому же

былъ увѣренъ, что не подвергся бы строгому взысканію за подобный самовольный поступокъ, вызванный тѣмъ, что, за отсутствіемъ плановъ, никакихъ свѣдѣній о странѣ мы не имѣли. Казака же, ко мнѣ прикомандированнаго, я не бралъ изъ опасенія подвергнуться отвѣтственности, если бы онъ былъ убитъ или раненъ. Виднѣвшаяся предо мною даль была именно эта Балаклавская долина. Справа впереди меня тянулись грозные скаты Сапунъ-горы. Еще дальше къ югу, почти на концѣ горизонта, подымались болѣе низкіе съ замѣтнымъ проходомъ въ Балаклаву, а слѣва довольно солидныя Комаровскія горы, покрытыя лѣсомъ.

Вся долина лежала пустынною, не проявляя жизни, какъ частица какой-либо дикой, не знавшей культуры мѣстности, человѣкомъ еще не занятой, тогда какъ за горами таилось свыше 150 тысячъ противниковъ, усердно готовившихся столкнуться въ кровавой сѣчѣ.

По пути изрѣдка попадались брошенные нашими противниками негодные доспѣхи: ранцы, рваныя кэпи и другіе предметы солдатскаго обихода; валялись распухшіе трупы благородныхъ англійскихъ скакуновъ и вились стаи хищныхъ птицъ, въ борьбѣ за пользованіе этимъ даровымъ и лакомымъ для нихъ угощеніемъ.

Сначала двинулся я вдоль подножія горъ по пути, уже изслѣдованномъ генераломъ Данненбергомъ. Едва я проѣхалъ половину этого разстоянія, какъ уже получилъ первое предостереженіе: съ правой стороны, съ Сапунъ-горы, раздался выстрѣлъ, и пуля зашелестила въ сухой травѣ шагахъ въ 10-ти впереди меня. Конечно, я не заставилъ непріятеля повторять угрозъ, немедля круто повернулъ коня въ восточномъ направленіи и, такимъ образомъ, скрылся отъ глазъ и выстрѣловъ противника, котораго во время вчерашней рекогносцировки на этихъ высотахъ не замѣчалось. Подставляя своему противнику спину, я уповалъ, что рыцарскій нравъ французовъ удержитъ ихъ отъ преслѣдованія беззащитной, а слѣдовательно, и безвредной жертвы. Они оправдали мое къ нимъ довѣріе...

Въ этомъ, вновь мною принятомъ направленіи, впереди, на первомъ горномъ уступѣ виднѣлась деревня Комары, совершенно пустая. Вѣроятно, непріятель перевелъ обывателей этой деревни на жительство въ другія мѣста. Горы пошли полукружіемъ на югъ, къ сторонѣ Балаклавы, незамѣтно въ то же время приближая путника и къ морю. Лѣсъ оказался въ это позднее время года почти лишен-

нымъ жизни: засохшіе дубовые листья, по природѣ имъ свойственной, висѣли тяжелыми гнѣздами, прикрѣпленными къ вѣтвямъ, не сваливаясь на землю, а въ иныхъ потныхъ мѣстахъ, среди зарослей напримѣръ, замѣчались еще оттѣнки зеленой окраски. Лѣсъ былъ рѣдокъ, но усѣянъ кущами кустарниковъ, разбросанныхъ по всему лѣсу, что давало всаднику защиту отъ взоровъ, а слѣдовательно, и выстрѣловъ непріятеля. И въ немъ не замѣчалось также движенія живыхъ существъ—ни человѣка, ни животныхъ; вездѣ было пусто, мертвенно и жутко. Незамѣтно было, чтобы непріятель хоть бы изъ предосторожности посылалъ въ эту сторону свои разъѣзды, патрули или выставлялъ на возвышенныхъ мѣстахъ отдѣльные посты. Изумительная безпечность! Чѣмъ объяснить ее? Утерянными ли привычками къ войнѣ или опасеніемъ, что маленькія партіи дозоровъ попадутся въ руки казаковъ, какъ это случилось вскорѣ послѣ высадки союзниковъ въ Евпаторіи съ французскимъ офицеромъ генеральнаго штаба. Войска союзниковъ въ первый періодъ войны только въ массахъ охраняли самихъ себя и около себя, остальное пространство оставалось совершенно открытымъ. Въ этомъ отношеніи передовая служба татаръ, во время ихъ перваго нашествія на Россію, несравненно поучительнѣе: въ то время, какъ главныя силы татарской орды бродили за Дономъ на Манычѣ, передовой отрядъ ихъ авангарда стоялъ въ виду Кіева.

Въ пору моей молодости я, какъ степнякъ, отличался дальностью и остротою зрѣнія: схватывалъ признаки жизни даже птицъ и мелкихъ животныхъ на большомъ отъ себя разстояніи. Высмотрѣвъ изъ густой кущи удобное для укрытія мѣсто, я быстро, насколько позволялъ бѣгъ коня, переносился къ сосѣднимъ укрытымъ мѣстамъ, и такъ далѣе, пока не былъ остановленъ поразившимъ меня интереснымъ зрѣлищемъ. Неожиданно открылся предо мною морской горизонтъ; а у самыхъ ногъ горизонтъ другого свойства—земной: настолько опущенная книзу площадь долины, что ея освѣщенныя мѣста были какъ будто подернуты дымкой. На этой низменной площади выдавались слѣдующіе предметы: западная окраина всего горизонта преграждалась высоко поднятой горной площадью—Херсонесскимъ плато; впереди ея узкая и длинная полоса Балаклавскаго залива, огражденная вдоль своего западнаго берега болѣе низкими въ сравненіи съ плато курганообразными горами, расположенными, какъ казалось издали, въ одну линію по

меридіану; еще ниже торчали при входѣ въ заливъ, по обѣимъ его сторонамъ, грандіозныя генуэзскія башни, образуя какъ бы ворота, возведенныя на природныхъ скалахъ. На заливѣ очень слабо выдѣлялись суда, да и то не въ большомъ числѣ, вѣроятно, потому что другая, восточная половина залива закрывалась ровнымъ однообразнымъ гребнемъ горы, тянувшимся также съ сѣвера на югъ и закрывавшимъ остальныя суда. Этотъ гребень, вѣроятно, закрывалъ и всю Балаклаву, потому что ея также не было видно [1]).

Заканчивалась эта долина, какъ казалось съ вершины горы, пространныхъ ровнымъ полемъ [2]) сначала со слабымъ освѣщеніемъ, а затѣмъ въ болѣе густой и яркой окраскѣ. На этомъ полѣ съ поразительною рѣзкостью и правильностью изгибовъ выдѣлялась одна непрерывная линія укрѣпленій. Начиналась она кремальерами. Эти кремальеры крѣпостной ограды выступали изъ подъ навѣса той горы, на которой я стоялъ и тянулись къ сторонѣ Балаклавскаго рейда. Въ каждомъ углу кремальера было поставлено по одному орудію, при которомъ обучалась артилерійская прислуга англійскихъ войскъ. При первомъ находилось всего два человѣка. Они мнѣ показались высокими и свободно выправленными. Привѣтливая улыбка скользила по лицу обращеннаго ко мнѣ солдата. Плоская шапка, надѣтая на темя, закрывала ему лицо. Подними онъ свою голову — наши взгляды встрѣтились бы. Я опасался, чтобы магнитизмъ моихъ глазъ не съигралъ этого эксперимента. Къ счастью, сила ихъ для этого молодца была нечувствительна, хотя, какъ казалось, приходился онъ отъ меня на такомъ близкомъ разстояніи, что если бы онъ могъ подняться на шарѣ, то очутился бы отъ меня не далѣе 40 шаговъ, но это опять только казалось вслѣдствіе чистоты горнаго воздуха. Прислугу второго орудія обучалъ молодой офицеръ, стоявшій у хвоста лафета. Остальныя выдѣлялись уже смутными кучками.

Любовался я этой развернувшейся предо мной картиной прибрежья недолго, и какъ только она отчетливо запечатлѣлась въ моемъ мозгу со всѣми подробностями изгибовъ и освѣщенія, я тою

---

[1]) По сличеніи съ планомъ оба гребня казались такими только въ перспективѣ, а на самомъ дѣлѣ составляли отдѣльную круглую гору.

[2]) Она казалась «ровнымъ полемъ», потому что я смотрѣлъ на нее съ горы наиболѣе возвышенной, а на самомъ дѣлѣ была довольно высокимъ плато, что усматривается изъ военныхъ плановъ окрестностей Балаклавы.

же дорогой благополучно вернулся къ своей бригадѣ, но ее на позиціи уже не засталъ. Она, по словамъ моего казака, отправилась въ городъ, куда и я не замедлилъ за нею послѣдовать, покормивъ сначала свою лошадь. Сравнивая впослѣдствіи эту картину, начертанную въ фокусѣ моего зрѣнія съ топографическимъ планомъ окрестностей, спачала я былъ непріятно пораженъ, что представленія мои съ планомъ не сходятся: длинная укрѣпленная линія въ общемъ очертаніи состояла изъ двухъ частей. Но при дальнѣйшемъ обсужденіи я пришелъ къ заключенію, что болѣе короткій фасъ, на планѣ показанный, состоявшій также изъ кремальеровъ, уходилъ подъ угломъ къ подножію горы, которою прикрывался благодаря верхнимъ наплывамъ покато изогнутой поверхности горъ.

Авантюра эта была къ сожалѣнію безполезна въ данномъ случаѣ. Она удовлетворила только жажду мою къ приключеніямъ. Если бы генералъ Данненбергъ продолжилъ свою вчерашнюю рекогносцировку до моей точки стоянія, то, по всей вѣроятности, доложилъ бы о всемъ, мною видѣнномъ, главнокомандующему, и тогда произошли бы въ планѣ предстоящаго сраженія нѣкоторыя перемѣны, а именно, въ дѣйствіяхъ дивизіи Липранди, которая во время боя 24-го октября стояла на позиціи, отдаленной отъ прочихъ войскъ, тыломъ къ описанной горѣ и въ полномъ бездѣйствіи. Я же лично, не будучи призванъ и не ознакомившись съ предстоявшими задачами для войскъ, т. е. съ ихъ положеніемъ и путями предстоящаго наступленія, которые были во всякой арміи большой тайной, не позволилъ себѣ безпокоить неизвѣстное еще мнѣ тогда высшее начальство своимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ. Не имѣлъ я случая доложить объ этомъ и начальнику дивизіи, потому что немедля, по прибытіи въ Севастополь, отправился съ большой командой, какъ сказано выше, на работу по устройству баррикадъ, а затѣмъ въ тотъ же день долженъ былъ принять участіе въ подготовкѣ дивизіи къ походу для боя, изъ-за котораго даже забылъ о ней.

Послѣ же Инкерманскаго сраженія, за перемѣною всей нашей боевой обстановки, описанная мною рекогносцировка сдѣлалась совершенно излишнею: непріятель занялъ своими войсками прилегающую къ этой горѣ Байдарскую долину, укрѣпивъ впереди стоявшую, встрѣтившуюся мнѣ на пути, деревню Комары, и почти ежедневно сталъ совершать прогулки по сосѣднимъ територіямъ, т. е.

двигать по всѣмъ этимъ мѣстамъ, также какъ и въ окрестностяхъ Евпаторіи, свою кавалерію, которая къ тому времени значительно усилилась отъ присоединенія къ арміи союзниковъ—турецкой, прибывшей заново изъ Турціи.

Этими прогулками имѣлось въ виду пріучить насъ сначала къ своимъ обычнымъ эволюціямъ, а затѣмъ, воспользовавшись нашею оплошностью, неожиданно атаковать, какъ это случилось предъ Евпаторіей.

Убѣжденъ, что можетъ подняться вопросъ: зачѣмъ я дѣлаю это запоздалое признаніе въ моей безполезной рекогносцировкѣ, когда я въ свое время не счелъ нужнымъ о ней докладывать, а теперь исчезла всякая возможность провѣрить ее свидѣтельскими показаніями?

Руководило мною въ данномъ случаѣ желаніе возбудить вниманіе военнаго читателя къ тому обстоятельству, что, по моему мнѣнію, подтвержденному и описаннымъ фактомъ, рекогносцировка мѣстности, произведенная однимъ лицомъ безъ всякаго участія войскъ, можетъ иногда принести несомнѣнную пользу, потому что она даетъ возможность скрыто пройти въ такія близкія къ противнику мѣста, которыхъ нельзя достигнуть съ массой войскъ, не возбудивъ вниманія.

Носились слухи, что вопросъ этотъ не разъ приводилъ въ послѣднюю турецкую кампанію 1877—1878 гг. къ обостренію отношеній между двумя начальниками. Одинъ убѣждалъ не брать много казаковъ въ рекогносцировки, которыя своею численностью возбуждая схватки иногда упорныя, ведутъ только къ большимъ потерямъ, тогда какъ одиночныя или малочисленныя, предохраняя отъ потерь, ведутъ къ желательному исходу. Изъ опыта въ нашей арміи я убѣдился, что къ производству подобныхъ развѣдокъ особенно склонны наши крымскіе татары и черноморскіе пластуны. И тѣ и другіе въ состояніи, въ ночное особенно время, какъ змѣи проползать большія пространства и раскрывать дѣйствія противниковъ. Пластуны же успѣли пріобрѣсти славное имя по всей Россіи своими смѣлыми подвигами и искусствомъ въ дѣлѣ развѣдокъ.

Рекогносцировки эти я производилъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ въ разное время (кромѣ Балаклавской) къ сторонѣ Бельбека, Бахчисарая и чрезъ хребетъ Яйлы на южный берегъ Крыма. Всѣ эти поѣздки я совершалъ на слабой лошадепкѣ, за невозможностью пріобрѣсти ни за какія деньги ретиваго коня на самомъ

театрѣ войны; совершалъ ихъ безъ разрѣшенія начальства (кромѣ послѣдней) ради пріобрѣтенія за неимѣніемъ плановъ хоть какихъ либо свѣдѣній о характерѣ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ приходилось воевать. Положеніе мое было далеко ненормальное. Не говоря про то, что я могъ быть убитъ, раненъ или взятъ въ плѣнъ въ случаѣ несчастья, я могъ подвергнуться еще наказанію за самовольное оставленіе позиціи въ военное время.

Спросятъ меня: какой же результатъ дали потайныя мои дѣянія?

Отвѣчу: непосредственно никакого, но за то я оказался единственнымъ офицеромъ, пригоднымъ вслѣдствіе знанія мѣстности служить колонновожатымъ войскъ при ихъ передвиженіи на позиціи даже и въ ночное время. Такъ, я водилъ на позиціи крупныя части на Инкерманскія высоты, корпусъ Реада на Черную рѣчку; войска, занимавшія Корабельную слободку послѣ сдачи Севастополя на позицію, кажется, при Орта-Каралезѣ, если не Юкары-Каралезѣ, и кромѣ того исполнялъ другія порученія, сопряженныя съ знаніемъ мѣстности и обычаевъ страны, какъ, напримѣръ, осматривалъ по порученію начальника штаба Семякина, пути чрезъ весь Крымскій полуостровъ на случай отступленія русской арміи, а также построенное нами въ тылу укрѣпленіе при Бакшаѣ на Салгирѣ, Чонгарскій мостъ и всѣ жилыя мѣста, занятыя татарами, проѣзжая чрезъ ихъ аулы почти вокругъ всего Сиваша единолично, безъ провожатаго, когда они считались возставшими измѣнниками.

Сколько мнѣ извѣстно, больше командировокъ по спеціальности службы офицерамъ генеральнаго штаба внѣ крѣпостныхъ верковъ не поручалось, за исключеніемъ Евпаторіи [1]), и всѣ онѣ были поручаемы мнѣ для единоличнаго исполненія при двухъ главнокомандующихъ, князьяхъ Меншиковѣ и Горчаковѣ. Вотъ та косвенная польза, которую мнѣ удалось извлечь изъ моихъ незаконныхъ рекогносцировокъ. Словомъ, благодаря этому, мнѣ пришлось сдѣлаться во время Севастопольской войны спеціалистомъ по предмету перевода войскъ и осмотру страны, и я совершалъ эти порученія настолько успѣшно, что не навлекъ на себя никакихъ замѣчаній за неумѣлое исполненіе.

Другая побудительная причина, провѣренная мною, между про-

---

[1]) Въ окрестностяхъ Евпаторіи дѣйствовалъ весьма опытный и способный офицеръ генеральнаго штаба подполковникъ Батезатулъ. Помимо боевыхъ своихъ качествъ онъ отличался еще поразительною прямотою и добросовѣстностью.

чимъ, и очерченнымъ опытомъ, заключается въ томъ, чтобы убѣдить начальствующихъ лицъ оказывать реальное содѣйствіе къ пріобрѣтенію офицерами генеральнаго штаба во время войны хорошихъ коней, чтобы дать имъ больше шансовъ на успѣхъ въ дальнихъ развѣдкахъ и чтобы, зарвавшись, они имѣли вѣрнѣйшую надежду ускакать отъ погони. Лучшихъ друзей для лихого офицера-рекогносцера я не могу указать, какъ донскихъ казачьихъ лошадей завода Ивана Григорьевича Иловайскаго, но не кровныхъ конюшенныхъ, а степныхъ, съ Маныческаго его завода, гдѣ онѣ проводятъ круглый годъ на подножномъ корму и сохранили древнюю донскую кровь. Во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, офицеръ генеральнаго штаба долженъ получить во время войны право на выборъ изъ кавалерійскаго полка лучшихъ скакуновъ. Эта потеря для казны окупится той пользой, которую онъ можетъ оказать войскамъ.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ рекогносцировокъ, произведенныхъ офицерами генеральнаго штаба, наиболѣе выдается совершенная капитаномъ Бараховичемъ, бывшимъ въ началѣ 50-хъ годовъ начальникомъ штаба той дивизіи, которая была расположена въ Полтавѣ, гдѣ я съ нимъ и познакомился. Онъ былъ воистину неподражаемый боевой типъ, всецѣло отдавшійся военной службѣ. Несмотря на мирное время, всѣ его разговоры вращались въ сферѣ войны. Онъ былъ вѣрный и неизмѣнный служитель бога войны.

Предъ послѣднимъ походомъ русскихъ войскъ, окончившимся завоеваніемъ западнаго Кавказа, по желанію начальства, онъ предпринялъ рекогносцировку тѣхъ горныхъ путей, по которымъ должны были двигаться войска съ южной стороны Кавказа, для содѣйствія нашимъ войскамъ, расположеннымъ на сѣверной сторонѣ горъ. Переодѣвшись въ лохмотья нищаго-туземца и притворившись нѣмымъ, онъ двинулся пѣшкомъ чрезъ незавоеванныя земли черкесовъ. Собаки, почуявъ въ немъ иноземца, рвали его одежду и самое тѣло; голыя ноги, безъ привычки ходить по камнямъ, покрылись ранами, а подъ конецъ рекогносцировки, когда онъ подходилъ къ мирнымъ ауламъ, былъ схваченъ черкесомъ, который по бѣлому незагорѣлому тѣлу подъ рукавомъ рубашки призналъ въ немъ русскаго.

Къ счастью, Бараховичъ успѣлъ вскочить въ домъ нашего кунака, который подъ предлогомъ освященнаго обычаями гостепріимства скрылъ его у себя, а затѣмъ благополучно препроводилъ въ нашъ лагерь. За эту рекогносцировку Бараховичъ былъ награжденъ Владиміромъ 4-й степени съ бантомъ, не имѣя другихъ орденовъ.

ГЛАВА VI.

Топографическое описаніе Херсонесскаго и Киленбалкскаго плато. — Выгоды, доставленныя непріятелю мѣстностью.

Главный хребетъ Крымскихъ горъ, какъ извѣстно, тянется вдоль сѣвернаго берега Чернаго моря. Въ иныхъ мѣстахъ онъ такъ близко подходитъ къ берегу, что на его скатахъ выступаютъ одни только карнизы, едва достаточные по своей ширинѣ для образованія проѣзжей дороги, а въ другихъ — края его, отступая отъ берега, образуютъ широкое, ровное побережье, подобное тому, которое тянется у подошвы горъ отъ Гурзуфа до Симеиза. Въ этихъ мѣстахъ онъ даетъ возможность не только образовать на своихъ отрогахъ селенія и города, но и обдѣлать широкіе нагорные выступы подъ сады, огороды и пашни, которые лѣпятся на разныхъ высотахъ горъ, особенно на площадяхъ вдоль берега моря.

Мѣста эти, по богатству южной растительности, которая, по словамъ профессора Бекетова, напоминаетъ прибрежье Тосканы съ ея мягкимъ, живительнымъ климатомъ, составляютъ перлъ не только Крыма, но и всей Россіи.

Верхняя площадь хребта простирается въ ширину отъ 3 до 6 верстъ и представляетъ изъ себя тамъ, гдѣ я это видѣлъ, противъ селенія Ени-Салы на рѣкѣ Бельбекѣ, совершенно ровную, горизонтальную поверхность, покрытую низкими, густыми, какъ коверъ, жирными и вѣчно зелеными травами и испещренную маленькими озерами воды, прозрачной, какъ кристалъ, и холодной, какъ ледъ.

Хребетъ не подымается выше 5,064 футовъ; это его высота у рѣки Біюкъ-Узенъ, которая приходится на срединѣ его протяженія. Затѣмъ слѣдующей по высотѣ идетъ гора Чатырдагъ, 5,003 фута. Къ западу хребетъ опускается уступами, пока не упрется въ Балаклавскую долину, но и здѣсь, какъ видно, внутренняя подъемная сила не ограничивала своего дѣйствія: она за эту долину отбросила къ самому берегу моря пространный массивъ неправильной, но симметричной четыреугольной формы, на подобіе раскрытаго вѣера съ отпавшей рукояткой и нѣсколько расширеннымъ прилегающимъ къ ней концомъ, именуемый Херсонесскимъ плато.

Для настоящихъ воспоминаній нужно только описаніе Херсонесскаго массива и Киленбалкскаго плато, которыми я и займусь.

Херсонесское плато занимаетъ юго-западный уголъ Крымскаго полуострова и граничитъ съ сѣвера роскошнымъ Сѣвернымъ рейдомъ, весьма удобнымъ, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по свойству дна и береговъ для стоянки многочисленныхъ судовъ, а также впадающей въ него Черной рѣчкой; съ запада и съ юга, начиная отъ устья Сѣвернаго рейда и оканчивая Балаклавскимъ заливомъ, по дугѣ морскимъ берегомъ, изрѣзаннымъ бухтами, также весьма пригодными для стоянки большихъ флотовъ; съ востока — столь высокимъ и крутымъ скатомъ, что образуетъ съ этой стороны во многихъ мѣстахъ совершенно неприступную, почти вертикальную кручу, которую можно было легко обратить въ крѣпостную ограду.

Такія же превосходныя оборонительныя качества имѣетъ массивъ и съ сѣверной стороны, вдоль рѣки Черной. Въ мѣстѣ соединенія Сѣвернаго рейда съ моремъ расположенъ Севастополь, который со своими укрѣпленіями лежитъ на этомъ пространствѣ, какъ гнѣздо ласточки на карнизѣ окна. Длина линіи южныхъ наружныхъ укрѣпленій не превосходитъ 7 верстъ, а самая площадь укрѣпленій, ими окруженная, 400 десятинъ.

Длинной, глубокой Южной бухтой [1]) крѣпость раздѣлена на 2 части: на городъ собственно и Корабельную слободку. Южная крѣпостная территорія отдѣляется водами Сѣвернаго рейда отъ внутреннихъ странъ государства и своихъ сѣверныхъ укрѣпленій [2]). Сѣверный рейдъ имѣетъ въ длину около 6 верстъ, въ ширину отъ 350 до 500 саженъ, глубина его—до 35 футовъ.

У широкаго, дугою изогнутаго, сѣвернаго края, вдоль морского берега и Сѣвернаго рейда отъ мыса Херсонесскаго до устья рѣки Черной, плато это имѣетъ наибольшее протяженіе, по прямой линіи около 17 верстъ, а по меридіану средняго сѣченія, отъ мыса Фіолента до Графской пристани, около 10 верстъ. Обѣ стороны его — восточная и западная — по 12 верстъ. Что же касается четвертой — южной стороны, на которой стоитъ Георгіевскій монастырь, то длина ея не болѣе, какъ 4 версты. Вся поверхность плато занимаетъ до 11 тысячъ десятинъ. Оно представляло изъ себя самую выгодную боевую позицію на всемъ полуостровѣ для веденія осадныхъ операцій. Частью съ сѣвера, начиная почти съ болотистыхъ устьевъ Черной рѣчки, а также на востокъ, по пря-

---

[1]) Южная бухта имѣетъ въ длину 2 версты, въ ширину около 200 саженъ въ глубину около 25 футовъ.

[2]) Южная сторона около 590 десятинъ, сѣверная — 300 дес., бухта между ними около 375 дес., всего около 1,275 дес. Малаховъ курганъ около $5\frac{1}{2}$ дес.

мой линіи отъ сѣвера къ югу до самаго моря, на всемъ протяженіи Балаклавской долины оно представляетъ, какъ я упомянулъ выше, грозную сплошную твердыню съ крутыми, почти отвѣсными скатами, которые по крайней мѣрѣ отъ 50 до 100 кратъ превышали наши спѣшно насыпанныя въ минуты необходимости, такъ называемыя крѣпостныя оборонительныя линіи. Послѣднія были устроены на твердомъ грунтѣ, мѣстами за отсутствіемъ времени и рукъ веселыми женщинами, а за неимѣніемъ инструментовъ и денегъ на покупку ихъ, на доброхотныя пожертвованія мѣстныхъ жителей.

Твердыня эта съ юга до Балаклавы, окаймляя берегъ моря, подымалась выше и грознѣе къ западу до мыса Фіолента. Вдоль же всего своего западнаго берега, усѣяннаго весьма удобными для стоянки флотиліи заливами, плато хотя и понижалось почти до уровня морской поверхности, но за уничтоженіемъ нашего флота, было совершенно безопасно отъ всякихъ нападеній—внезапныхъ и долговременныхъ осадъ, такъ что союзники, поднявшись на плато, всѣ свои силы и вниманіе могли употребить исключительно на осаду Севастополя. Со стороны Балаклавской долины, на плато вели только три дороги, отстоящія другъ отъ друга приблизительно на 4 версты, весьма мало удобныя для подъема войскъ, особенно сѣверная, которая была не болѣе, какъ вьючною тропой.

Весь этотъ восточный край массива отъ Балаклавы до Сѣвернаго рейда названъ былъ Сапунъ-горою. Вѣроятно, это названіе дано было ему русскими людьми, способными давать мѣткія названія: вслѣдствіе значительной крутизны скатовъ, при подъемѣ на него, приходилось немало посопѣть, — отсюда названіе Сапунъ-гора.

Вся поверхность массива, если смотрѣть съ боку, представлялась совершенно ровной, какъ поверхность стола, съ легкимъ общимъ наклономъ къ сѣверо-западу.

Съ птичьего же полета замѣчалось, что онъ весь былъ изрѣзанъ извилистыми балками, которыя образовались отъ стока воды съ края Сапунъ-горы, согласно уклону плоскости, къ сторонѣ Сѣвернаго рейда, у береговъ котораго большинство изъ нихъ образовало глубокіе заливы. На образованіе этихъ балокъ повліяли самыя разнообразныя причины, какъ атмосфернаго, такъ и геологическаго свойства. Верхній растительный слой этого плато представляетъ главнымъ образомъ смѣсь трехъ геологическихъ элементовъ— песку, глины и мергеля. Главными факторами его разрушенія

можно считать атмосферныя явленія: холодъ, жару и осадки. Сильныя и частыя перемѣны температуры содѣйствовали раздробленію верхней коры, которая при помощи вѣтровъ превращалась въ мелкія зерна. Зерна эти размывались водою, въ которой растворялась глина, уносившаяся въ заливъ и заполнявшая морское дно. Песокъ же по своей тяжести оказывалъ большое сопротивленіе, почему при передвиженіяхъ осѣдалъ на свои основанія, затѣмъ отваливаясь отвѣсными пластами, оголялъ верхніе края каменныхъ утесовъ.

Этотъ растительный слой покоится на сплошномъ каменномъ пластѣ неизвѣданной толщины, который залегаетъ мѣстами однимъ слоемъ, мѣстами многими, раздѣленными мягкой землей, какъ напримѣръ противъ исходящаго угла 4-го бастіона, что дало намъ возможность свободно рыть минную галерею съ этого угла къ сторонѣ непріятеля между двухъ каменныхъ пластовъ. Тѣмъ не менѣе въ распредѣленіи каменныхъ слоевъ замѣчается нѣкоторый порядокъ, который сказывается въ томъ, что верхніе пласты, проглядывая, кажется, вдоль краевъ всѣхъ балокъ плато, лежатъ на одной и той же наклонной площади.

Выводъ этотъ самъ собою вытекаетъ изъ того предположенія, что растительный пластъ образовался вслѣдствіе разрушенія верхней поверхности каменистаго, что онъ не наносный. Разъ это такъ, то должно согласиться и съ двумя выводами относительно конфигураціи самихъ каменныхъ массивовъ: что они должны лежать въ такомъ же наклонномъ положеніи, какъ и происшедшій отъ нихъ разложенія растительный пластъ и въ такомъ же точно направленіи на сѣверо-западъ. Этими двумя посылками объясняется, почему края почти всѣхъ балокъ обведены выступами каменныхъ скалъ, хотя и различной высоты, но лежащихъ на одной наклонной площади.

Всѣ эти скаты, кромѣ природной крутизны, были еще сильно укрѣплены союзниками. Они вдоль всего восточнаго края Сапунъ-горы, во всю его длину, въ мѣстахъ менѣе крутыхъ и доступныхъ для штурма, вырыли окопы сильной профили, также какъ и на выступахъ въ скатахъ, гдѣ позволяла мѣстность, такъ что мѣстами весь скатъ въ нѣсколько ярусовъ могъ посылать смертоносный огонь. Особенно сильно были вооружены сѣверо-восточный уголъ Сапунъ-горы къ сторонѣ Черной рѣчки и Федюхиныхъ горъ, а также подъемъ по Байдарской дорогѣ, на которой выдѣляется четыреугольный выступъ, образующій широкую правильную плат-

форму; онъ также былъ вооруженъ вдоль своего борта цѣлыми батареями орудій, изъ которыхъ, какъ сказано выше, можно было анфилировать штурмующія колонны вдоль ската Сапунъ-горы и обстрѣливать Байдарскую дорогу. Поэтому, по распоряженію прозорливаго князя Меншикова, сдѣланы были саперами всходы на Килленбалкское плато съ другого діаметрально противоположнаго конца, какъ со стороны города такъ и со стороны Инкерманскихъ высотъ—это такъ называемая Саперная дорога, по которой подымались съ разныхъ сторонъ—съ сѣвера и съ юга отряды Соймонова и Павлова 24 октября 1854 года.

Изъ числа балокъ, которыми изборождена была поверхность Херсонесскаго плато, особенно выдѣляются по своей величинѣ двѣ: Сарандинакина и Киленъ-балка; и та и другая, прорѣзавъ глубоко земные пласты, слились съ глубокими бухтами, залитыми соленой водой—Южной и Киленъ-бухтой. Киленъ-балка, проходя съ востока на сѣверо-западъ, отъ своей вершины до бухты на протяженіи около 4 верстъ, отрѣзываетъ Килленбалкское плато отъ остальной части Херсонесскаго массива въ видѣ узкаго треугольника, который однимъ концомъ упирается въ берегъ Сѣвернаго рейда, а противулежащей стороной сливается съ Сапунъ-горою. На этомъ мѣстѣ и произошло 24 октября Инкерманское сраженіе.

Поверхность этого плато представляетъ на всемъ протяженіи овальную форму и вся изрѣзана балками, которыя ниспадали къ сѣверу и югу. Такихъ балокъ насчитывается на сѣверномъ скатѣ до 6 и на южномъ до 4. Балки эти естественно съуживаютъ удлиненную верхнюю площадь отрѣзка, а такъ какъ края ихъ оправлены въ каменныя скалы, почти вездѣ отвѣсныя и идущія совмѣстно съ краями, то естественно, что верхняя площадка Киленбалкскаго плато не имѣетъ правильнаго геометрическаго очертанія, а напротивъ границы его краевъ представляются съ птичьяго полета волнообразными, отчего площадка эта мѣстами расширяется до 350 саженъ и съуживается до 63 саженъ.

Издали Килленбалкское плато со своими округлыми вершинами и пологими на большемъ своемъ протяженіи скатами имѣетъ видъ мирнаго пейзажа, а на самомъ дѣлѣ оно своими хитро расположенными балками, снабженными къ тому же обрывистыми скалами, представляетъ коварный лабиринтъ, который заводилъ наши колонны въ вертепы, какъ выразился почтенный атаманъ Красновъ своимъ желчнымъ, тѣмъ не менѣе образнымъ языкомъ.

Такимъ образомъ, зная хорошо характеръ этой мѣстности, ея

конфигурацію и свойство балокъ, можно было заранѣе предрѣшить какъ придется дѣйствовать нашимъ войскамъ на этихъ мѣстахъ. Дойдя до широкихъ площадокъ и расчитывая на дальнѣйшія свободныя пространства боевого поля, войска наши расширяли свой фронтъ: строились въ ротныя колонны и смѣло двигались впередъ, тѣсня противника. Въ своемъ наступательномъ движеніи они натыкались на отвѣсныя скалы балокъ и ущелій, которыя иногда на большомъ протяженіи, пріостанавливая ихъ движеніе, заставляли вновь смыкаться къ серединѣ, чтобы протиснуться чрезъ узкій проходъ (какъ напр. при вершинѣ Микрюковой балки, гдѣ образовался проходъ всего въ 63 сажени шириною) и такимъ образомъ давали противнику возможность истреблять насъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ не въ одиночку, а цѣлыми кучами, которыя и были раскиданы на пути по всему полю. Разсужденіе это подтверждается тѣмъ, что линія ротныхъ колоннъ такой небольшой части, какъ напримѣръ, бригада при составѣ изъ 22 орудій и 24 ротныхъ колоннъ растягивалась въ длину на 250 саженъ, а проходъ съуживалъ эту боевую линію до 60 саженъ [1]). Словомъ, мы попадали въ западню. Наши войска, не зная мѣстности, конечно, не могли предвидѣть этихъ обстоятельствъ, да еслибы и предвидѣли, то не могли бы устранить ихъ, потому что они двигались между двухъ непреодолимыхъ преградъ: налѣво отвѣсныя кручи къ долинѣ Черной рѣчки, а направо такія же грозныя скалы къ Киленъ-балкѣ.

При такой-то фатально созданной природой обстановкѣ и погибали наши войска. Къ тому же, имѣя эту территорію долгое время въ своемъ полномъ распоряженіи, союзники со свойственными имъ искусствомъ и энергіей усовершенствовали ея убійственныя качества, возведши на Киленбалкскомъ плато два укрѣпленія: одно противъ узкаго прохода у вершины Микрюковой балки, а другое сѣвернѣе отъ него для обстрѣливанія подъема войскъ, двигающихся вдоль Саперной дороги по скату Каменноломнаго оврага; первое они вооружили двумя морскими орудіями большого калибра и впереди этого укрѣпленія выкопали глубокую траншею, для усиленія этой позиціи еще и ружейнымъ огнемъ.

Изъ этого очерка слѣдуетъ заключить, что войска наши, собранныя на Киленбалкскомъ плато, имѣли своею задачею болѣе, чѣмъ выиграть одно полевое сраженіе; они должны были еще взять

---

[1]) Дубровинъ. Исторія крымской войны, II т., стр. 246.

штурмомъ укрѣпленную позицію, пройдя предварительно значительное открытое пространство чрезъ узкую горжу въ тѣсно сомкнутомъ строю.

Обставивъ себя такимъ основательнымъ образомъ, англичане, которымъ ввѣрена была оборона Килен-балкскаго плато, были настолько увѣрены въ своей побѣдѣ, что предложили французамъ не вмѣшиваться въ оборону этого плато, предоставивъ себѣ однимъ честь отбить штурмъ этихъ мѣстъ нашими войсками, но вскорѣ должны были раскаяться въ этихъ хвастливыхъ, самоувѣренныхъ начинаніяхъ. Правда, имъ удалось отбить послѣдовательные штурмы колоннъ Соймонова и Павлова, но сами они настолько обезсилили и разстроили свои части, что вынуждены были обратиться за помощью къ французамъ.

Опоздай французы съ этою помощью еще на какіе нибудь полчаса времени, погибло бы на этихъ высотахъ все англійское воинство, такъ какъ созрѣла пора для столкновенія оставшихся еще нетронутыми грозныхъ резервовъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, взошедшихъ на Херсонесское плато.

Къ описанію этого столкновенія я теперь и приступлю какъ къ исходному эпизоду, составляющему по силѣ своего вліянія на послѣдующую часть кампаніи тотъ гвоздь, около котораго вертѣлись всѣ дальнѣйшія событія. Но для полнаго уразумѣнія этого трагическаго эпизода прошу разрѣшенія сдѣлать краткій набросокъ значенія штыка, пули, гладкоствольнаго ружья, самихъ боевыхъ линій, а также значенія тяжкихъ потерь, понесенныхъ нами 23-го октября 1853 года на берегахъ Дуная при штурмѣ Ольтеницы на Арджисѣ.

ГЛАВА VII.

Продолженіе изслѣдованія причинъ нашихъ потерь въ Инкерманскомъ сраженіи.—Разборъ Ольтеницкаго сраженія, какъ прообраза Инкерманскаго боя, начертанный Императоромъ Николаемъ I, и указанія какъ слѣдовало пользоваться въ бою боевыми порядками. — Исполнилась ли воля Государя.—Почему войска должны были дѣйствовать въ отрицательномъ смыслѣ.—Штыкъ и пуля въ минувшее и нынѣшнее время.

Скорбя о потеряхъ, понесенныхъ при штурмѣ Ольтеницы славными полками 11-ой пѣхотной дивизіи—Селенгинскимъ и Камчатскимъ, бывшими подъ начальствомъ генерала Даненберга, сердобольный Отецъ русскаго солдата Императоръ Николай I вос-

принялъ прискорбный трудъ лично разобрать дѣйствія нашихъ войскъ подъ Ольтеницей, чтобы открыть причины тѣхъ тяжкихъ потерь, которыя понесли вышеупомянутые полки. Его Императорское Величество соизволилъ послѣ разбора начертать нижеслѣдующій Высочайшій рескриптъ на имя командующаго войсками Дунайской арміи князя Горчакова, для принятія его къ свѣдѣнію и руководству на будущее время, какъ директивъ для будущихъ нашихъ дѣйствій, точно и опредѣленно выясняющій смыслъ нашихъ боевыхъ порядковъ и ихъ примѣненіе.

Рескриптъ гласилъ: 1) двухъ батарей было мало, чтобы уничтожить артилерію, стоявшую на укрѣпленіяхъ, тѣмъ болѣе, что на правомъ берегу Дуная устроены были турками еще другія батареи. 2) Атака пѣхотою была ведена вопреки всѣхъ правилъ— колоннами къ атакѣ, почти въ сплошномъ построеніи, ибо уступы были почти безъ интерваловъ. 3) Слѣдовало придать въ помощь артилеріи цѣпь всѣхъ штуцерныхъ бригады, которые должны были сосредоточивать свой огонь по амбразурамъ турецкихъ укрѣпленій. 4) Переднюю линію вести въ шахматномъ порядкѣ, или въ двѣ линіи со стрѣлками въ интервалахъ. 5) Третью линію и резервъ держать по крайней мѣрѣ въ 300 шагахъ позади въ колоннахъ къ атакѣ и не заслонять дѣйствія своихъ батарей. Тогда потеря была бы умѣреннѣе и, вѣроятно, успѣхъ соотвѣтствовалъ бы пожертвованіямъ [1]).

Нельзя не признать, что Ольтеницкій бой былъ прообразомъ Инкерманскаго сраженія въ томъ отношеніи, что въ немъ участвовали тѣ же войска, что и въ послѣднемъ. Командовали ими одни и тѣ же начальники, начиная съ Даненберга. Самые подступы были также затруднены опасными препятствіями, хотя иного характера, а исходъ сраженія въ обоихъ случаяхъ былъ тожественный по безцѣльности усилій для овладѣнія такими укрѣпленіями, которыя нельзя было удержать въ своихъ рукахъ, потому что они обстрѣливались чрезъ открытый тылъ съ противустоящихъ непріятельскихъ батарей и, наконецъ, потому что въ обоихъ сраженіяхъ рекогносцировка была неудовлетворительна. Казалось бы, что войска 4-го корпуса, для котораго Государемъ былъ начертанъ этотъ директивъ, могли въ теченіе года вполнѣ усвоить его и, вступая въ новый бой, приложить его къ дѣлу.

Противъ всякаго ожиданія именно эти самыя войска передъ

---

[1]) Богдановичъ. Восточная война 1853—56 гг., I т., стр. 139.

штурмомъ укрѣпленій подъ градомъ ружейныхъ и орудійныхъ выстрѣловъ двигаются въ тѣхъ самыхъ сомкнутыхъ колоннахъ, которыя имъ возбранено употреблять въ указанныхъ инструкціей случаяхъ.

Чѣмъ объяснить это отступленіе?

Вопросъ объясняется очень просто: конфигураціей горныхъ возвышенностей, которыя случайно выпали на ихъ долю для веденія рѣшительнаго боя: войска хотя для атаки на широкихъ полянахъ и выстраивались въ ротныя колонны, но подходя къ проходу между вершинами двухъ балокъ, который представлялъ изъ себя узкій перешеекъ всего въ 69 сажень шириною, отстоящій къ тому же на разстояніи наивѣрнѣйшаго выстрѣла отъ возведенныхъ наскоро укрѣпленій противника, принуждены были смыкаться въ такую тѣсную толпу, въ которой массовыя потери дѣлались неизбѣжными. Въ этой узкой тѣснинѣ ихъ обстрѣливали въ лобъ изъ орудій, снаряды которыхъ пронизывали насквозь всю сгустившуюся массу, а стрѣлки непріятельскіе, стоя внѣ нашихъ выстрѣловъ, выбивали на выборъ съ открытыхъ фланговъ этой массы преимущественно офицеровъ, и только по переходѣ чрезъ эту тѣснину являлась возможность продолжать маневръ-обходъ съ фланга, требующій расширенія боевой линіи.

Этой же невыгодной для насъ конфигураціи мѣстности мы обязаны тѣмъ упрекамъ, которые раздавались въ печати противъ неправильнаго дѣйствія артилеріи—будто бы она стояла на мѣстѣ, не помогая своимъ огнемъ натиску нашей пѣхоты противъ непріятеля, артилерія котораго, наоборотъ, шла совокупно съ пѣхотой и перемѣняла свои позиціи при первой же возможности, отчего снаряды наши, преимущественно легкихъ батарей, иногда не долетали до непріятеля [1]). Замѣчаніе это справедливо, но оно касается тѣхъ батарей, которымъ пришлось занять общую боевую позицію сзади балокъ съ утесами, какъ напр. той сборной изъ 3-хъ пѣшихъ и одной казачьей, которая была подъ начальствомъ Мартинау. Коварная балка, погубившая столько нашихъ бравыхъ солдатъ, слабо выдѣлялась передъ фронтомъ этихъ батарей въ видѣ узкой синеватой черты, проведенной какъ бы помазкомъ свѣжими масляными красками по ровному фону картины. Указывая на нее, генералъ Мартинау сказалъ мнѣ, отправляя къ генералу Даненбергу, что «на ней дѣла не будетъ». И дѣйствительно не было, потому что она

---

[1]) Тотлебенъ. Описаніе обороны Севастополя. Т. I, стр. 461.

скрывала вдоль своихъ краевъ тѣ отвѣсные каменные утесы, которые окаймляли балку при ея верховьяхъ. При наличности этой балки, передвиженіе батарей дѣлалось прямо таки невозможнымъ: приходилось длинную боевую линію орудій подавать въ полномъ ихъ батарейномъ составѣ во время самаго боя, подъ непріятельскими выстрѣлами фланговымъ маршемъ въ стороны, отчего во 1-хъ они сами, находясь при движеніи въ беззащитномъ положеніи, подвергались совершенному истребленію и во 2-хъ закрывали огонь остальныхъ батарей и приходились еще сзади пѣхотной цѣпи, которая сама должна была дѣйствовать огнемъ. Можетъ быть эти именно балки были причиною убыли большого числа людей «*безъ вѣсти пропавшихъ*»—1773 человѣка, какъ занесено было въ регистры общей убыли послѣ боя. Попадаются въ воспоминаніяхъ участниковъ свѣдѣнія, что солдаты, припертые непріятелемъ къ балкамъ, во избѣжаніе плѣна бросались съ утесовъ.

Какъ не были важны всѣ вышеизложенныя причины, поведшія къ потерѣ нами сраженія на Инкерманѣ, но ими однѣми невзгоды наши еще не исчерпывались: помимо физическихъ препятствій, созданныхъ природою, и недоразумѣній, созданныхъ поспѣшностью, не мало произошло и отъ административныхъ военныхъ мѣропріятій. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ ружье и огнестрѣльный бой вообще, и самая выучка войскъ.

Къ числу прирожденныхъ свойствъ человѣка принадлежитъ его способность увлекаться красотою физическихъ качествъ въ какихъ бы видахъ они ему не представлялись—одушевленныхъ и неодушевленныхъ, а особенно формъ человѣческихъ. Въ послѣднемъ отношеніи особенно обаятельно дѣйствуютъ на глазъ массы войскъ однообразно, красиво одѣтыхъ и обученныхъ. Обаяніе это такъ сильно, что даже забываются расчеты государственные, и самое благо народовъ, и нужды самихъ войскъ. Немало страдали отъ этихъ увлеченій и наши отечественные интересы въ денежномъ и боевомъ отношеніяхъ въ долгій періодъ времени. Во весь этотъ періодъ, во взглядахъ на военное искусство замѣчается раздвоеніе. Съ легкой руки Петра III, принявшаго за идеалъ побѣдоносную армію Фридриха Великаго, къ сожалѣнію только во внѣшнихъ формахъ, парады и разводы предпочитались боевымъ маневрамъ и походамъ, ружейные пріемы—стрѣльбѣ изъ ружей, выправка и массовая картинная маршировка—индивидуальному развитію; дешевой, свободной народной одеждѣ—солдатскій мундиръ, въ которомъ здо-

ровое гибкое тѣло человѣка сжималось какъ въ ортопедическихъ тискахъ. Одинъ только Суворовъ за весь тотъ злосчастный періодъ всю свою жизнь боролся съ этимъ ложнымъ направленіемъ военнаго образованія въ нашихъ войскахъ, нерѣдко прибѣгая даже къ проявленіямъ строптивости и сарказма, чтобы только пріостановить вредное его дѣйствіе, за что и пострадалъ подъ конецъ жизни.

Одна только Кавказская армія и Черноморскій флотъ избѣгли этого направленія. Не придерживаясь строго формы, они съумѣли отдать Престолу и родинѣ лучшія свои силы и добились, наконецъ, главной цѣли своего служенія—покоренія Кавказа и славной защиты Севастополя, изумившихъ весь міръ и въ конецъ ослабившихъ противниковъ. Главными дѣятелями на этомъ благородномъ поприщѣ явились Великіе Князья Константинъ Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, князья Меншиковъ и Барятинскій, графъ Воронцовъ, Гейденъ, Лазаревъ. Они поддерживали священные огни, вложенные Творцомъ въ душу каждаго индивидуума и развили въ войскахъ твердую вѣру въ свои силы, самопожертвованіе, выносливость, разумную непоколебимую дисциплину и безграничную преданность Престолу и отечеству, словомъ тѣ качества, которыми отличаются истинные воины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и способность къ совершенію великихъ подвиговъ. Подъ ихъ вліяніемъ исчезли въ командуемыхъ ими войскахъ шаблонная выправка, пристрастіе къ ремешкамъ и тренчикамъ, преслѣдованіе игры въ носкахъ во время маршировки, а вмѣстѣ съ тѣмъ образовались и тѣ чудо-богатыри, среди которыхъ парилъ духъ Суворова. Отъ Суворова естественъ переходъ и къ его принципамъ боя, завѣщаннымъ имъ будто бы русской арміи на будущія времена, что «*пуля дура, а штыкъ молодецъ*». Несомнѣнно, что штыкъ въ бою надежнѣе пули. Каждый штыкъ положеннаго на руку ружья представляетъ изъ себя грозное оружіе: ружье, взятое на руку, въ своемъ ракурсѣ, особенно въ массахъ, дѣлалось незамѣтнымъ, блестѣли только слабо освѣщенные концы штыка и дула, такъ что непріятель въ суетѣ рукопашнаго боя не могъ во время замѣтить съ какой стороны грозитъ опасность и ловкимъ ударомъ въ тѣснотѣ отбить ударъ. Тогда уже штыкъ неожиданно вонзался въ тѣло противника и ранилъ его на смерть. Вотъ та причина, почему штыку давалось предпочтеніе передъ пулей. Но когда искусство придало пулѣ кромѣ дальности полета еще силу, мѣткость и быстроту заряжанія ружья, то отношенія между ними измѣнились: пока колонны съ ружьемъ на руку доходили до намѣченной цѣли, такая масса людей выбивалась

изъ ихъ строя, что терялась не только возможность, но и самая надежда одолѣть противника при явномъ начальномъ перевѣсѣ численности. Тогда уже всѣ шансы переходили на сторону противника: онъ могъ сплоченную массу окружить своею цѣпью стрѣлковъ, какъ змѣя кольцомъ, со всѣхъ сторонъ и выбивать изъ строя на выборъ преимущественно начальниковъ частей, которые въ нашихъ боевыхъ порядкахъ становились на обоихъ флангахъ колонны. Для того же, чтобы маневръ этотъ окончился благополучно и съ малыми потерями, ему стоило только своевременно быстро удалиться изъ подъ выстрѣловъ нашихъ гладкоствольныхъ ружей на небольшое относительно разстояніе, въ силу слѣдующихъ неопровержимыхъ расчетовъ; пуля нашего гладкоствольнаго ружья летѣла всего на 300—400 шаговъ, а непріятельскаго штуцера—на 1,200 шаговъ. Изъ этого слѣдуетъ, что на всю ширину зоны въ 800 шаговъ непріятель оставался въ совершенной безопасности и могъ поражать безнаказанно. Въ эту то зону и удалялся противникъ со всею быстротою бѣга, когда его настигали наши пули. Этотъ простой самъ по себѣ маневръ доведенъ былъ въ непріятельскихъ войскахъ до виртуозности. Не только убѣгала своевременно отъ нашихъ выстрѣловъ пѣхота, но и самая артилерія, бросая на позиціи не только орудія, но и ящики.

Изъ всего здѣсь изложеннаго относительно дѣйствій нашихъ войскъ въ крымскую кампанію слѣдуетъ вывести заключеніе, что изрѣченіе Суворова относительно превосходства штыка надъ пулей слѣдовало бы, если не откинуть, то видоизмѣнить, а именно сказать: «дѣйствительно штыкъ молодецъ, но и пуля не дура». Она можетъ недопустить нападающаго для сближенія для штыковой работы и на его пути истребить боевую часть или ослабить до изнеможенія силъ, какъ обезсилены были на половину своей численности баталіоны Владимірскаго полка, дважды ходившіе въ штыки противъ англичанъ въ Альминскомъ сраженіи.

Этотъ убійственный для насъ штуцеръ заведенъ былъ въ непріятельскихъ войскахъ вскорѣ послѣ Венгерской кампаніи и былъ намъ извѣстенъ настолько, что мы сами рѣшились ввести его въ нашу армію, но рѣшились робко, съ недовѣріемъ—дали на баталіонъ всего по 24 штуцера, 96 на полкъ, потому, вѣроятно, что терялось нами много времени на его заряжаніе: отъ недоброкачественности ли нашего пороха или иной причины дуло его такъ сильно заволакивалось копотью, что приходилось пулю загонять шомполомъ при пособіи камней, которыми съ такой силой колотили по

головкѣ шомпола, что онъ гнулся во всѣ стороны; послѣ даже короткой стрѣльбы оно требовало промывки водой, которая не всегда встрѣчалась на мѣстѣ боя. Ходили въ ту пору слухи, что существовала и другая причина для замедленія въ вооруженіи пѣхоты штуцерами—недостатокъ денегъ. Но едва ли это могло повліять на исправность вооруженія,—лучше было уменьшить самую численность арміи и на экономію, оттого получившуюся, закупить штуцера, чтобы изъять изъ употребленія ружья съ недолетающими пулями, такъ какъ дефектъ этотъ приводилъ къ тому же результату—ослаблялъ армію.

Суворовъ не былъ ученымъ теоретикомъ и не былъ вѣщуномъ, который домогался прозрѣть и открыть тайны будущаго для поученія потомства, а геніальнымъ реалистомъ въ сферѣ военной жизни, который имѣлъ дѣло съ силами природы, да и то въ предѣлахъ своего текущаго времени, чтобы, изучивъ ихъ, пользоваться на благо обожаемой имъ родины, слѣдовательно не могъ преподать хотя и боевыхъ принциповъ, но не современныхъ по состоянію вооруженія или военнаго искусства. Полетъ пуль въ то время былъ коротокъ и самая пуля мало смертельна, но если бы пришлось ему наткнуться на оружіе новѣйшаго времени—скорострѣльное и дальнобойное ружье, то несомнѣнно, что онъ безъ колебанія измѣнилъ бы строй и порядокъ боевыхъ дѣйствій, согласно указаніямъ перваго же боя, какъ переучивалъ ввѣряемыя ему войска не только предъ войною, но и во время самой войны; такъ напр., онъ обучалъ новымъ пріемамъ атаки крѣпостей прежде, чѣмъ приступить къ штурму Измаила и былъ въ этомъ случаѣ настолько рѣшителенъ и самобытенъ, что ссадилъ даже съ коней казаковъ, прирожденныхъ всадниковъ, вооружилъ ихъ укороченными пиками и повелъ ихъ на высокія и крутыя стѣны, и Измаилъ палъ.

Могутъ однако спросить—что же дѣлала военная наука, свободная въ своихъ стремленіяхъ и проявленіяхъ, а также сама военная академія, сонмъ ея ученыхъ професоровъ, свободныхъ отъ предразсудковъ времени и обязанныхъ слѣдить и будить вниманіе ко всѣмъ усовершенствованіямъ въ сферѣ военнаго поприща?

Въ академіи все шло по давно установленному порядку: профессора усердно разрабатывали свои нивы, обучающіеся въ ней офицеры со страстностью, приличною здоровой молодости и возбужденному честолюбію, пользовались плодами, возроставшими на этой нивѣ; тѣмъ не менѣе внѣ стѣнъ академіи не замѣчалось особаго

усердія въ покровительствѣ знаніямъ и поощренія въ ихъ развитіи; такъ напримѣръ, не поощрялись состязанія въ печати для укрѣпленія извѣстнаго цикла здравыхъ понятій, заграничныя поѣздки ученыхъ для изученія и перевода въ наши войска всѣхъ измѣненій въ устройствѣ и дѣйствіяхъ тамошнихъ военныхъ частей, состоянія оружія и владѣнія имъ и проч. и проч. Это же направленіе—назовемъ его равнодушіемъ къ высшимъ задачамъ военнаго министерства—всецѣло отозвалось и на академіи генеральнаго штаба. Президентъ ея—заслуженный вождь отечественной войны, чтимый инвалидъ, достигнувъ преклоннаго возраста, потерялъ вѣру въ военную науку; глумясь надъ нею, не заботился о поддержаніи и развитіи ея, не выравнивалъ пути для движенія и поставилъ ее въ такое положеніе, которое, какъ мы видѣли выше, вызвало справедливое осужденіе генералъ-адъютанта Жомини.

ГЛАВА VIII.

Продолженіе изслѣдованія причинъ нашихъ потерь въ Инкерманскомъ бою.— Отношенія главнокомандующаго къ генералу Даненбергу, какъ вождю.—Дислокація противниковъ.—Диспозиція войскамъ, дѣйствовавшихъ на Инкерманѣ.— Разборъ ея.

Теперь мнѣ остается бросить бѣглый взглядъ на тѣ отношенія, которыя существовали между главнокомандующимъ и его ближайшимъ помощникомъ по командованію войсками, командиромъ 4-го корп. ген. Даненбергомъ, которому по старшинству въ чинахъ приходилось исполнять диспозицію, составленную для боя на Инкерманскихъ высотахъ. Отношенія между главнокомандующимъ и генераломъ Даненбергомъ были далеко не нормальны. На долю князя Меншикова выпала тяжелая и отвѣтственная миссія—командовать тѣми войсками, которыя не находились въ его распоряженіи, а расположены были верстъ за 200 отъ самаго мѣста высадки непріятеля и притомъ такими войсками, которыхъ онъ никогда не видѣлъ и даже не зналъ ихъ начальниковъ. Въ командномъ отношеніи подобная неизвѣстность не могла не вредить всѣмъ планамъ и распоряженіямъ князя, особенно потому, что ему не былъ данъ правильно сформированный т. е. изъ лицъ ему извѣстныхъ по своей опытности и способностямъ полевой штабъ. Вмѣсто 6-ти генераловъ, положенныхъ по штату въ составѣ полевого штаба, онъ имѣлъ одного только полковника Вунша, съ которымъ позна-

комился случайно по рекомендаціи контръ-адмирала Серебрякова, пользовавшагося его большимъ довѣріемъ. Въ виду отвѣтственнаго положенія князя Меншикова можно было бы предполагать, что ему будетъ предоставлено право на выборъ наиболѣе способнаго лица на должность своего помощника. Армейское мнѣніе указывало на генерала Лидерса, который успѣлъ себя прославить, самостоятельно начальствуя войсками на отдѣльномъ театрѣ Венгерской войны. Но вмѣсто него пришлось принять въ ближайшіе помощники генерала Даненберга.

Несмотря на мягкій, снисходительный тонъ тѣхъ замѣчаній, которыя сдѣланы были Государемъ на неправильное употребленіе войскъ той бригады, которая ввѣрена была генералу Даненбергу для взятія у турокъ Ольтеницы,—значеніе сдѣланныхъ имъ ошибокъ въ бою было такъ рельефно и осязательно, что неудачей этой онъ сильно расшаталъ свою боевую репутацію. Нельзя было ихъ замаскировать предъ глазами всей арміи, почему генералъ Даненбергъ почти одновременно сдѣлался нежелательнымъ начальникомъ въ двухъ арміяхъ—Дунайской, князя Горчакова, и Крымской, князя Меншикова; вслѣдствіе этого оба главнокомандующіе искали предлога къ его удаленію, хотя, по всей вѣроятности, съ ихъ стороны офиціально не представлено было никакихъ ходатайствъ къ его смѣщенію: князь Горчаковъ, потому что былъ увѣренъ, что онъ выйдетъ изъ его арміи вмѣстѣ съ прекрасными войсками всего его корпуса, а князь Меншиковъ въ надеждѣ, что онъ будетъ удаленъ самимъ Государемъ; но ожиданія эти не сбылись; хотя и возникла послѣ отправленія въ Крымъ частей 4-го корпуса между главнокомандующими живая переписка объ его удаленіи, но князь Горчаковъ, спокойно и великодушно перенесшій выдѣленіе полковъ 4-го корпуса изъ его арміи, уклонился отъ исполненія желаній князя Меншикова относительно удаленія Даненберга, рѣшительно выразивъ въ своемъ письмѣ къ Меншикову отказъ слѣдующими словами: «Я не могу освободить васъ отъ Даненберга. Принимая выгоды отъ войскъ вамъ посылаемыхъ, примите и сопряженныя съ этимъ неудобства. Къ тому же онъ не сдѣлалъ ничего предосудительнаго, за что бы можно было отнять у него корпусъ, но полезно имѣть въ виду, что его способности не таковы, чтобы можно было поручить ему отдѣльное командованіе».

Дѣйствительно, вся вина генерала Даненберга заключалась въ томъ, что онъ не получилъ соотвѣтственной для вождя подготовки.

Въ молодомъ еще возрастѣ онъ воспитывался въ Лѣсномъ корпусѣ, который хотя и носилъ военную форму, но по духу даваемаго тамъ воспитанія походилъ на гражданское заведеніе: не давалъ того закала и настойчивости въ достиженіи однажды намѣченной цѣли, которая въ старину внѣдрялась уже однѣми традиціями въ кадетскихъ корпусахъ. Затѣмъ, хотя и продолжалъ свое воспитаніе въ школѣ колонновожатыхъ и участвовалъ въ тяжелой кампаніи 12, 13 и 14 гг., но не успѣлъ пріобрѣсти тѣхъ знаній, которыя необходимы для самостоятельнаго командованія крупными частями и для занятія отвѣтственныхъ постовъ въ военное время. Словомъ, ему недоставало практики. Этимъ объясняется его слабое знаніе строевыхъ уставовъ и самой тактики въ приложеніи ея къ дѣлу, а также и отсутствіе силы воли, столь необходимой не только для вожденія полковъ въ бою, но даже въ обхожденіи съ начальствомъ, для проведенія своихъ воззрѣній въ рѣшительныя минуты, какъ поступалъ въ такихъ случаяхъ генералъ Липранди. (Бой подъ Балаклавой).

При первомъ же представленіи личнаго адъютанта генерала Даненберга Георгія Чаплинскаго князю Меншикову, послѣдній и миной, и отчасти словами не преминулъ выразить свое нежеланіе имѣть его въ числѣ своихъ подчиненныхъ во время войны, что, конечно, было передано генералу, но къ счастію, какъ дальше увидимъ, не лишило его той вѣры въ себя, которою долженъ обладать полководецъ на полѣ сраженія. Такое отношеніе отразилось и въ стремленіи князя ограничить его участіе въ послѣднемъ бою и въ нежеланіи входить съ нимъ въ близкія личныя служебныя сношенія для точнаго и всесторонняго выясненія вопроса: куда идти и что дѣлать?

Въ разрѣшеніи этого послѣдняго вопроса генералъ Даненбергъ былъ бы несомнѣнно очень полезенъ уже по одному тому, что незадолго до этой войны, какъ я сказалъ выше, онъ, занимая постъ начальника штаба пѣхотнаго корпуса, въ Крыму расположеннаго, жилъ въ Севастополѣ, а слѣдовательно, поневолѣ долженъ былъ изучить окрестности города, къ которымъ принадлежала и злополучная Киленъ-балка. Еще наканунѣ боя онъ совершилъ рекогносцировку всходовъ на Сапунъ-гору.

А между тѣмъ недовѣріе къ способностямъ Даненберга, какъ вождя, настолько обострилось, что князь, создавая планъ сраженія, принялъ для умаленія его власти рѣзкія мѣры въ самой дис-

ОКРЕСТНОСТИ
СЕВАСТОПОЛЯ
въ октябрѣ
1854 г.
саж 500 0 1 2 версты.
ЧЕРНОЕ МОРЕ.
СЕВАСТОПОЛЬ.
Сѣверн. укр.
Бат. N1.
Бат. Константиновск.
Бат. Михайловск.
Бат. N4.
Бат. N18, Апостольск.
Бат. Парижск.
Сѣверный или Севастопольскій рейдъ
Б. Алекс.
Б. N10.
Б. N8.
Б. Никол.
Б. Павловск.
Бат. Севаст.
Южная б.
N1
N2
N3
N4
N5
N6
N7
Корнил.
Ред. Шварца
Селенг. ред.
Волынск. ред.
Инк. мостъ
Инкерманскія высоты.
Водопроводъ
бродъ
Р. Черная
Трактиръ
Чоргунъ.
Рѣчка Черная
Сапунъ-гора
Семякины высоты
Федюхины высоты
Въ Балаклаву
Кадыкіой.
Въ мон. Св. Георгія
Сарандинакина балка
Мирюк

позиціи, лишивъ его права командованія войсками, ему ввѣряемыми при началѣ сраженія [1]).

Прежде чѣмъ перейти къ диспозиціи для Инкерманскаго боя и ея критическому разбору, считаю необходимымъ сдѣлать краткій очеркъ дислокаціи противниковъ на Херсонесскомъ плато и передвиженія нашихъ войскъ наканунѣ этого сраженія.

Взобравшись на поверхность Херсонесскаго плато, противникъ въ продолженіи двухъ дней приспособлялъ размѣщеніе своихъ силъ для удаленія наибольшей опасности. Два дня рекогносцировалъ онъ мѣстность, подходилъ къ укрѣпленіямъ въ значительныхъ отрядахъ, вызывая на себя нашъ огонь, два раза мѣнялъ мѣста бивака, чтобы совершенно обезопасить себя отъ артиллерійскихъ выстрѣловъ, и, наконецъ, расположился въ самыхъ благопріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ для себя условіяхъ. Дѣйствительно, трудно было найти болѣе выгодную позицію для веденія осадныхъ работъ противъ Севастополя, чѣмъ ту, которую онъ занялъ. Она была во всѣхъ отношеніяхъ идеальной, почему и не требовала особыхъ заботъ для ея усовершенствованія. Оставалось только усилить, да и то въ рѣдкихъ мѣстахъ, и безъ того неприступную Сапунъ-гору и затѣмъ, будучи вполнѣ обезпеченнымъ отъ нашихъ внезапныхъ и осадныхъ работъ, всецѣло предаться штурму или осадѣ крѣпости, не отвлекаясь заботами о прикрытіи своего тыла. Несомнѣнно, что непріятель былъ отлично извѣщенъ относительно всѣхъ боевыхъ вопросовъ и въ томъ числѣ выгодности положенія на Херсонесскомъ плато. Въ то время берега Дуная кишѣли демагогами, прибывавшими туда не только изъ сосѣднихъ государствъ, но и изъ самой Россіи. Пріютъ находили они вполнѣ обезпеченный у нашихъ же бѣглецовъ-раскольниковъ и крѣпостныхъ, которые издавна расселились въ этихъ мѣстахъ вдоль Дуная и въ самомъ Константинополѣ, и пользовались покровительствомъ турокъ. Сюда стекались деньги изъ Франціи, Англіи, Венгріи и Турціи для подкупа не только эмисаровъ противной стороны, но и самыхъ жителей Крымскаго полуострова изъ числа татаръ, жившихъ вокругъ Севастополя и въ прибрежныхъ деревеняхъ. Связь послѣднихъ съ городомъ была свободная, почему главнокомандующій принималъ строгія мѣры къ сокрытію своихъ секретныхъ думъ и дѣлъ и, между прочимъ, выбиралъ свои квартиры

[1]) См. п. 3 диспозиціи для Инкерманскаго боя.

вдали отъ города, чтобы жить въ уединеніи, что было отнесено врагами его къ сумрачному, подозрительному характеру.

Этими удобствами въ непрерывныхъ сношеніяхъ союзниковъ со свѣдущими людьми—нашими туземными врагами, объясняются отчасти и удачи въ первоначальныхъ ихъ дѣйствіяхъ, какъ, напримѣръ, высадка арміи въ окрестностяхъ Евпаторіи, боевой походъ къ сторонѣ Балаклавы и занятіе идеальной осадной позиціи на Херсонесскомъ плато, т. е. противъ ничѣмъ незащищенной южной части Севастополя, прозванной, не знаю въ силу какихъ соображеній, грозной крѣпостью, когда на протяженіи 7 верстъ, отведенныхъ подъ крѣпостные верки, торчалъ на виду у всѣхъ одинъ только зубъ, правда, хотя и молодой, но крѣпкій, какъ оказалось впослѣдствіи, № 6 бастіонъ, возведенный полковникомъ Ползиковымъ, командиромъ 6-го сапернаго баталіона, и Малахова башня на Корабельной слободкѣ. Но здѣсь потерпѣли они нежданно и негаданно полное разочарованіе.

Въ то время, когда они на походѣ изъ подъ Альмы, смакуя близкое увѣнчаніе своихъ смѣлыхъ предпріятій взятіемъ города и плѣненіемъ всей нашей арміи, разбитой подъ Альмой и припертой къ берегамъ моря, безъ всякой надежды на выручку—не торопясь подготовлялись къ штурму, Меншиковъ, какъ искусный и опытный фехтмейстеръ съ поразительной быстротой неожиданно не только для нихъ, но и для насъ проявилъ нѣсколько фортелей своего искусства. Онъ переформировалъ разбитую подъ Альмой нашу армію и съ нею передъ головами походныхъ непріятельскихъ колоннъ, на высотахъ, чуть не въ виду всего города обошелъ, не задѣвъ даже хвостомъ своей походной колонны, всѣ непріятельскія войска. Очутившись въ тылу непріятеля, онъ возстановилъ связь своей арміи съ родиной, затѣмъ сильно укрѣпилъ самый городъ въ кратчайшій срокъ времени, такъ что вмѣсто лавровъ непріятелю пришлось наткнуться на крѣпостную ограду, грозно вооруженную многочисленными морскими орудіями большого калибра, и на сплошную линію отважныхъ борцовъ, полныхъ силъ и энергіи, которые сами съ нетерпѣніемъ ждали только случая столкнуться съ врагомъ въ кровавомъ бою—грудь съ грудью. Въ то же время онъ заперъ входъ въ сѣверный рейдъ непріятельской флотиліи, погрузивъ на дно залива семь пришедшихъ въ ветхость нашихъ кораблей.

Каждое изъ этихъ дѣяній, совершенныхъ притомъ въ кратчайшій срокъ, по послѣдствіямъ, само собою равнялось для насъ выигранной большой баталіи.

Непріятель поднялся на Херсонесское плато въ количествѣ 73 тысячъ и расположился на немъ лагеремъ внѣ артилерійскихъ выстрѣловъ, вокругъ крѣпостной ограды, начиная отъ Стрѣлецкой бухты и оканчивая сѣвернымъ скатомъ Сапунъ-горы, въ слѣдующемъ порядкѣ.

Камышевая бухта досталась на долю французовъ и отъ нея потянулись въ двѣ линіи по дивизіямъ и по бригадамъ ихъ войска, ставшія противъ крѣпости въ первой линіи и войска турокъ, расположившихся сзади, напротивъ Балаклавы. Въ первой линіи расположились войска осаднаго корпуса, а во второй—обсерваціоннаго.

Линіи лагернаго ихъ расположенія тянулись вплоть до Сарандинакиной балки, въ которую они уперлись своимъ правымъ флангомъ, а непосредственно къ нему, за этой балкой примкнулъ лѣвый флангъ англичанъ, лагери которыхъ шли на сѣверо-востокъ до самыхъ спусковъ Сапунъ-горы и далѣе по низамъ до водъ Черной рѣчки. Лагерную ихъ линію раздѣляла крутая, охваченная каменными, непроходимыми грядами, Киленъ-балка; кромѣ того имъ же поручена была и оборона всего Киленбалкскаго плато; ими же занята была и Балаклава съ рейдомъ для ихъ флота.

Армія союзниковъ, какъ сказано, дѣлилась на два корпуса: осадный и обсерваціонный. Въ составъ перваго вошли:

3 дивизіи французовъ, въ числѣ . . .	37,034 чел.	—61 бат.
5 » англичанъ » » . . .	18,459 чел.	—26 бат.
Всего.	55,493 чел.	—87 бат.

Въ составъ обсерваціоннаго корпуса вошли остальныя 13 тысячъ французовъ, которыя вытянулись вдоль восточнаго края Сапунъ-горы, и вся турецкая дивизія.

Какъ французы, такъ и англичане выслали по бригадѣ для обороны Балаклавы съ рейдомъ. Изъ этого описанія порядка въ расположеніи ихъ лагерей усматривается вся логика ихъ военныхъ комбинацій: они образовали изъ себя такую геометрическую фигуру, при которой въ наикратчайшій срокъ могли оказать наибольшую взаимную поддержку.

По чьему распоряженію, днемъ, кажется, 20-го октября, выдвинута была на Федюхины горы 2-я бригада 10-й дивизіи въ видѣ авангарда, а не иная часть, принадлежавшая къ войскамъ князя Горчакова тамъ же стоявшимъ, и какая дана была ей задача, теперь, по истеченіи пятидесяти лѣтъ, доискаться трудно. Конечно, и самъ непріятель игнорировалъ ея значеніе, а между тѣмъ исчез-

повеніе ея съ позицій въ одну изъ ближайшихъ ночей, при скопленіи большихъ массъ въ окрестностяхъ Севастополя, на сѣверной его сторонѣ и свѣдѣнія, доставленныя лазутчиками о прибытіи цѣлаго 4-го корпуса, должны были привлечь на себя его вниманіе. Несомнѣнно они должны были открыть карты чуткому противнику и предупредить его о готовящемся серьезномъ боѣ.

По этимъ же даннымъ онъ могъ, при вѣрной оцѣнкѣ занимаемой имъ и хорошо извѣстной ему територіи окрестностей Севастополя, съ точностью опредѣлить и самое мѣсто боя — Киленбалкское плато, какъ единственное пригодное для боя, что онъ и сдѣлалъ. Дѣйствительно, восточный скатъ Херсонесскаго массива настолько крутъ и къ тому дню такъ хорошо былъ укрѣпленъ, что представлялъ недоступныя твердыни. Сѣверный рейдъ представлялъ другого рода преграду—воду; городская южная сторона обведена была въ нѣсколько линій осадными окопами; поэтому оставалась свободною для движенія и дѣйствій одна только сѣверо-восточная площадь Сапунъ-горы, владѣя которою, онъ безотлагательно приступилъ къ усовершенствованію ея въ боевомъ отношеніи. Работы по укрѣпленію мѣстности онъ началъ съ утра, послѣ ухода съ Федюхиныхъ горъ 2-й бригады, а на 23-е октября, несмотря на крѣпость каменистой почвы, онѣ настолько обозначались, что прибывшій къ начальнику дивизіи Соймонову генералъ Баумгартенъ сообщилъ ему, что съ вышки маяка видно, какъ строятся два укрѣпленія, которыя несомнѣнно будутъ обстрѣливать подступы къ нимъ по хребту Киленбалкскаго плато. Самое мѣстоположеніе ихъ можно бы было нанести на топографическую карту, если бы мы имѣли ее.

Дѣйствительно, на другой день укрѣпленія эти сдѣлались операціонными объектами нашихъ дѣйствій, и на нихъ разбились всѣ наши усилія.

Несомнѣнно, что свѣдѣнія относительно постройки укрѣпленій донесены были главнокомандующему Меншикову. Опасаясь, что въ теченіе небольшаго промежутка времени непріятель можетъ довести эти укрѣпленія до грозной силы, со свойственной ему предпріимчивостью онъ рѣшился ускорить Инкерманскій бой, отчего не только отказалъ Даненбергу отсрочить бой на нѣсколько дней для приведенія въ порядокъ войскъ послѣднихъ эшелоновъ его корпуса, но несмотря на поздній часъ дня (5 час. пополудни), разослалъ составленную имъ диспозицію по всѣмъ войскамъ, долженствовавшимъ принять участіе въ этомъ бою. Изъ чего можно усмо-

трѣть, что на эту мѣру онъ рѣшился по глубокому обсужденію непріятельскихъ дѣйствій, а отнюдь не по легкомыслію, какъ упрекала его въ этомъ партія противниковъ.

Изданная имъ диспозиція гласила:

«Завтра, 24-го октября, назначается наступленіе на англійскую позицію съ тѣмъ, чтобы, овладѣвъ высотами оной, утвердиться на нихъ. Для чего:

1) Дѣйствующему отряду въ Севастополѣ (тремъ полкамъ 10-й пѣхотной дивизіи, тремъ полкамъ 16-й пѣхотной дивизіи и Бутырскому полку съ 22-мя батарейными и 16-ю легкими орудіями) подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Соймонова начать наступленіе отъ Киленъ-балки въ 6 часовъ утра, предварительно сему сдѣлавъ уже выдвиженіе изъ укрѣпленій.

2) Отряду съ Инкерманской горы подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Павлова (11-я пѣхотная дивизія съ ея артилеріей, Бородинскій и Тарутинскій егерскіе полки съ батарейною № 3 батареею 17-й артилерійской бригады), въ 6 часовъ утра возстановить Инкерманскій мостъ и быстро слѣдовать на соединеніе съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Соймонова.

При семъ отрядѣ находиться командиру 4-го пѣхотнаго корпуса, генералу-отъ-инфантеріи Даненбергу, которому, по соединеніи помянутыхъ двухъ отрядовъ, принять общее надъ ними начальство.

3) Войскамъ, находящимся подъ начальствомъ князя Горчакова, содѣйствовать общему наступленію, отвлекая собою силы непріятеля и стараясь овладѣть однимъ изъ всходовъ на Сапунъ-гору. Причемъ драгунъ имѣть въ полной готовности къ движенію на гору при первой возможности.

4) Гарнизону Севастополя, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Моллера, слѣдить за ходомъ наступленія, прикрывая своими батареями правый флангъ наступающихъ войскъ и, въ случаѣ замѣшательства на непріятельскихъ батареяхъ, захватить оныя.

5) Всѣ частныя распоряженія къ выполненію данныхъ назначеній предоставляю сдѣлать начальникамъ обозначенныхъ частей и доставить мнѣ въ теченіе ночи на 24-е число ихъ диспозиціи.

6) Главнокомандующій будетъ находиться первоначально у Инкерманскаго моста».

Анализируя эту диспозицію, нельзя не придти къ заключенію,

что она написана въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ, такъ сказать расплывчатыхъ, болѣе приличныхъ для пера дипломата, желающаго скрыть свои затаенныя мысли, чѣмъ для главнокомандующаго, обязаннаго двинуть на кровавое дѣло большія массы войскъ, съ точно опредѣленною цѣлью и съ рѣшеніемъ безповоротнымъ. Изъ содержанія этой диспозиціи прежде всего усматривается, что имъ не былъ точно указанъ операціонный объектъ, пути для слѣдованія въ бой, относительный порядокъ расположенія войскъ. Въ главномъ руководящемъ по содержанію своему распоряженіи, въ самомъ началѣ диспозиціи было сказано, что войска должны сдѣлать «наступленіе на англійскую позицію съ тѣмъ, чтобы, овладѣвъ высотами оной, утвердиться на нихъ». Естественно, что вслѣдъ за этимъ приходится отыскивать по плану, котораго, къ слову сказать, мы не имѣли, гдѣ именно лежитъ эта позиція и какое занимаетъ протяженіе. Изъ дислокаціи войскъ союзной арміи видно, что позиція англійскихъ войскъ начиналась у самой Сарандинакиной балки, пересѣкала Киленъ-балку и правымъ флангомъ упиралась въ кручи Сапунъ-горы, т. е. растягивалась на 6 верстъ по линіи фронта и въ то же время дѣлилась крутою неудобопроходимой Киленъ-балкой, на два разнохарактерныхъ участка военныхъ дѣйствій. Изъ нихъ одинъ велъ на отрѣзанную отъ прочихъ войскъ мѣстность, занятую дивизіей Леси-Эванса, при неоконченныхъ на ней крѣпостныхъ сооруженіяхъ, а другой— въ самый центръ главныхъ силъ не только англійскихъ, но и французскихъ, сближенныхъ между собою, помимо краткости разстоянія еще и удобною для движенія мѣстностью, перерѣзанной въ иныхъ мѣстахъ ретраншаментами, сильными укрѣпленіями, сзади которыхъ расположенъ былъ весь обсерваціонный корпусъ. Казалось бы, что командующій войсками обязанъ былъ дать точныя директивы, въ какомъ именно направленіи должны двигаться войска и на какихъ мѣстахъ вступить въ бой.

Изъ диспозиціи же этого не видно. Самой неопредѣленной фразой тамъ указано, что они должны начать наступленіе отъ Киленъ-балки въ 6 часовъ утра, предварительно сему сдѣлавъ уже выдвиженіе изъ укрѣпленій.

Главному лицу — распорядителю въ сраженіи, генералу Даненбергу, отвѣтственному за исходъ боя, дается твердое приказаніе принять начальствованіе надъ отрядами Соймонова и Павлова только по ихъ соединеніи; до этого же момента онъ былъ устраненъ отъ вмѣшательства въ распоряженія начальниковъ этихъ

отрядовъ. Забывалось, что при наличности 1 пункта, въ которомъ дается полная свобода начальникамъ колоннъ Павлова и Соймонова для наступленія по той или другой сторонѣ балки, они могли бы не сойтись въ продолженіи всего сраженія, потому что Киленъ-балка во многихъ своихъ частяхъ непроходима, что, конечно, парализовало бы за все это время предоставленное Даненбергу право по своему усмотрѣнію распоряжаться отрядами.

Несомнѣнно, что въ силу этого онъ и перемѣнилъ свою первую диспозицію на послѣднюю, словесно переданную полковникомъ Поповымъ, которую я помѣстилъ въ приложеніи [1]).

Нужно ли говорить, что свѣтлѣйшій князь, рѣшившись утвердить эту диспозицію, при своемъ тонкомъ умѣ и прозорливости, вѣроятно, отлично сознавалъ — въ какое положеніе ставилъ онъ всѣхъ трехъ главныхъ начальниковъ — Даненберга, Соймонова и Павлова, отдавая неточно формулированное приказаніе; предоставляя имъ право самостоятельнаго распоряженія на мѣстности, для нихъ совершенно незнакомой, противъ войскъ, неизвѣстно въ какомъ порядкѣ выставленныхъ, онъ ихъ ставилъ въ критическое положеніе.

Впрочемъ бываютъ случаи, когда командующій частью вправѣ устранить себя отъ подобной отвѣтственности.

Такъ, однажды въ послѣднюю кампанію, мнѣ было приказано съ отрядомъ пѣхотныхъ войскъ занять крѣпость Силистрію, согласно пунктамъ условія, включеннымъ въ предварительный мирный договоръ. Когда же я предъ лицомъ начальника—командующаго отдѣльнымъ корпусомъ генерала Циммермана, развернулъ этотъ литографированный договоръ, то оказалось, что одна треть его была совершенно не отпечатана, почему генералъ Циммерманъ, указывая на эти пробѣлы, прибавилъ: «конечно, вы уже догадываетесь, что для пріема крѣпости и всего имущества гарнизона вмѣстѣ съ орудіями, я не могу вамъ дать указаній, какъ привести этотъ договоръ въ исполненіе въ назначенный семидневный срокъ. Предоставляю вамъ самимъ обдумать, какъ поступить въ этомъ случаѣ, чтобы выполнены были въ точности всѣ пункты этого международнаго договора».

Полагаю, что такое же право осталось и за княземъ Меншиковымъ, за неимѣніемъ въ его распоряженіи плана мѣстности и свѣдѣній, которыя добываются рекогносцировками.

---

[1]) См. стр. 74.

Тѣмъ не менѣе, большая часть недоразумѣній, означенныхъ въ этой диспозиціи, сами собою выяснились послѣ того, какъ полковникъ генеральнаго штаба Поповъ, исправлявшій въ то время должность начальника штаба Севастопольскаго гарнизона, лично передалъ и ознакомилъ генерала Соймонова, какъ я писалъ во второй главѣ, съ предстоящими ему дѣйствіями на 24 октября.

Согласно переданнымъ имъ приказаніямъ князя Меншикова, полки десятой дивизіи благополучно дошли до Киленъ-балки и поднялись на плато по саперной дорогѣ, но здѣсь, кажется, благополучіе это для нихъ кончилось. Ничего нѣтъ опаснѣе и безнадежнѣе, какъ блуждать безъ дорогъ въ открытомъ полѣ въ непроглядную осеннюю ночь, особенно на такой замысловатой мѣстности, на которой пришлось сражаться этому несчастному отряду. Къ сожалѣнію, это именно съ нимъ и случилось. Всегда правдивое, безпристрастное, хотя и сухое сочиненіе генерала Тотлебена «Описаніе обороны гор. Севастополя» гласитъ, что боевая репутація генерала Соймонова была громкая, всѣмъ извѣстная и, нѣтъ сомнѣнія, что и въ данномъ случаѣ онъ дѣйствовалъ съ такою именно доблестью. Тѣмъ не менѣе, потери его отряда были ужасны [1]), почему я прилагаю всѣ усилія, чтобы открыть истинную причину разгрома ввѣренныхъ ему частей, и нахожу ее, главнымъ образомъ, въ этой ночной безпросвѣтной тьмѣ!

Не знаю, пришлось ли почтенному читателю когда либо блуждать по полю въ ночную темноту. Прежде всего при этомъ блужданіи извращается всякое понятіе о времени, и имъ нельзя руководиться для какихъ либо соображеній; затѣмъ теряется возможность хотя приблизительно опредѣлить, на какомъ разстояніи находишься отъ цѣли, и стоитъ только случайно отклониться вправо или влѣво отъ принятой линіи первоначальнаго движенія, можно зайти въ такую трущобу, изъ которой въ ночную пору и не выйдешь. Совершенно теряется соображеніе, съ какой стороны долженъ появиться непріятель, а если онъ находится на большомъ разстояніи, то послѣ долгихъ шатаній можно наткнуться вмѣсто непріятеля на свои собственныя войска и вступить съ ними въ отчаянную схватку, съ полною увѣренностью, что совершаешь доблестное дѣло — бьешь противника. Возможность подобнаго

---

[1]) Три головные полка дивизіи, лично введенные въ бой генераломъ Соймоновымъ были уже разгромлены предъ полученіемъ имъ смертельной раны, такимъ образомъ до полнаго разсвѣта. Изъ чего видно, что они двигались и дрались въ темнотѣ.

случая видна изъ описанія этого же боя въ запискахъ Дубровина— относительно урона, нанесеннаго войсками 11 дивизіи Тарутинскому и Бородинскому полкамъ, отступавшимъ въ темнотѣ на эту дивизію [1]).

И мнѣ въ послѣднюю турецкую кампанію пришлось видѣть подобный примѣръ недоразумѣнія въ отдѣльномъ корпусѣ Циммермана, послѣ сраженія при Меджиди, вблизи Троянова вала, въ іюнѣ 1877 г. Въ ночное время съ аванпостной цѣпи, которою ввѣренная мнѣ бригада прикрывала пѣхотные полки корпуса, сзади насъ раздались ружейные выстрѣлы и съ возвышенности, на которой стояли аванпосты, видна была необъяснимая картина этого страннаго дѣла. Баталіоны положительно разстрѣливали другъ друга съ близкихъ разстояній безъ всякаго видимаго повода.

Трудно было подъѣхать къ этому отряду, чтобы пріостановить затѣянную бойню и успокоить выясненіемъ недоразумѣній.

Случаи эти описываются не съ цѣлью обвиненія дѣйствій 10-й дивизіи, а наоборотъ, для илюстраціи того тяжелаго положенія, въ которое былъ поставленъ чтимый всею арміею генералъ Соймоновъ, благодаря черной ночи и густому туману, которые уничтожали всякую возможность не только къ оріентировкѣ на мѣстности, но и къ самой провѣркѣ — вступили ли всѣ полки дивизіи на боевую позицію и были ли они поставлены правильно по линіи наступленія предъ лицомъ непріятеля. Подобный случай самоистребленія могъ произойти и въ отрядѣ генерала Соймонова, который во главѣ наступавшихъ войскъ шелъ по мѣстности ему совершенно незнакомой. Допускаю даже, что онъ избѣгнулъ подобнаго случая, но за то могъ наткнуться на природные барьеры, которыми окружены были края балокъ, въ особенности въ тѣснинѣ при вершинѣ Микрюковой балки.

Эти случаи представляютъ собою поучительный примѣръ— какъ опасно водить войска въ такія темныя ночи, о которыхъ говорятъ: «ни зги не было видно».

Всѣ эти разсужденія относительно пагубнаго значенія ночной темноты въ боевыхъ схваткахъ, по мнѣнію моему, могутъ служить объясненіемъ и въ то же время оправданіемъ въ томъ обвиненіи, которое произносится свѣдующими людьми за непризваніе къ мѣсту боя для подкрѣпленія ослабленной 10-й дивизіи всего

---

[1]) Дубровинъ. «Исторія Крымской войны», т. II, стр. 210.

отряда генерала Жабокрицкаго, который къ тому времени собрался весь у моста Киленъ-Балки. Можно смѣло допустить, что полезность его содѣйствія Соймоновымъ никогда не забывалась, особенно въ грозную минуту разгрома полковъ любимой имъ дивизіи, но не рѣшался онъ на эту мѣру изъ опасенія, что приливъ новыхъ войскъ на полѣ сраженія въ темную ночь могъ еще болѣе запутать порядокъ боя на тѣсной мѣстности, какъ это случилось на походѣ тѣхъ частей, которыя я переводилъ на Киленбалкское плато.

У насъ есть примѣръ и обратнаго характера—побѣда генерала Гейсмара на берегахъ Дуная, при деревнѣ Боелешти, въ Румыніи, гдѣ онъ, въ 1828 г., напавъ съ четырьмя тысячами на 36-ти-тысячный отрядъ виддинскаго визиря, обратилъ его въ бѣгство и захватилъ богатую добычу. Но для точнаго вывода изъ этого сравненія нужно принять къ свѣдѣнію, что онъ имѣлъ дѣло съ противникомъ, стоявшимъ въ опредѣленномъ, неизмѣнномъ мѣстѣ — въ окопахъ и притомъ неизвѣстно, была ли та ночь свѣтлая или темная.

Приложеніе.

Диспозиція для Инкерманскаго боя.

Завтра, 24-го октября, отряду произвесть наступленіе въ 6 часовъ утра, съ цѣлью занять высоты англійской позиціи и утвердиться на нихъ.

Для чего:

1) Предварительное движеніе черезъ Киленъ-балку произвести въ слѣдующемъ порядкѣ: двѣ роты 6-го стрѣлковаго баталіона, 1-й и 2-й баталіоны Колыванскаго полка, батарейная № 2 батарея 10-й артилерійской бригады, 3-й и 4-й баталіоны того же полка, 4-й и 3-й баталіоны Томскаго егерскаго полка, батарейная № 1 батарея 16-й артилерійской бригады 2-й и 1-й баталіоны того же полка. Екатеринбургскій пѣхотный полкъ, имѣя младшіе баталіоны впереди. Углицкій егерскій полкъ, имѣя впереди старшіе баталіоны. Бутырскій пѣхотный полкъ, имѣя впереди младшіе баталіоны. Суздальскій пѣхотный полкъ, имѣя старшіе и Владимірскій пѣхотный полкъ, имѣя младшіе баталіоны впереди. За симъ легкія №№ 5 и 4 батареи 17-й артилерійской бригады, двѣ роты саперъ и сотня казаковъ полка № 67.

2) Войскамъ симъ по переходѣ за Киленъ-балку, выстроиться на походѣ: егерской бригадѣ 10-й пѣхотной дивизіи въ первый боевой порядокъ (не развертывая среднихъ баталіоновъ) и имѣя съ фронта и

праваго фланга обѣ роты стрѣлковаго № 6 баталіона разсыпанными; Екатеринбургскій же полкъ въ резервѣ. Остальнымъ полкамъ съ легкими батареями, выстроить резервный порядокъ за полками 10-й пѣхотной дивизіи и слѣдовать на подлежащей дистанціи. Егерской бригадѣ 10-й пѣхотной дивизіи имѣть штуцерныхъ впереди своихъ полковъ; въ прочихъ полкахъ штуцерные должны быть въ своихъ мѣстахъ.

3) Тремя полками 10-й пѣхотной дивизіи командовать генералъ-маіору Вильбоа, а сводною дивизіею генералъ-маіору Жабокрыцкому. Всею артилеріею командовать командиру 10-й артилерійской бригады, полковнику Загоскину. При 10-й пѣхотной дивизіи находиться генеральнаго штаба капитану Яковлеву и штабсъ-капитану Андріянову, а при сводной полковнику Залѣсскому.

4) Всѣмъ означеннымъ войскамъ завтра, къ 4-мъ часамъ утра, собраться у бастіона № 2 и построиться по указанію генеральнаго штаба штабсъ-капитана Яковлева. Для чего отъ всѣхъ частей къ назначенному времени выслать жалонеровъ.

5) Войскамъ при сборѣ и при началѣ движенія шуму не производить и не разводить огней, что возлагается на строжайшую отвѣтственность ближайшаго начальства.

6) Дальнѣйшія распоряженія будутъ мною отданы на мѣстѣ.

7) Всѣмъ медикамъ слѣдовать за своими частями и находиться имъ въ вѣдѣнія дивизіоннаго доктора 10-й пѣхотной дивизіи, колежскаго совѣтника Копытовскаго, по распоряженію котораго будетъ учрежденъ и перевязочный пунктъ.

8) Патроннымъ ящикамъ, по 4 на полкъ, а равно вторымъ и третьимъ ящикамъ зряднымъ слѣдовать за главнымъ резервомъ отряда.

9) Музыкантамъ быть при своихъ мѣстахъ, но безъ инструментовъ.

10) Перевязочный пунктъ для отряда, вслѣдствіе повелѣнія его свѣтлости г. Главнокомандующаго, назначается въ гор. Севастополѣ.

Отъ автора. Прилагаемая диспозиція есть та самая, которую я составлялъ въ присутствіи Соймонова и Попова вечеромъ 23-го октября 1854 года. Она есть послѣдняя, написанная за часъ до выхода полковъ въ бой и посланная, согласно диспозиціи Главнокомандующаго, къ нему для свѣдѣнія. Въ ней со стороны князя Меншикова не послѣдовало никакихъ измѣненій, почему она должна считаться имъ утвержденною. Это устраняетъ всѣ тѣ обвиненія, которымъ подвергался генералъ Соймоновъ за неисполненіе воли Главнокомандующаго.

Эта копія съ диспозиціи заимствована изъ «Описанія обороны гор. Севастополя» Тотлебена, ч. I, Приложеніе стр. 68, 69 и 70.

К. А.

ГЛАВА IX.

Краткій обзоръ и оцѣнка дѣйствій нашихъ войскъ въ Инкерманскомъ сраженіи.

Не такъ давно, въ какомъ-то періодическомъ изданіи я прочелъ мнѣніе, высказанное однимъ ученымъ, что Гомеръ, авторъ Иліады, есть имя собирательное, т. е. что его поэтическое произведеніе не писалось однимъ лицомъ, а сочинялось многими лицами.

Дѣйствительно, вдавшись въ поверхностную работу — составленіе настоящихъ набросковъ—мнѣ пришлось на дѣлѣ убѣдиться, что повѣствованія, касающіяся военныхъ дѣлъ, только и могутъ слагаться этимъ путемъ. Разберемъ, кто можетъ быть способнымъ къ сложенію такого рода повѣствованій. Прежде всего участники въ боевыхъ дѣлахъ — строевые офицеры; изъ нихъ наиболѣе достойны вѣры будутъ тѣ, которые сами дрались съ непріятелемъ, но кругозоръ этихъ лицъ крайне ограниченъ. Больше могутъ видѣть и слышать штабные офицеры, но и они, хотя не такъ крѣпко прикованы къ мѣсту, суть люди подневольные, т. е. двигаются только по тѣмъ направленіямъ, которыя имъ укажутъ. Одни только недавно допущенные въ арміяхъ корреспонденты пользуются возможностью выбирать широкіе горизонты — возвышенныя мѣста, откуда виднѣются наибольшія массы войскъ; таковыхъ въ описываемую мною эпоху въ арміи не находилось. Поэтому всѣ собранныя за ту тяжелую годину свѣдѣнія составлялись въ часы досуга изъ разсказовъ лицъ, стоявшихъ въ центрѣ тѣснаго кругозора. Изъ ихъ мелкихъ разсказовъ составлялись болѣе обобщенныя свѣдѣнія, которыя отъ частаго повторенія получали не только прочную, обдѣланную оболочку, но и самый стиль. Именно этимъ путемъ, а не инымъ, составились всѣ тѣ воспоминанія, которыя послужили матеріаломъ для написанія двухъ солидныхъ исторій обороны Севастополя: Тотлебена и Дубровина. Первое можетъ быть названо полуофиціальнымъ, а второе — частнымъ, лица, одареннаго авторскимъ талантомъ и патріотическимъ чутьемъ. Обоими съ такими подробностями разработаны всѣ детали этихъ событій, что сказать что либо новое, существенное не приходится.

Въ силу этого, я и не счелъ себя въ правѣ повторять въ настоящемъ разсказѣ исторію всего Инкерманскаго боя, а только по ихъ сочиненіямъ сдѣлалъ набросокъ механизма движеній и дѣйствій нашихъ войскъ въ Инкерманскомъ сраженіи въ тѣхъ предѣ-

лахъ, которые нужны для моей задачи. Она состоитъ въ томъ, чтобы обѣлить лицъ, невинно обвиненныхъ въ минуты раздраженія, и пополнить тѣ немногіе пробѣлы, которые встрѣчаются въ повѣствованіяхъ объ этихъ событіяхъ.

Изъ содержанія описанія обороны Севастополя обоихъ авторовъ приходишь къ тому общему заключенію, что атаки производились съ нашей стороны почти одинаково сильными отрядами, повторялись по однимъ и тѣмъ же путямъ, захватывались ими одни и тѣ же мѣстные предметы, а именно: тѣсный проходъ у вершины Киленъ-балки и самое укрѣпленіе. Отряды эти сталкивались съ непріятелемъ въ штыковой схваткѣ, гибли отъ искуснаго употребленія дальнобойнаго огнестрѣльнаго оружія и въ концѣ концовъ настолько истощали свои силы, что оставляли поле сраженія вслѣдствіе своей малочисленности и потери начальниковъ. Отряды эти были: 1) Соймонова—3 полка 10-й дивизіи, 2) 3 полка 17-й дивизіи изъ отряда Павлова, 3) 2 полка 16-й дивизіи изъ отряда Жабокритскаго и наконецъ 4) завершили атаку полки изъ 11-й дивизіи и отряда Павлова. Всѣ эти отряды дѣйствовали отдѣльно, за невозможностью по тѣснотѣ мѣста производить общее наступленіе и всѣ они дрались при одинаковыхъ условіяхъ относительно мѣстности, но разныхъ относительно освѣщенія, въ томъ отношеніи, что Соймоновъ, начинавшій бой, былъ поставленъ въ положеніе худшее.

Постепенность передвиженія этихъ 4-хъ отрядовъ съ исходомъ боя чрезвычайно важна для оцѣнки, такъ сказать, качества самого боя т. е. напряженія силъ и выказаннаго искусства въ этомъ бою нашими войсками. Какъ и нужно было ожидать Тотлебенъ въ своемъ почтенномъ трудѣ переходитъ къ оцѣнкѣ этихъ качествъ для указанія доблести въ бою нашихъ войскъ. Изъ ряда цифръ столкнувшихся отрядовъ онъ сдѣлалъ выводъ, что силы воюющихъ сторонъ были почти равны, но побѣду, одержанную союзниками, онъ приписываетъ главнымъ образомъ благопріятнымъ мѣстнымъ условіямъ и превосходству вооруженія. Дѣйствительно, на территоріи, выбранной для боя, по узкости ея намъ нельзя было вводить одновременно больше трехъ полковъ, тогда какъ на долю противника выпала несравненно большая по объему площадь, по ту сторону вершины Микрюковой балки [1]), на которой онъ могъ развернуть не три полка, а больше двухъ своихъ дивизій.

---

[1]) См. планъ выше.

Оба писателя, какъ Тотлебенъ, такъ и Дубровинъ, хотя придерживаются разныхъ способовъ выраженія почерпаемыхъ изъ воспоминаній впечатлѣній, а именно у перваго — краткое и холодное изложеніе фактовъ, а у второго — описаніе упорной борьбы, освѣщенное еще и сердечной теплотою; тѣмъ не менѣе изъ чтенія обоихъ авторовъ выносится одинаковое чувство гордости и удивленія тѣмъ геройскимъ подвигамъ, которые совершали участники этихъ боевъ, начиная отъ перваго генерала Даненберга и оканчивая послѣднимъ рядовымъ. А чтобы имѣть понятіе объ этихъ подвигахъ позволю себѣ привести описаніе окончательнаго акта Инкерманскаго сраженія Тотлебена и разсказъ о томъ же народнаго нашего героя Михаила Григорьевича Черняева, чтобы судить какъ высокъ былъ подъемъ нашихъ духовныхъ силъ въ этой схваткѣ. Тотлебенъ пишетъ:

«Лишь только пѣхотныя войска колонны генерала Павлова поднялись на плато, какъ тотчасъ же были двинуты въ атаку на правый флангъ англійской арміи. Впереди шелъ Охотскій полкъ, за нимъ Якутскій и Селенгинскій, усиленные на лѣвомъ флангѣ 32 батарейными орудіями.

Перестроившись въ ротныя колонны, охотцы стремительно двинулись на непріятельскую батарею № 1, занятую кольдстримцами. Бой принялъ характеръ рукопашной схватки. Нѣсколько разъ охотцы проникали внутрь укрѣпленія, но всякій разъ были выбиваемы изъ него. Однако послѣ продолжительнаго упорнаго боя кольдстримцы отступили, оставивъ на мѣстѣ 9 орудій и до 200 человѣкъ.—Въ то время, какъ англичане оставляли укрѣпленіе къ нимъ подходили свѣжія войска.

Остатки кольдстримцевъ, поддержанные прибывшею бригадою Адамса, бросились отбивать у охотцевъ потерянное укрѣпленіе. Каткартъ съ бригадою Торренса двинулся въ обходъ лѣваго фланга, бригада же Гольди устремилась противъ ихъ праваго фланга. Охотцы были выбиты изъ укрѣпленія Но въ это время подходили наши подкрѣпленія. Якутцы спѣшили на помощь охотцамъ, тѣснимымъ англичанами съ фронта, а селенгинцы атаковали Каткарта. Стремительная атака якутцевъ, опрокинувъ бригаду Гольди, отбросила кольдстримцевъ за укрѣпленіе. Въ то же самое время селенгинцы, отбивъ Каткарта, заставили его отступить. Думая, что батарея № 1 занята еще англичанами, онъ началъ отступать на нее, но былъ здѣсь встрѣченъ огнемъ охотцевъ и якутцевъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ Каткартъ былъ поставленъ въ весьма опасное положеніе. Англійскія войска упали духомъ и открыли безпорядочную стрѣльбу. Ободряя смущенныя войска, Каткартъ устроилъ ихъ и самъ повелъ ихъ въ

атаку против селенгинцев, преградивших им путь. Атака была дважды отбита. Тогда Каткарт бросился на якутцев. Шедшій впереди бригады, он был смертельно ранен. Войска его сначала смѣшались, но собрав послѣднія усилія, в отчаяніи бросились вперед и прорвались, наконец, чрез ряды якутцев. Опрокинув правый фланг англійской арміи, баталіоны 11-й дивизіи, несмотря на понесенныя потери, начали готовиться к новой атакѣ. Едва только они бросились вперед и потѣснили было англичан, как на помощь послѣдним прибыли французы, появившіеся на лѣвом флангѣ нашего расположенія. Однако французскія подкрѣпленія были встрѣчены таким сильным огнем с нашей стороны, что смѣшались и быстро отступили назад. Оправившись, они снова двинулись вперед и опять должны были отступить пред наступавшими баталіонами 11-й дивизіи. Одушевленіе наших войск достигло наивысших предѣлов. Опрокидывая все встрѣчавшееся на пути, они дружно ударили на непріятеля, который, впрочем, отходил медленно, уступая позицію шаг за шагом, отстрѣливаясь и время от времени останавливаясь, чтобы дать отпор наступавшим. В порывѣ всеобщаго воодушевленія, как бы не чувствуя наносимых ударов, наши войска шли все вперед и вперед, гнали пред собою французов и в то время, как якутцы и охотцы наступали с фронта, стрѣлки Селенгинскаго полка успѣли опередить и появились у него в тылу. Еще нѣсколько мгновеній и побѣда была бы за нами, но к сожалѣнію истощеніе наших войск дошло до крайности. Предоставленные собственным силам, ежеминутно убывающим от непріятельскаго огня, наши солдаты совершенно изнемогали, а поддержки не было. Это была критическая минута для обѣих сторон, как вдруг поле сраженія огласилось пронзительным звуком рожка, возвѣстившаго прибытіе новых французских сил. Участь боя была рѣшена окончательно и нам оставалось только отступать. Отступленіе это совершилось в порядкѣ, медленно и с большим упорством, вызвавшим удивленіе даже самих врагов.

По поводу этого сраженія иностранный кореспондент «Morning Chronicle» писал слѣдующее:

«Судьба сраженія еще колебалась, когда прибывшіе к нам на помощь французы атаковали лѣвый фланг непріятеля. С этой минуты русскіе не могли уже надѣяться на успѣх, но несмотря на это в рядах их незамѣтно было ни малѣйшаго колебанія и безпорядка. Поражаемые огнем нашей артилеріи, они смыкали ряды свои и храбро отражали всѣ атака союзников, напиравших на них с фронта и с фланга. Минут по пяти длилась иногда страшная схватка, в которой солдаты дрались то штыками, то прикладами. Нельзя повѣрить, не бывши очевидцем, что есть на свѣтѣ войска,

умѣющія отступать такъ блистательно, какъ русскія. Преслѣдуемые всею союзною полевою артилеріею, баталіоны ихъ отходили медленно, поминутно смыкая ряды и по временамъ бросаясь въ штыки на союзниковъ. Это отступленіе русскихъ Гомеръ сравнилъ бы съ отступленіемъ льва, когда окруженный охотниками, онъ отходитъ шагъ за шагомъ, потрясая гривою, обращаетъ гордое чело къ врагамъ своимъ и потомъ снова безбоязненно продолжаетъ путь, истекая кровью отъ многихъ ранъ, ему нанесенныхъ, но непоколебимый, мужественный, непобѣжденный» [1]).

Воодушевленіе въ бою достигало высшихъ предѣловъ не только у цѣлыхъ массъ, но и у отдѣльныхъ лицъ и даже у наиболѣе гуманныхъ людей, какимъ былъ, напримѣръ, нашъ народный герой Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, что я и поясню разсказомъ самого Черняева.

Въ Севастополь онъ прибылъ съ 11-й пѣхотной дивизіей, при которой состоялъ, также какъ и я, утвержденнымъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ. Здѣсь же онъ служилъ подъ начальствомъ двухъ боевыхъ генераловъ—Павлова, начальника этой дивизіи, и Хрулева, у послѣдняго начальникомъ штаба войскъ, расположенныхъ на 3, 4 и 5 отдѣленіяхъ, въ составъ которыхъ входили наиболѣе прославленные нашими войсками 3, 2 и 1 бастіоны вмѣстѣ съ Малаховымъ курганомъ и Камчатскимъ редутомъ. У Хрулева онъ научился и воевать вмѣстѣ съ русскими солдатами, т. е. увлекать ихъ своимъ личнымъ примѣромъ, необузданною храбростью, любовью, ласковымъ обращеніемъ, и умѣнью водить ихъ въ рукопашныя схватки.

Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ любилъ иногда полакомиться въ петербургскомъ русскомъ трактирѣ—Маломъ Ярославцѣ—національными кушаньями: подовыми пирогами, зернистой икрой, солянкой, осетриной и запить ихъ рейнскимъ виномъ. Кушалъ онъ и пилъ, не спѣша, услащая завтракъ своими разсказами. Разсказы его запечатлѣны были его природнымъ добродушіемъ и юморомъ. Послѣдній относился чаще къ нему лично, чѣмъ къ ближнимъ и притомъ всегда безъ упрековъ и порицаній послѣднихъ.

«Конечно, вы испытывали, —началъ онъ однажды,—все чарующее дѣйствіе на молодое воображеніе картины перехода Наполеона I чрезъ Аркольскій мостъ въ Итальянскую кампанію. Кто изъ насъ въ молодости не мечталъ втайнѣ попасть въ подобную же картину пе-

---

[1]) Дубровинъ. Исторія Крымск. войны. II т. стр. 229.

рехода, только съ русскимъ знаменемъ. Вотъ и мнѣ, какъ колонновожатому, пришлось въ Крымскую войну во время штурма непріятельскихъ укрѣпленій на Инкерманскихъ высотахъ 24-го октября 1854 года присоединиться къ головной знаменной ротѣ колонны, кажется, къ одному изъ баталіоновъ Охотскаго полка славной 11-й дивизіи. Рота заколебалась, не знала куда ей ринуться, на уголъ укрѣпленія или на одну изъ его сторонъ или же въ тылъ. Я, какъ ястребъ, давно уже увивался около этого знамени. Вотъ, думаю себѣ, и для меня наступила, наконецъ, минута Аркольскаго моста и, нисколько не медля, замѣтивъ замѣшательство знаменщика, схватилъ его знамя. Но тутъ я мгновенно почувствовалъ ударъ такого могучаго кулака, который чуть было не свалилъ меня съ ногъ. Это угощеніе преподнесъ мнѣ самъ командиръ знаменной роты съ такою силой, что я растиралъ помятые имъ мускулы по крайней мѣрѣ съ недѣлю. Вотъ тебѣ, думаю, и Арколе! Не всякому дано счастье Наполеона. Тѣмъ не менѣе, обойдя вмѣстѣ съ ротою укрѣпленіе, я ворвался въ него съ тыла и съ нѣсколькими рядовыми ринулся на кучку англичанъ, стоявшихъ въ сторонѣ съ молодымъ офицеромъ. Офицеръ протянулъ ко мнѣ руку съ своею саблей. Я ударилъ по рукѣ своей тяжелой острой шашкой и пересѣкъ ему руку. Страданье и испугъ отпечатлѣлись на его миловидномъ лицѣ... Изъ этого укрѣпленія насъ скоро вытѣснили и заставили отступить. Ожесточеніе мое не знало предѣловъ: подвигъ баталіона оказался напраснымъ. Отступая съ толпой, я развлекалъ свои тяжелыя думы воспоминаніемъ того ловкаго удара, которымъ я пересѣкъ вражью руку, но что-то тяжелое, смутное тяготило мою душу! Я началъ разбираться со своими ощущеніями и вскорѣ докопался до убѣжденія, что подвигъ мой былъ не болѣе, какъ запальчивое безуміе: и выраженіе юнаго лица офицера, и положеніе его руки съ саблей ясно говорили, что, замѣтивъ во мнѣ офицера, онъ пожелалъ сдаться мнѣ въ плѣнъ... Много, очень много враговъ погибло черезъ меня въ Европѣ и Азіи, но безвинно раненаго мною, просившаго пощады, офицера, я до сихъ поръ не могу забыть».

Таковъ былъ послѣдній натискъ, совершенный нашими войсками, дошедшими въ пылу своего озлобленія до бѣлаго каленія, который пріостановилъ преслѣдованіе непріятелемъ нашихъ войскъ и далъ возможность не только достигнуть своихъ укрѣпленій, но и спасти всѣ свои орудія, и перевезти чрезъ мостъ на Черной рѣчкѣ всю толпу раненыхъ.

Какъ ни храбро дрались наши войска предъ отступленіемъ, но главнымъ виновникомъ благополучнаго исхода этого трагическаго момента слѣдуетъ признать генерала Тимофѣева, который согласно

новой, послѣдней диспозиціи, передъ боемъ полученной [1]), не ограничился содѣйствіемъ одному только правому флангу тѣхъ войскъ, которыя наступали подъ начальствомъ Даненберга, но сдѣлалъ вылазку на самомъ дальнемъ діаметрально-противоположномъ концѣ отъ мѣста боя и дѣйствовалъ такъ удачно, что заставилъ всколыхнуться всѣ французскія войска, входившія въ составъ осаднаго корпуса и потянуться назадъ на выручку тѣхъ войскъ, которыя потерпѣли сильный уронъ отъ пылкой атаки наступающихъ, ему ввѣренныхъ войскъ; не только ближайшая дивизія Лурмеля, но и сосѣдняя съ англичанами французская дивизія принца Наполеона, принуждены были пріостановиться и вернуться для отраженія отряда Тимофѣева. Дѣйствіе генерала Тимофѣева должно считаться однимъ изъ наиболѣе блестящихъ и удачныхъ изъ всей обороны Севастополя. Хотя изъ его отряда и убыло свыше тысячи человѣкъ, но за то онъ съ одной стороны содѣйствовалъ нанесенію сильнаго пораженія непріятелю, притянувъ его къ батареямъ Севастополя, причемъ погибли три французскихъ генерала и масса нижнихъ чиновъ, а съ другой—спасъ отъ погрома наши войска на Инкерманѣ. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ присовокупить, что еслибы наши стали стрѣлять картечью по наступавшимъ на укрѣпленія французамъ, то уложили бы ихъ еще больше.

Что сказать относительно дѣйствій средняго между вышеупомянутыми отрядами корпуса князя Горчакова, которому по диспозиціи давалось порученіе (3-й пунктъ) взойти не только съ пѣхотой, но съ кавалеріей на высоты Сапунъ-горы, чтобы этимъ дѣйствіемъ привлечь на себя вниманіе войскъ Боске и тѣмъ самымъ дать отряду Даненберга возможность справиться съ англійскими войсками? Въ матеріалахъ и воспоминаніяхъ находится одно письмо, написанное княземъ Горчаковымъ военному министру, въ которомъ онъ высказываетъ, что князь Меншиковъ «разбрасывалъ баталіоны подъ облака».

Нужно полагать, что это выраженіе относится именно къ распоряженію, отданному по диспозиціи князю Горчакову—взойти на высоты Сапунъ-горы, которая представляла изъ себя не укрѣпленіе, насыпанное руками человѣческими, а крутую гору, созданную самою природою и искусно укрѣпленную траншеями и батареями для обороны отъ наступающихъ. Гибель послѣднихъ была бы не-

---

[1]) По всей вѣроятности новую диспозицію въ отмѣну первой генералъ Тимофѣевъ получилъ вслѣдствіе измѣненія диспозиціи отряду Соймонова, переданной Поповымъ.

минуема, почему ни князь Горчаковъ, ни помощникъ его, генералъ Липранди, не рѣшились штурмовать эти неприступныя твердыни, а начальникъ обсерваціоннаго корпуса генералъ Боске, оборонявшій эту твердыню и знавшій отлично ея силу, безъ колебаній отправился на выручку англичанъ.

Въ виду всего изложеннаго, кажется, не слѣдуетъ упрекать Чоргунскаго князя Горчакова, равнодушно будто бы отнесшагося къ нелегкому порученію—штурмовать эти крутыя возвышенныя горы. Надо вспомнить только, что тѣ же французы, прежде чѣмъ взять штурмомъ Малаховъ курганъ, бомбардировали изъ многихъ орудій жалкія наши насыпи Малахова кургана въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль и тогда только рѣшились на штурмъ, когда засыпаны были рвы возведенныхъ нами верковъ. По всей вѣроятности главнокомандующимъ княземъ Горчаковымъ было вполнѣ взвѣшено это обстоятельство, почему и вошло въ его письмо это образное выраженіе. Всходить на болѣе высокія и крутыя горы, чѣмъ Сапунъ-гора, насколько мнѣ извѣстно, крымской арміи не приказывалось и не приходилось.

Такъ окончился для русской арміи этотъ кровавый бой.

ГЛАВА X.

Командованіе войсками ген. Даненберга въ Инкерманскомъ сраженіи. — Мрачное настроеніе духа главнокомандующаго. — Предложеніе князя Меншикова атаковать Балаклаву.—Почему оно не было принято.—Предложеніе о необходимости оставить Севастополь.—Отвѣтное письмо Государя. — Общій обзоръ факторовъ неудачнаго исхода боя.

Генералъ Даненбергъ, командуя въ Инкерманскомъ сраженіи всѣми отрядами, проявилъ изумительную дѣятельность. На всемъ Киленбалкскомъ плато онъ распоряжался единолично и властно; зорко слѣдилъ за ходомъ боя на всемъ полѣ сраженія, устанавливалъ связь и единство въ дѣйствіяхъ между частями, направлялъ ихъ на главные пункты мѣстности, производилъ обходы непріятельскихъ фланговъ, своевременно подкрѣплялъ ослабѣвавшія части и своевременно же, когда въ войскахъ стали истощаться ряды борцовъ, а у послѣднихъ пули и снаряды, и не стало резервовъ, подалъ сигналъ къ отступленію. Но и при самомъ отступленіи онъ регулировалъ движеніе войскъ, почему оно представлялось настолько грознымъ, что, по свидѣтельству самихъ враговъ, напоминало отступленіе раненаго, но не побѣжденнаго льва. Казалось, что гене-

ралъ Данненбергъ искалъ смерти; подъ нимъ было убито двѣ лошади. Когда я къ нему подъѣхалъ, онъ сидѣлъ уже на третьей— ретивомъ сѣромъ жеребцѣ моего товарища по генеральному штабу Весселя, выведенномъ имъ изъ Турціи. Встрѣтившись съ главнокомандующимъ при отступленіи и получивъ отъ него приказаніе возобновить наступленіе, Даненбергъ, ради спасенія ввѣренныхъ ему частей отъ безполезнаго истребленія, отстоялъ это свое распоряженіе и довелъ ихъ до воротъ крѣпости въ такомъ порядкѣ и въ такомъ доблестномъ настроеніи духа, что когда потребовалось въ третій разъ двинуть назадъ противъ непріятеля наши полки для защиты отступавшихъ батарей, упершихся въ отвѣсныя кручи, то они вновь безъ колебанія двинулись впередъ и отстояли свои орудія.

Этимъ боемъ окончилась боевая карьера генерала Даненберга.

Мрачное, угнетенное настроеніе духа, какъ мы видѣли раньше въ началѣ записокъ, овладѣло главнокомандующимъ послѣ боя. Имъ потеряно было въ началѣ этой кампаніи два сраженія— подъ Альмой и настоящее. Но при подвижности и гибкости его ума вскорѣ блеснула предъ его духовными очами новая надежда и новая комбинація для исправленія понесенныхъ нами потерь— вчинаніемъ третьяго боя съ союзниками. Для этого вызванъ былъ командовавшій Чоргунскимъ отрядомъ князь Горчаковъ, которому главнокомандующій предложилъ взять Балаклаву. Задача была смѣлая и въ высшей степени рискованная: ставилось на карту все благосостояніе Россіи при обстановкѣ въ высшей степени неблагопріятной для нашей арміи, во первыхъ потому, что вслѣдствіе понесенныхъ потерь въ нижнихъ чинахъ и офицерахъ ее нужно было переформировать, а главное — вести эти войска на штурмъ неприступныхъ твердынь Балаклавы и Сапунъ-горы, укрѣпленныхъ самой природой и западными талантливыми инженерами. Князь Горчаковъ не рѣшился взять на себя совершеніе этого подвига. Тогда главнокомандующій предложилъ генералу Липранди исполнить это рискованное порученіе, но и онъ отказался. И они были правы. Благопріятное время для этого рискованнаго предпріятія было упущено безвозвратно. Его слѣдовало начинать тотчасъ по сборѣ къ одному пункту всѣхъ дивизій 4-го корпуса, а не одной дивизіи Липранди— 13-го октября, чтобы одновременно стереть съ Балаклавской долины сначала всѣ расположенныя здѣсь непріятельскія войска, а затѣмъ овладѣть

самой Балаклавой, когда она была еще не такъ сильно укрѣплена. На это-то мы не рѣшились: вмѣсто общаго напора всѣми войсками, ограничились сравнительно небольшою частью, не превышающей численностью 16 тыс., почему, несмотря на блистательный его результатъ, мы не могли извлечь изъ него ничего существеннаго; потерявъ не мало войскъ, сами собою оставили эти завоеванныя позиціи, какъ намъ ненужныя, а для замаскированія безполезнаго исхода наименовали этотъ бой рекогносцировкой.

Между тѣмъ усилія наши не остались безъ послѣдствій, къ сожалѣнію только въ отрицательномъ, крайне для насъ вредномъ, смыслѣ. Непріятель воочію увидѣлъ съ одной стороны, какъ опасны для него наши операціи, направленныя къ сторонѣ Балаклавы и къ какимъ неисправимымъ несчастіямъ могъ бы повести удачный для насъ исходъ этого боя. Поэтому онъ немедля принялся за возведеніе укрѣпленій не только впереди Балаклавы по краямъ двухъ горныхъ поперечныхъ массивовъ (Кадыкіойскаго и и ему противолежащаго съ восточной стороны Балаклавскаго рейда), преграждавшихъ нашимъ войскамъ путь къ берегу моря, но и всѣхъ слабыхъ мѣстъ по всему протяженію Сапунъ-горы, начиная отъ моря и оканчивая конечнымъ сѣвернымъ его выступомъ между рѣчкой Черной и Федюхиными горами. Надъ возведеніемъ этихъ укрѣпленій работали неустанно, не разгибая спинъ, всѣ войска, расположенныя вдоль окраинъ упомянутыхъ горъ, постоянно до дня Инкерманскаго сраженія, почему и совершенно преобразили въ боевомъ отношеніи характеръ этой мѣстности, сдѣлавъ ее вполнѣ недоступной. Вооруживъ укрѣпленія тяжелыми морскими орудіями, они стянули сюда большія массы войскъ и расположили ихъ вдоль краевъ Сапунъ-горы въ слѣдующемъ порядкѣ: первой и второй дивизіи лучшихъ французскихъ силъ, подъ начальствомъ Боске, поручена была защита всхода со стороны Балаклавской дороги; къ нимъ на тѣхъ же высотахъ при спускѣ къ Балаклавѣ присоединенъ былъ восьмитысячный отрядъ турокъ, а Балаклавскіе массивы ввѣрены были защитѣ одной французской бригады Винуа и одной англійской, такъ что какой бы путь не былъ выбранъ нашими войсками для штурма высотъ, на нихъ обрушивались для фланговой атаки большія массы непріятеля, а именно—со стороны Сапунъ-горы при атакѣ нами Балаклавы и обратно при атакѣ Сапунъ-горы, не говоря уже про тѣхъ, которыя входили въ составъ осаднаго корпуса. Въ виду всего изложеннаго, намъ не слѣдовало и мечтать объ овладѣніи Балаклавой.

а тѣмъ болѣе всѣмъ непріятельскимъ лагеремъ на Херсонесскомъ плато.

Потерявши надежду на возобновленіе боя съ цѣлью отплатить непріятелю за нанесенное пораженіе, князь Меншиковъ вынужденъ былъ, наконецъ, представить чрезъ военнаго министра докладъ Государю, въ которомъ вылилось все паденіе его духа. Въ немъ онъ сдѣлалъ непризрачные намеки, что не надѣется удержать въ своей власти Севастополь. Подобное пессимистическое настроеніе главнокомандующаго крайне огорчило Государя, въ силу того, что паденіе Севастополя равносильно было отчужденію изъ подъ нашей власти всего Крыма, стоившаго намъ столькихъ усилій, потерь и борьбы.

Государь вполнѣ понялъ то мрачное настроеніе, подъ гнетомъ котораго написаны были Меншиковымъ эти строки, полныя безнадежнаго отчаянія. Въ собственноручномъ письмѣ отъ 31-го октября 1854 года на имя князя вылилось все Царственное величіе духа, милосердіе и глубокая вѣра въ доблесть войскъ, а также и горячее желаніе поддержать и подкрѣпить падшія силы Своего вождя, невинно пострадавшаго отъ независящихъ отъ него обстоятельствъ.

«Не унывай, любезный Меншиковъ»,—писалъ покойный Государь,—начальствуя севастопольскими героями, имѣя въ своемъ распоряженіи 80 тысячъ отличнаго войска, вновь доказавшаго, что нѣтъ ему невозможнаго, лишь бы вели его какъ слѣдуетъ и куда должно; съ такими молодцами было бы стыдно и думать о конечной неудачѣ. Скажи вновь всѣмъ, что Я ими доволенъ, и благодарю за пряморусскій духъ, который, надѣюсь, никогда въ нихъ не измѣнится. Ежели удачи досель не было, какъ мы смѣли ожидать, то Богъ милостивъ, она быть еще можетъ. Милосердіе Божіе велико для тѣхъ, которые неизмѣнно на него уповаютъ.

Бросить же Севастополь, покуда есть еще 80 тысячъ въ немъ и подъ нимъ стоящихъ, еще живыхъ, было бы постыдно и помышлять; значило бы забыть долгъ, забыть стыдъ и не быть русскими, потому этого и быть не можетъ, и Я не допускаю сего даже и въ мысляхъ. Пасть съ честью, но не сдавать и не бросать.

Больше не пишу, ибо не знаю, что и писать. Я счастливъ, что Богъ сохранилъ Моихъ двухъ рекрутъ и что они себя показали, какъ и долгъ и званіе требовали. Кончаю, чѣмъ началъ—не унывать никому, а тебѣ, вождю, менѣе всякаго другого, ибо на тебя

всѣ глаза и твой примѣръ другихъ долженъ увлекать къ исполненію долга до послѣдней крайности. Да хранитъ васъ Богъ»!

Постараемся теперь изслѣдовать значеніе тѣхъ факторовъ, которые вліяли на исходъ Инкерманскаго боя, и опредѣлить какіе изъ нихъ слѣдуетъ отнести на долю случая и какіе возложить на отвѣтственность нашихъ войскъ.

1) Главнокомандующій не имѣлъ при себѣ начальника штаба, истиннаго помощника, преданнаго совѣтника и исполнителя всѣхъ его завѣтныхъ думъ и предпріятій. Не имѣлъ никакихъ управленій, полагаемыхъ по штатамъ военнаго времени, и чиновниковъ для занятій дѣлами.

2) Не имѣлъ генералъ-квартирмейстера, лица подготовленнаго долгой практикой къ исполненію плановъ кампаній и сраженій, предначертанныхъ главнокомандующимъ.

3) Не имѣлось ни картъ, ни плановъ, необходимыхъ для составленія диспозицій. Рекогносцировки же, по неполнотѣ изслѣдуемыхъ пространствъ, не могли замѣнить настоящихъ картъ и плановъ.

4) Корпусный командиръ генералъ Даненбергъ, вслѣдствіе стеченія непредвидѣнныхъ обстоятельствъ не пользовался его довѣріемъ.

5) Войска не имѣли дальнобойныхъ и скорострѣльныхъ ружей.

6) Войска и ихъ начальники дѣйствовали на незнакомой для нихъ мѣстности.

7) Мѣстность представляла всѣ выгоды для противника — была, такъ сказать, укрѣплена самою природой, и наоборотъ была крайне неблагопріятна для насъ.

8) Выучка нашихъ войскъ не соотвѣтствовала характеру тактики того времени, такъ какъ основывала весь успѣхъ боя на штыкѣ и не придавала значенія ружейному огню.

Словомъ, войска наши лишены были всѣхъ шансовъ на успѣхъ боя и болѣе всего пострадалъ отъ ихъ отсутствія самъ главнокомандующій. Еслибы онъ имѣлъ при себѣ начальника штаба съ такими душевными качествами, которыя вызываются самою сущностью поручаемаго имъ дѣла на этихъ высокихъ постахъ, то, по всей вѣроятности, послѣдній возстановилъ бы нарушенное равновѣсіе въ настроеніи его душевныхъ силъ и убѣдилъ бы иначе взглянуть и оцѣнить весь результатъ боя, который далеко не былъ такъ неудаченъ, какъ казалось всѣмъ тѣмъ, которые сначала вскользь и поверхностно анализировали его. Первые два пункта — неимѣніе въ

крымской арміи начальника главнаго полевого штаба и генералъ-квартирмейстера—слѣдуетъ всецѣло отнести къ доброй волѣ главнокомандующаго. Онъ выбираетъ ихъ самъ лично. Нельзя предположить, чтобы среди всей плеяды высокоразвитыхъ и выдающихся по опыту старшихъ чиновъ такой громадной арміи, какъ наша, которая къ тому полстолѣтія вела Кавказскія войны, не нашлись лица, достойныя занять этотъ лестный и высокій постъ. Каждый изъ нашихъ главнокомандующихъ того времени имѣлъ своего начальника штаба, на котораго онъ безбоязненно опирался и которому безусловно довѣрялъ. Они сливались въ единодушіи и двигали дружно общее для нихъ родное дѣло. Только одно обстоятельство, что князь Меншиковъ, служа долго во флотѣ, могъ не знать сухопутныхъ начальниковъ, и служитъ разъясненіемъ причины такой аномаліи. Со стороны военнаго министра, по поводу назначенія начальника штаба было сдѣлано все отъ него зависящее. Онъ прислалъ двухъ выдающихся по своимъ достоинствамъ лицъ изъ гвардейскаго генеральнаго штаба—полковниковъ Веймарна и Попова. Положимъ, Попову не удалось понравиться князю Меншикову, но долго оставался безъ мѣста и достойнѣйшій труженикъ—просвѣщенный и самоотверженный Веймарнъ, котораго высоко цѣнилъ Царь и Его военный министръ. Ему этотъ постъ не былъ предложенъ. При хорошемъ начальникѣ штаба редакція диспозиціи на 24-е октября была бы иная.

Топографическіе планы съ картами, рекогносцировки и ознакомленіе съ мѣстностью чрезъ разспросы свѣдущихъ людей принадлежатъ къ одному и тому же роду подспорій, содѣйствующихъ, какъ цѣнный матеріалъ, успѣху предпріятій. Тутъ, казалось бы, слѣдовало обвинить войска, что они невполнѣ использовали всѣ эти источники. Зная, что не имѣется подъ рукою ни картъ, ни плановъ (а рекогносцировки неудовлетворительны), начальники частей должны были обратиться за свѣдѣніями относительно характера мѣстности къ флотскимъ офицерамъ, особенно изъ числа охотниковъ. Я увѣренъ, что изъ ихъ числа, при основательной ихъ военной подготовкѣ и отзывчивости ко всѣмъ нуждамъ войскъ, не мало нашлось бы такихъ лицъ, которыя съумѣли бы начертить всѣ мѣстные предметы, окружающіе крѣпость, и указать ихъ вліяніе на ходъ сраженія. Что же касается незаконченной рекогносцировки мѣстности, а именно горъ, окружающихъ Балаклаву съ восточной стороны, т. е. Комаровскихъ высотъ, на которыхъ я остановился, производя единоличную рекогносцировку, то въ этомъ

отношеніи опять таки нельзя винить Даненберга, ибо онъ зналъ, что будетъ командовать тѣми войсками, которыя соберутся на Киленбалкскомъ плоскогорьи, и потому производилъ ее въ тѣхъ только границахъ, которыя ему были нужны, не заботясь о раіонахъ, входившихъ въ постороннюю сферу дѣйствій, на которую не былъ уполномоченъ. Къ тому же весь циклъ событій, предшествовавшихъ Инкерманскому бою, князь Меньшиковъ гналъ съ такою поспѣшностью, что не было никакой возможности осмотрѣться, толково обсудить свое положеніе и принять соотвѣтственныя мѣры къ наилучшему выполненію задачъ. Притомъ все дѣлалось съ такою скрытностью, необходимою, впрочемъ, во время войны, что начальники войскъ не могли заблаговременно освоиться по догадкамъ съ тѣмъ, что имъ предстояло совершать. Диспозиція для боя была переслана въ штабы дивизій только въ 5 часовъ вечера накануне боя т. е. за 3—4 часа до наступленія сумерокъ, между тѣмъ осмотрѣнное мною возлѣ Балаклавы мѣсто дало бы новый добавочный эпизодъ, который могъ имѣть серьезное значеніе въ общемъ ходѣ боя. Значеніе его состояло въ томъ, что указываемое мною мѣсто значительно превышало сосѣднія горы, было покрыто лѣсомъ и оттуда, какъ на ладони открывалась тыльная сторона всѣхъ верковъ, ограждавшихъ Балаклаву, и вся внутренняя площадь этихъ укрѣпленій; въ добавокъ, какъ мнѣ кажется, она была бы замѣчена непріятельскими войсками, занимавшими края Сапунъ-горы. Изъ чего можно заключить, что еслибы во время боя 24-го октября на указанную мною возвышенность скрытно по лѣсамъ, которые растилаются сзади деревни «Комары», посланъ былъ небольшой отрядъ, положимъ, въ составѣ одного или двухъ баталіоновъ при 4-хъ горныхъ орудіяхъ, (которыя входили въ составъ крымской арміи и состояли подъ начальствомъ нашего знаменитаго писателя графа Л. Н. Толстого), то отрядъ этотъ могъ бы оказать несмотря на свои слабыя силы, важное вліяніе на весь ходъ боя. Будучи разсыпанъ въ стрѣлковую цѣпь вдоль опушки этого лѣса, онъ вмѣстѣ съ орудіями, укрываясь лѣсомъ, могъ бы обстрѣливать продольнымъ огнемъ всѣ войска, помѣщенныя на банкетѣ, а также и орудія, разставленныя въ углахъ кремальеровъ. Хотя это и палліативъ, но несомнѣнно, что дѣйствія этого отряда могли произвести переполохъ во всей непріятельской арміи, стянуть, можетъ быть, корпусъ Боске съ высотъ на равнину и въ то же время парализовать дѣйствія англійскихъ войскъ, сражавшихся на Киленбалкскомъ плато. Рагланъ въ ту пору сильно опасался за

потерю Балаклавы, которая была бы равносильна по послѣдствіямъ конечной катастрофѣ, рѣшающей судьбу войны. Опасенія эти, какъ видно изъ повѣствованія французскаго автора, доводили Раглана до болѣзненнаго, горячечнаго бреда, въ которомъ онъ постоянно повторялъ слово Балаклава и тогда только успокоился и обратилъ все свое вниманіе на Инкерманскій бой, когда узналъ, что со стороны Балаклавы все спокойно.—Балаклава была ихъ Ахилесовою пятою. Воздѣйствуя на эту пяту даже малою частью, мы заставили бы дрогнуть сердца англичанъ и они, бросивъ все, отправились бы стремглавъ на защиту Балаклавы. Въ одномъ изъ воспоминаній очевидца (Вроченскаго) мы усматриваемъ, что Даненбергъ не разъ похвалялся будто онъ отлично знаетъ свойство мѣстности на Киленбалкскомъ плато, въ чемъ нельзя было ему не повѣрить, такъ какъ оно прилегало къ стѣнамъ Севастополя, въ которомъ онъ провелъ немало времени на должности начальника штаба корпуса; вслѣдствіе этого знакомства съ мѣстностью онъ и рѣшился дополнить смыслъ (1-й пунктъ) диспозиціи, направляя отрядъ генерала Соймонова по лѣвой сторонѣ Киленбалкскаго плато, что однако же измѣнено было главнокомандующимъ, какъ было разсказано въ послѣднемъ свиданіи Попова съ Соймоновымъ.

Что касается остальныхъ порицаній за дѣйствія нашихъ войскъ и генераловъ въ этомъ бою, то изъ описанія его усматривается, что дѣйствія эти были доблестны, самоотверженны, полны пыла, безъ всякаго ослабленія физическихъ силъ, словомъ—такія, которыя можетъ оказывать человѣкъ только при высоко нравственномъ настроеніи духа, приподнятомъ ради великихъ народныхъ интересовъ, олицетворявшихся немногими словами: *церковь, престолъ и родина.* Слова мои подтверждаются самимъ Меншиковымъ, который, не усвоивъ за всю кампанію привычки отдавать должную дань справедливости нашимъ армейскимъ частямъ, писалъ послѣ этого боя главнокомандующему дунайской арміи, что войска дрались и дѣйствовали отважно и самоотверженно.

ГЛАВА XI.

Заключительный выводъ объ исходѣ Инкерманскаго боя.

Сдѣлаемъ теперь безпристрастную оцѣнку исхода Инкерманскаго боя для обѣихъ боровшихся сторонъ и опредѣлимъ, какъ считать его исходъ для нашихъ войскъ: за пораженіе или побѣду.

Для этого прежде всего слѣдуетъ опредѣлить, что такое побѣда и въ чемъ она выражается. Значеніе этого слова двойственно, смотря потому съ какой точки мы станемъ его разбирать—только съ одной формальной, или еще съ реальной, т. е. по существу дѣла.

Для безпристрастной оцѣнки введемъ для рѣшенія этого вопроса мнѣніе главныхъ авторитетовъ военнаго дѣла, Фридриха Великаго и Наполеона I.

Первый сказалъ: «пріобрѣтеніе мѣстности, а отнюдь не число убитыхъ доставляетъ побѣду».

Наполеонъ подтверждаетъ этотъ взглядъ. «Вы не понимаете того, что происходитъ въ душѣ истиннаго воина, сказалъ онъ однажды въ минуту досады. Я выросъ на полѣ битвы, и миліонъ человѣческихъ жизней не составляетъ для меня ровнехонько ничего» [1]).

Геренъ въ своемъ сочиненіи: Histoire de la dernière guerre de Russie. Paris 1858 г. говоритъ: «Результатъ этого боя не можетъ быть оцѣниваемъ потерею людей съ обѣихъ сторонъ».

Остановимся пока на цифрахъ потерь и выяснимъ ихъ значеніе для обѣихъ сторонъ.

По исчисленію генерала Тотлебена въ его «Описаніи обороны гор. Севастополя» оказывается, что мы потеряли на Килепбалкскомъ плато 6 генераловъ, 256 человѣкъ офицеровъ и 10,467 нижнихъ чиновъ, что составляло почти третью часть всего числа войскъ, сражавшихся на немъ. Потеря же союзниковъ равнялась 4,383 чел., въ томъ числѣ 10 генераловъ. Слѣдовательно потеря наша превышала на 6,346 человѣкъ. Какъ опредѣлить значеніе послѣдней цифры? Она безспорно велика, но не потрясала своимъ избыткомъ наше воображеніе въ той адской борьбѣ, которую пришлось намъ вынести съ западными союзниками. Мы къ этимъ цифрамъ привыкли. Въ ту пору мы успѣли освоиться съ кровавыми мрачными итогами потерь обѣихъ сторонъ, а эта потеря равнялась не болѣе какъ тремъ днямъ послѣдняго періода осады, когда у насъ ежедневная убыль достигала въ среднемъ 2,000 чел.; иначе выражаясь, потеря эта ускорила исходъ осады всего на 3—4 дня. Затѣмъ, послѣ Инкерманскаго боя мы отступили въ свою же крѣпость, въ свое насиженное гнѣздо — туда, откуда и вышли, не потерявъ ни одной пяди земли.

Что же касается цифръ непріятельскихъ потерь, то онѣ пред-

---

[1]) Новое жизнеоп. Наполеона I проф. Слоона. 2 т. стр. 422.

ставляются по своей достовѣрности весьма сомнительными. Для подъема своей славы союзники имѣли благопріятный случай сваливать число убитыхъ на ту смертность, которая въ то время свирѣпствовала въ ихъ лагерѣ отъ холеры, тифа и другихъ болѣзней. Состояніе нравственныхъ силъ, которыя часто замѣняютъ собою самую числительность войскъ, у нашихъ противниковъ было не блестяще. Что нравственныя силы ихъ были расшатаны, это доказывается повѣствованіемъ иностранныхъ авторовъ, ниже сего мною приводимыхъ, какъ для оцѣнки ужасовъ самого боя, такъ и того безотраднаго состоянія, въ которое были приведены войска союзной арміи.

«Тутъ не было возможности полководцу,—говоритъ баронъ Базанкуръ,—бросивъ одинъ взглядъ на дѣло, создать планъ маневра, который измѣнилъ бы ходъ всего сраженія и привлекъ бы на свою сторону побѣду, еще парящую между врагами, не зная къ кому склониться. Здѣсь увлеченіе, сила, храбрость, остаются побѣдителями. Это штурмъ ужасный, безконечный—возобновляющійся штурмъ, подобный волнамъ прибоя, то отбѣгающимъ, то набѣгающимъ на берегъ. Пространство, на которомъ кипитъ бой, неровно, мѣстность безконечна волниста; пользуясь этимъ, безпрестанно являются въ сраженіи новыя, густыя колонны противниковъ. Эта суматоха, происходившая болѣе семи часовъ, выше всякихъ описаній: примѣры истиннаго геройства, ужасная борьба грудь съ грудью, всѣ проявленія мужества, отчаянныя атаки въ ущельяхъ, въ трущобахъ—вотъ Инкерманъ»!

«Всѣ наши раненые были уже перевезены»,—говоритъ одинъ изъ очевидцевъ-англичанъ,—«раненыхъ русскихъ также подбирали. Наши солдаты приносили имъ воды, клали ранцы подъ голову, доставали одѣяла, чтобы прикрыть ихъ отъ сырого ночного воздуха. Нѣсколько выше ряда палатокъ, находилось возвышеніе, господствующее надъ Инкерманскою гористою мѣстностью. На этомъ мѣстѣ союзная артилерія помѣрилась силами съ непріятельскою артилеріею. Зрѣлище здѣсь было невыносимо. Ничего не можетъ быть ужаснѣе вида тѣлъ, изуродованныхъ ядрами и гранатами. Но оставимъ эти страшныя подробности; довольно сказать, что здѣсь, посреди какихъ-нибудь 200 убитыхъ и раненыхъ лошадей, лежатъ тѣла нашихъ, англійскихъ и французскихъ артилеристовъ, которые всѣ болѣе или менѣе страшно изувѣчены. У однихъ оторваны головы по самую шею, какъ будто отрублены топоромъ, у другихъ ноги, руки; другіе поражены въ грудь или животъ и казались какъ будто сплющенными въ машинѣ. Пробираясь между грудами убитыхъ по дорогѣ, ведущей къ Севастополю, вы подходите къ тому мѣсту, гдѣ гвардейцы принуждены были отступить отъ защищаемыхъ ими укрѣпленій, находящихся надъ Инкер-

манскою долиною. Здѣсь число нашихъ убитыхъ было такъ же велико, какъ у непріятеля. Вдоль дороги, одинъ подлѣ другого, лежали пять гвардейцевъ, убитыхъ однимъ и тѣмъ же ядромъ, когда они шли въ атаку противъ непріятеля.

«Часовъ въ девять вечеромъ я вошелъ на брустверъ батареи и, когда взглянулъ на окружающее меня кровавое зрѣлище, сердце мое сжалось. Мѣсяцъ стоялъ въ полномъ блескѣ; было свѣтло, какъ днемъ. Предо мною разстилалась Инкерманская долина; рѣчка Черная медленно катила серебристыя свои волны между возвышеніями, которыя, по разнообразію своему и живописности, могутъ соперничать съ любою изъ самыхъ красивыхъ мѣстностей въ свѣтѣ.

«Вокругъ того мѣста, на которомъ я стоялъ, лежало до 5,000 тѣлъ. Между ними находилось также множество смертельно раненыхъ. Малѣйшія ихъ стенанія въ предсмертной агоніи долетали до слуха съ страшной ясностью, но еще ужаснѣе были хрипѣніе и отчаянная борьба съ смертью тѣхъ, которые умирали въ конвульсіяхъ. Вокругъ возвышенія виднѣлись группы въ нѣсколько человѣкъ, отыскивающихъ съ носилками раненыхъ; въ другихъ мѣстахъ мелькали фонари, которые подносили къ лицамъ убитыхъ, отыскивая тѣла офицеровъ. Были здѣсь и англійскія женщины, мужья которыхъ не возвратились. Онѣ оглашали воздухъ своими громкими рыданіями, обращали лица нашихъ убитыхъ къ свѣту луны, торопливо отыскивая то, что боялись найти. Какъ скоро походные лазареты явились, они тотчасъ же нагружены были страдальцами, Даже одѣяла употреблены были въ дѣло, чтобы переносить раненыхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поля убитые лежали цѣлыми грудами. Многіе изъ нихъ перешли въ вѣчность съ улыбкою на устахъ, и, казалось, только что заснули; напротивъ того, лица другихъ были страшно искривлены, глаза открыты. Нѣкоторые лежали какъ бы приготовленные къ погребенію. Лунный свѣтъ придавалъ ихъ лицамъ неестественную блѣдность»... [1]).

Таково было положеніе нашихъ противниковъ послѣ боя на Килeнбалкскомъ плато, поведшее къ разстройству ихъ нравственныхъ силъ. Какъ видно, оно мало напоминало картину побѣдныхъ празднествъ и ликованій. Держались даже въ ту пору упорные слухи, что непріятель, пришедшій въ ужасъ отъ отчаянныхъ атакъ нашихъ войскъ, считалъ свое дѣло безвозвратно потеряннымъ, собирался будто бы сѣсть на суда и возвратиться на родину, но что время успокоило его разстроенное воображеніе, какъ пишетъ гене-

---

[1]) Дубровинъ. «Исторія Крымской войны», т. II, стр. 248—250. Достопочтенный авторъ «Исторіи Крымской войны» соблаговолитъ снисходительно взглянуть на всю ту выписку, которую я сдѣлалъ изъ его прекраснаго труда на защиту доблестныхъ участниковъ этого боя.

ралъ Дубровинъ въ своихъ запискахъ, и онъ рѣшилъ продолжать осаду. Думается мнѣ, не время повліяло на это рѣшеніе, а какъ ходили въ ту пору слухи, услужливость тонкой политики нашихъ сосѣдей, доведшихъ будто до Наполеона III, что война уже настолько разстроила наши финансы и расшатала весь складъ государственной жизни, что мы неспособны далѣе продолжать ее, почему они и остались на занятыхъ ими мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что мнимая эта побѣда опрокинула всѣ ихъ самоувѣренныя комбинаціи, и противъ всякихъ ожиданій приковала ихъ почти на цѣлый годъ къ стѣнамъ крѣпости, что повело въ свою очередь къ другимъ потерямъ и бѣдствіямъ, воспоминанія о которыхъ долгое время повергали въ трепетъ участниковъ этой борьбы.

Перечтемъ эти невзгоды въ послѣдовательномъ порядкѣ. Прежде всего, немедля они приступили къ новому самоокапыванію по всѣмъ возвышенностямъ, проходившимъ вокругъ Балаклавы и вокругъ ихъ общаго лагеря на Херсонесскомъ плато. Вся ихъ армія приступила къ быстрымъ и неустаннымъ работамъ въ теченіе многихъ осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ и къ вооруженію вновь возводимыхъ построекъ тяжелыми морскими орудіями. Этимъ путемъ они окружили самихъ себя сплошною крѣпостью такихъ солидныхъ размѣровъ, что засадили себя въ неприступные окопы, отдѣлявшіе ихъ (цѣлые шесть мѣсяцевъ почти до конца осады) отъ твердой земли Крымскаго полуострова; словомъ—изъ осаждающихъ обратились въ осажденныхъ и безъ всякаго съ нашей стороны участія стали сторожить самихъ себя въ этой западнѣ. Одни только слабые кавалерійскіе отряды позволяли себѣ иногда выходить изъ этой западни для прогулокъ по Байдарской долинѣ. Такимъ образомъ, самопроизвольно изолировавъ себя въ непроницаемыхъ окопахъ, они тѣмъ самымъ порвали связь съ мѣстными жителями татарами, которые доставляли имъ въ изобиліи скотъ, топливо и другіе предметы довольствія. На морѣ поднялись ноябрскія бури, потопившія комерческія суда, на которыхъ привозилось съ запада продовольствіе. Цѣны безмѣрно поднялись на всѣ продукты.

Расчитывая на удачный штурмъ и скорое окончаніе войны, союзники не захватили съ собою теплой одежды. Взятые бѣлье, мундиры и пальто отъ сырости и трудовъ износились. Проводя время въ траншеяхъ подъ дождемъ, по колѣно въ грязи, а порою по поясъ въ снѣгу, они подвергались острымъ заболѣваніямъ. Безпрерывные тяжелые физическіе труды при дурномъ состояніи духа

ослабили здоровье, что въ свою очередь повело къ возобновленію старой ихъ болѣзни холеры и лихорадокъ, которыя они завезли съ собою изъ Добруджи. Смерть начала косить въ ихъ лагерѣ чиновъ всѣхъ ранговъ. Лагерь ихъ превратился въ госпиталь, въ которомъ люди умирали въ такомъ большомъ числѣ, что въ какихъ-нибудь 3—4 мѣсяца англійская армія уменьшилась на одну четверть, а здоровые, едва волоча ноги, бродили по лагерю истощенные, блѣдные и худые. Такой видъ имѣли лагери въ наиболѣе устроенныхъ и обезпеченныхъ западно-европейскихъ войскахъ; что же касается менѣе предусмотрительныхъ турокъ, то тѣ вразсыпную бродили по лагерямъ европейцевъ, собирали тѣ отбросы, которые валялись на землѣ послѣ ихъ обѣдовъ, и питались ими, какъ голодныя собаки на константинопольскихъ улицахъ. Лошади союзниковъ за недостаткомъ фуража падали сотнями, а привозимыя на корабляхъ для пополненія недостающихъ погибали во множествѣ отъ бурь и качки на самыхъ судахъ и выбрасывались въ море.

Особенно сильно пострадали англичане отъ недостатка прѣсной воды, которую приходилось добывать подъ нашими выстрѣлами или привозить издалека. Для облегченія перевозки тяжестей они вынуждены были соединить свои лагери желѣзною дорогою, но и это подспорье, замѣняющее лошадей, мало улучшало ихъ положеніе. Всѣ эти невзгоды и атмосферныя явленія особенно вредно отзывались на ихъ лазаретахъ: въ нихъ недоставало врачей, лекарствъ, защиты отъ холода, всѣхъ тѣхъ удобствъ, которыя требуются для больныхъ.

Такъ прозябали и бѣдствовали иностранцы послѣ Инкерманскаго боя въ своихъ неприступныхъ лагеряхъ. Спрашивается: неужели всѣ эти ужасы суть плоды ихъ побѣды и не слѣдуетъ ли ее назвать по своимъ послѣдствіямъ пораженіемъ?

Наука не дала намъ формулы для опредѣленія признаковъ побѣды, но руководясь общечеловѣческой логикой, нельзя не придти къ тому заключенію, что судя по послѣдствіямъ боя, мы одержали 24-го октября 1854 года, хотя не блестящую, но основательную побѣду надъ нашими кичливыми врагами. Цѣль и надежды наши въ ту пору были очень скромны—отвлечь врага отъ штурма 4-го бастіона, погибель котораго была бы неизбѣжна, если бы врагъ предпринялъ его. Въ лучшемъ случаѣ, возвесть наши укрѣпленія на Киленбалкскомъ плоскогорьѣ, чтобы съ нихъ повести фланговую осаду. Идти дальше этого мы не предполагали.

Конечно, въ ту пору и среди насъ не мало находилось такихъ

оптимистовъ, которые мечтали въ тотъ день сбросить враговъ нашихъ съ кручъ Херсонесскаго плато и потопить ихъ въ морѣ; но начальство не имѣло право раздѣлять этихъ воззрѣній: оно трезво опредѣлило нашу скромную роль—овладѣть англійскими позиціями. Мы овладѣвали ими во время боя не разъ, а многократно, но хотя и не могли ихъ удержать въ силу мѣстныхъ и боевыхъ причинъ, за то нанесли союзникамъ такую чувствительную потерю и настолько поколебали ихъ нравственныя силы, что они перестали и мечтать объ овладѣніи въ ту пору Севастополемъ, а напротивъ, самихъ себя оградили грозными окопами и оттянули осаду почти на цѣлый годъ. Потерявъ сотню тысячъ воиновъ, союзники въ концѣ концовъ были рады, когда мы для прекращенія войны и для удовлетворенія ихъ самолюбія дали имъ узкій клочекъ непринадлежавшей до Вѣнскаго конгреса къ составу русскихъ земель и для нихъ ненужной земли на берегахъ Прута, которую позднѣе мы же и отобрали.

Словомъ, оцѣнивая результаты боя при Инкерманѣ по существу, по послѣдствіямъ отъ него проистекшимъ для Россіи, мы должны признать этотъ бой побѣдой дѣйствительной, прославившей наше оружіе и вложившей въ нашу историческую жизнь, какъ въ благодарную почву, сѣмена процвѣтанія и могущества. Слава Творцу, пославшему намъ эту милость, слава войскамъ, заслужившимъ ее своими самоотверженными подвигами, слава вождю, Даненбергу, который, скрывая боль уязвленнаго самолюбія, не падая духомъ, принялъ на себя тяжелый крестъ вести въ бой слабо къ нему подготовленные отряды при невозможныхъ, для удачнаго выполненія заданныхъ цѣлей, мѣстныхъ условіяхъ, какъ писалъ Базанкуръ въ приведенной выдержкѣ. Отважно руководилъ онъ этими отрядами и одержалъ такой перевѣсъ надъ могучимъ и опытнымъ врагомъ, который разстроилъ его организацію, убилъ его самомнѣніе и готовность идти на штурмъ. Поздно началась его боевая карьера, какъ вождя, и рано окончилась. Отсутствіе практики, какъ военачальника, отозвалось на первомъ веденномъ имъ боѣ—подъ Ольтеницей. Но нѣтъ такого знаменитаго полководца, который избѣжалъ бы промаха и пораженія, за исключеніемъ, кажется, Александра Македонскаго. Теряли сраженія и Великій Конде, и Фридрихъ Великій, и Наполеонъ Бонапартъ, но послѣдующія затѣмъ побѣды обѣляли ихъ. Такъ обѣлилъ себя за Ольтеницкое пораженіе и съ лихвой вознаградилъ за понесенныя нами потери и генералъ Даненбергъ всѣми послѣдствіями Инкерманскаго боя.

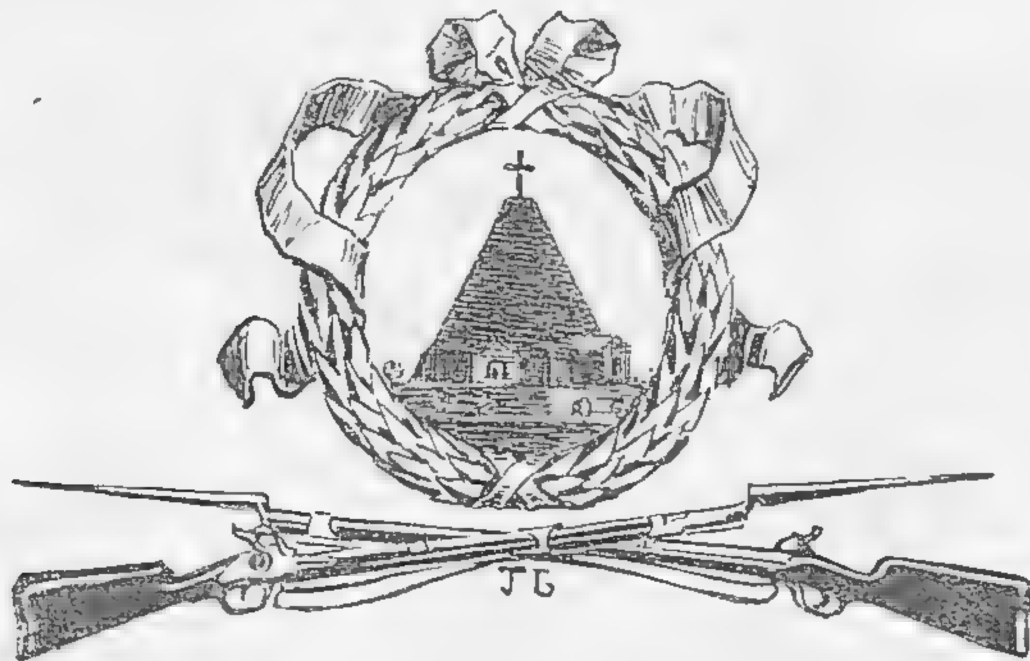
Исходомъ этого сраженія и выгодами, доставленными имъ Россіи, онъ сопричислилъ себя къ числу народныхъ героевъ. Къ сожалѣнію, Даненбергъ скоро долженъ былъ покинуть свое боевое поприще, на которомъ онъ могъ бы принести болѣе существенной пользы, чѣмъ на службѣ въ Военномъ Совѣтѣ, куда онъ причисленъ былъ милостію Императора вопреки нелестныхъ о немъ отзывовъ князя Меншикова.

Настоящій очеркъ мой о Даненбергѣ да замѣнитъ тотъ могильный вѣнокъ, который мнѣ не удалось возложить на гробъ этого просвѣщеннаго, симпатичнаго и гуманнаго вождя, предъ которымъ, по его усердію, преданности дѣлу, энергіи и силамъ физическимъ должна была открыться блестящая будущность.

— —

За отличіе въ этомъ дѣлѣ я былъ награжденъ чиномъ капитана, а такъ какъ этотъ чинъ я незадолго предъ тѣмъ получилъ за окончаніе наукъ въ академіи генеральнаго штаба, то стоящія въ то время во главѣ министерства лица—генералъ-адъютантъ Сухозанетъ—военный министръ и его товарищъ князь Васильчиковъ, подъ начальствомъ которыхъ я служилъ въ Крымскую кампанію, представили меня къ награжденію чиномъ подполковника генеральнаго штаба, но только со старшинствомъ чрезъ годъ со дня отличія, т. е. 24-го октября 1855 года, который я и получилъ на 24-мъ году отъ рожденія.

К. Андріяновъ.

2007338529